

ЗВЕЗДЫ ЗАРУБЕЖНОГО СПОРТА

Алтея Гибсон

**Я ВСЕГДА ХОТЕЛА
СТАТЬ КЕМ-ТО**

WINNING IT ONCE CAN BE A FLUKE;
WINNING IT TWICE PROVES
THAT YOU ARE THE BEST.

ВЫИГРАТЬ ОДИН РАЗ – ЭТО
МОЖЕТ БЫТЬ СЧАСТЛИВЫЙ СЛУЧАЙ;
ВЫИГРАТЬ ДВАЖДЫ –
ЗНАЧИТ ДОКАЗАТЬ, ЧТО ТЫ ЛУЧШИЙ.

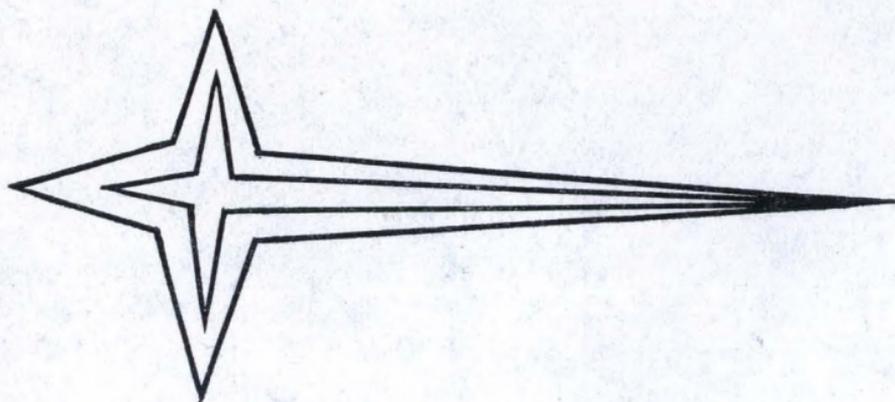

„ФИЗКУЛЬТУРА И СПОРТ“

ALTHEA GIBSON

**I ALWAYS WANTED
TO BE SOMEBODY**

LONDON 1959

АЛТЕЯ ГИБСОН

Я ВСЕГДА ХОТЕЛА СТАТЬ КЕМ-ТО

ЗВЕЗДЫ ЗАРУБЕЖНОГО СПОРТА

МОСКВА 1978

Перевод с английского Ю. Сабирова

Гибсон А.

Г 46 Я всегда хотела стать Кем-то (перевод с английского Ю. Сабирова). Предисловие и послесловие А. Дмитриевой. М., „Физкультура и спорт“, 1978.

112 с. с ил. (Звезды зарубежного спорта)

Алтея Гибсон — известная теннисистка, победительница Уимблдонского турнира, неофициального первенства мира, рассказывает о тернистом пути негритянской спортсменки к вершине славы.

Алтея выросла в бедной негритянской семье. Детство ее проходило в Гарлеме — нью-йоркском негритянском гетто. На собственном опыте она познала, что такое расовое неравенство. Лучшая теннисистка мира конца 50-х гг., Алтея Гибсон утвердила в женском теннисе стиль, который спустя двадцать лет воцарился в теннисном мире.

Г $\frac{60902-059}{009(01)-78}$ 22-78

7А8.4

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие к русскому изданию	7
Глава первая. Мы были просто озорными	9
Глава вторая. Между двумя мирами	21
Глава третья. Осторожно. Южные Штаты!	29
Глава четвертая. Жизнь в колледже	39
Глава пятая. Перелом	55
Глава шестая. Снова поражение	65
Глава седьмая. Чемпионка Уимблдона	74
Глава восьмая. Добро пожаловать домой!	80
Глава девятая. Что же дальше?	85
Послесловие	101

ИБ № 223

Алтя Гибсон

Я ВСЕГДА ХОТЕЛА СТАТЬ КЕМ-ТО

Заведующий редакцией **А. В. Сайкин**
Редактор **Л. С. Борисова**
Художник **О. А. Кознов**
Художественный редактор **А. В. Линдорф**
Технический редактор **Л. В. Туркова**
Корректор **Г. А. Соколова**

Сдано в производство 1/XI 1977 г. Подписано к печати 21/II 1978 г. Бумага тип. № 1. Ф-т 84×108¹/₃₂. Печ. л. 3,5+0,5 вкл. Усл. п. л. 5,88+0,84 вкл. Уч.-изд. л. 5,79+0,69 вкл. Тираж 85000 экз. Издат. № 5688. Цена 75 коп. Зак. № 2104.

Ордена „Знак Почета“ издательство „Физкультура и спорт“ Государственного комитета Совета Министров СССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. 103006. Москва, К-6, Каляевская ул., 27

Ордена Октябрьской Революции и ордена Трудового Красного Знамени Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. Москва, М-54, Валовая, 28

Знакомясь с историей тенниса, нетрудно заметить, что женщины утверждали свое право на эту игру на различных ее этапах. Так было и в конце прошлого века, когда пятнадцатилетняя Шарлотта Дод, остающаяся и по сей день самой юной чемпионкой Уимблдона, сумела опровергнуть мнения скептиков. Она доказала, что женщина способна не только понять сложный теннисный счет, но, несмотря на деликатность души, сильно бить по мячу, играть с лёта, бить смеш. Словом, «маленькая Лотти» впервые сумела наглядно продемонстрировать, что теннис в такой же мере женская, как и мужская игра.

В двадцатые годы нашего века, когда складывалась современная мужская игра, появилась знаменитая Сюзанна Ленглен — «королева тенниса». Женственно и артистично она доказала, что теннисистка может овладеть и сильнейшими подачами, и мощными смешами, и неожиданными ударами с лёта.

Можно назвать еще немало имен, стремившихся найти новые пути в развитии женского тенниса.

Но до Алтеи Гибсон совершенства в этом достигнуть не удалось никому. Лучшая теннисистка конца пятидесятих годов, она своей игрой заставила восхищаться и темпераментных болельщиков стадиона Роллан-Гаррос в Париже, еще хранивших в памяти выступления «великой Сюзанны», и чопорных ценителей этой прекрасной древней игры в Англии. Алтея Гибсон покорила австралийских знатоков тенниса и, наконец, заставила признать свой талант и соотечественников.

По своим физическим данным, казалось, рожденная для тенниса — высокая, стройная, она легко и элегантно передвигалась по корту. Алтея Гибсон утвердила в женском теннисе новый стиль, который теперь,

спустя двадцать лет, воцарился в теннисном мире. Она играла в мужской манере — быстро и сильно. Ее отличало идеальное чувство мяча и безукоризненное понимание игры, мощные удары всегда были точны. Особенно поражало, как Гибсон, сделав буквально шаг и вытянув длинную руку, могла достать любой мяч. Казалось, играй она до бесконечности, не нашлось бы теннисистки, способной победить ее. И даже рассказы о некоторых проигрышах не могли поколебать это ощущение.

Впервые я увидела Алтею Гибсон в 1958 году в Англии. Мне было тогда 17 лет, ей 33. С расширенными от восхищения глазами я только вступала в теннисный мир, она была его «королевой». Ее превосходство над всеми было ошеломляющим. Создавалось впечатление, что она приехала в Уимблдон поиграть в свое удовольствие, формальности ради, подтвердить, что она сильнейшая. Мне казалось, что подняться на ее высоту невозможно — с величественной небрежностью царила она над всеми.

Меня представили знаменитой негритянке, и она подарила мне свою книгу с дарственной надписью. «Я всегда хотела стать кем-то» — так решила назвать ее Гибсон.

Не буду рассказывать ее историю, вы прочтете сами. Скажу лишь, что по мере того, как от строчки к строчке, заглядывая в английский словарь, я переводила для себя эту книгу, Алтея Гибсон с воздушного замка, на который я ее подняла, спускалась на землю. Не было больше величественной небрежности, была трудная борьба за жизнь, за свое место в ней.

И вряд ли нашлось бы место в этом чуждом ей мире, мире кастовом, опирающемся на консервативные взгляды снобов, вряд ли сумела бы она «стать кем-то», если бы ощущение своей личности не родилось бы вместе с ней, если бы не была она столь щедро одарена от природы и если бы не было у нее характера, пусть взбалмошного, но на редкость упрямого и целеустремленного.

Сказочным может показаться перелет негритянской девочки с гарлемских улиц на роскошный бал, даваемый королевой Англии в ее честь, и, наверное, совсем нереальной могла показаться родителям Алтеи поздравительная телеграмма от президента Соединенных Штатов Америки Дуайта Эйзенхауэра:

«Мы аплодировали Вашему мужеству и умению»...

И именно тогда, после победы своей дочери, старая негритянская женщина сказала: «Я никогда не думала, что негритянская девочка сможет стоять так высоко». Но она смогла. И стала сначала первой негритянской теннисисткой, допущенной на чемпионат своей страны и выигравшей его, а затем первой и пока единственной негритянской теннисисткой, ставшей сильнейшей в мире и открывшей путь, по которому развивается современный теннис.

**Анна Дмитриева,
заслуженный мастер спорта СССР**

Глава первая.

МЫ БЫЛИ ПРОСТО ОЗОРНЫМИ

Мне всегда хотелось чего-то добиться в жизни. И думаю, именно поэтому я несколько раз убежала из дому, когда была совсем маленькой, хотя за это меня здорово поролли. Именно поэтому я занялась теннисом без колебаний и тренировалась, хотя я была настолько взбалмошной, что трудно себе представить. Именно поэтому все годы занятий теннисом мне приходилось жить как цыганке — кочевать по чужим домам и выполнять все, что от меня требовали, хотя я всю жизнь мечтала жить так, как хочется мне, в своем собственном доме и быть в ответе за все только перед собой. Именно поэтому я, невыдержанная и высокомерная в юности, с утра до ночи играла в баскетбол, бейсбол, теннис деревянными лопатками и даже в футбол, никому и ни в чем не уступая. Именно поэтому я поклонялась Шугу Рэю Робинсону — популярному игроку в бейсбол. Я его уважала потому, что он уже добился определенного в жизни, стал «кем-то», и я решила, что должна стать «кем-то» тоже, любой ценой. И если мне удалось добиться этого, то отчасти потому, что я оказалась способной пройти через многие унижения, отчасти потому, что на моем пути всегда

встречались хорошие люди, от души помогавшие мне в этом.

Это был сложный, порой до изнеможения трудный путь. Пожалуй, горестей было больше, чем радостей. Но ни за что на свете я бы не променяла его.

Немногие знали истинную историю моей жизни, пока мое имя не попало в газеты. Я попытаюсь рассказать о ней в этой книге, так, как помнится, ничего не приукрашивая.

Говорят, я родилась 25 августа 1927 года в маленьком городишке под названием Сильвер в штате Южная Каролина. Жизнь нашей семьи в этом городишке я не помню. Все, что отчетливо помнится, касается Нью-Йорка. Но отец часто вспоминал о нашем пребывании в Южной Каролине. По его рассказам, городок наш застроен в основном трехэтажными домами,—этим отец старался подчеркнуть, что он был достаточно крупным, так как во многих других городках преобладали одноэтажные строения. И все-таки наш городишко был маленьким. И отец Даниэль, и мать Анна жили в Сильвере.

«Бывало, раз в неделю по воскресеньям я приходил к Анне на свидание,—вспоминал отец.—Если вы спросите меня, почему только раз в неделю, я отвечу — просто потому, что ее родня чаще не разрешала».

После женитьбы они жили в маленькой хижине на хлопковой ферме. Отец помогал моему дяде выращивать хлопок и кукурузу. Отец был крепко сложенный мужчина, похожий на известного игрока в бейсбол Роя Кампанеллу из команды «Доджер». Мать, как она говорила, тоже не была в те годы изнеженным цветком. Она очень любила ездить верхом, но так как возможностей для этого было маловато, то каталась и на коровах, и на свиньях — на ком придется.

«Вскакивала на них и представляла, что я на коне,—рассказывала она.—Я и сейчас, наверное, могла бы кое-что показать».

И я верила, что это так — она выглядела лет на десять моложе и была в форме.

Я родилась тоже не слабенькой. Первый ребенок в семье, я при рождении весила добрых четыре килограмма.

Я всегда жалела, что не пришлось помогать родителям на ферме. Дядя и отец имели всего пять акров земли и едва сводили концы с концами. Даже когда дела

шли хорошо, они ничего не могли отложить на черный день. А когда три года подряд был неурожай, положение стало ужасным. Отец рассказывал:

«Три года я работал впустую. В этот третий год удалось получить только полтора тюка хлопка. Тюк хлопка стоил тогда пятьдесят долларов. Таким образом, я получил семьдесят пять долларов за целый год работы. Надо было выбираться отсюда. И когда тетушка Салли Вашингтон приехала к нам из Нью-Йорка на похороны своей сестры, я решил, что пора».

Отец договорился с тетей Салли, что она заберет меня с собой в Нью-Йорк, а он приедет туда месяца через два, чтобы устроиться на работу, и как только сможет — вызовет мать. Выручив деньги за свои полтора тюка хлопка, он поехал в Нью-Йорк.

«Я купил дешевый синий костюм за семь с половиной долларов, двадцать пять долларов заплатил за проезд, оставил немного денег жене и отправился в Нью-Йорк».

Никогда не уставала я слушать рассказ отца о том, что с ним произошло на пути в Нью-Йорк. В вагоне нью-йоркского поезда он разговорился с проводником, пожаловался на плохие дела в Южной Каролине и, когда поезд подошел к Пенсильванскому вокзалу, спросил, как добраться до Гарлема. Проводник сказал, что найти туда дорогу довольно трудно даже тому, кто хорошо знает город, но он смог бы потратить свое время и показать дорогу отцу за пять долларов. Они спустились в метро и через двадцать минут были уже на 125-й улице.

«Ну, вот вы и приехали, мистер Гибсон. Это Гарлем», — сказал проводник.

Так отец начал жизнь в большом городе, заплатив пять долларов за грошевую поездку в метро.

«Но все это пустяки — помню, говорил отец. — Главное, что я сразу получил работу в гараже и деньги. Десять долларов в неделю. Можно было теперь ни о чем не беспокоиться. Я сразу вызвал жену».

Некоторое время мы жили все вместе у тети Салли, а потом у нас появилось собственное жилье. Мне было всего три года, когда тетушка увезла меня с собой, и я не много помню о том времени. Помню только, что она неплохо зарабатывала, контрабандой продавая виски. Не думаю, что она делала его сама, просто продавала. Как бы то ни было, в доме ее всегда в достатке была еда, квартирная плата всегда вносилась вовремя, да и

одевалась тетя Салли хорошо. Во всяком случае, она отлично обходилась без посторонней помощи.

Помню, как-то ее бизнес сыграл злую шутку со мной. Я спала в своей комнате, а тетушка Салли была в гостиной. Проснулась я от сильной жажды, встала и пошла на кухню. На кухонном столе стоял большой кувшин. Недолго думая, я схватила его и жадно глотнула. Очнувшись на кровати, тетушка Салли сидела рядом, а доктор промывал мне желудок.

Мне было семь или восемь лет, когда я отправилась в Филадельфию пожить у другой тетушки Дейзи Келли. Гостила я у нее года два и, должно быть, доставляла немало хлопот, хотя потом она всегда рассказывала о моих проделках в шутовском тоне. Сотни раз я слышала ее рассказы, но какими бы смешными они ни казались, тогда это было для нее мучительным испытанием. У тетушкиного знакомого был собственный подержанный автомобиль. Я обожала и машину, и этого знакомого. Бывало, следовала за ним по пятам.

«В то воскресное утро,—вспоминала тетушка,—я одела тебя во все белое, повязала большой белый бант и выпустила гулять. Гуляла ты довольно долго, и я уже начала беспокоиться. Несколько раз выглядывала из окна. Недалеко от дома знакомый возился у своей машины. Рядом на тротуаре стояло ведро с машинным маслом. Наконец я увидела тебя—ты перепрыгивала через это ведро. И конечно, когда я закричала на тебя, ты поскользнулась и упала прямо в ведро. Несколько дней я не могла отмыть тебя, а платье мне пришлось просто выбросить».

В другой раз, как рассказывала тетушка, после долгого отсутствия я появилась из-за угла дома с огромной веткой в руках, а за мной гнались двое мальчишек. И в тот момент, когда они почти догнали меня, по словам тетушки, я вдруг резко повернулась и начала хлестать их этой веткой. «Пришлось вмешаться, а то бы ты их избивала как следует».

Да, я всегда могла постоять за себя—это верно.

Думаю, больше всего я напугала тетушку Дейзи в тот день, когда она и мой двоюродный брат Перл собрались ехать куда-то на машине тетушкиного приятеля, а меня брать с собой не хотели. Вначале я устроила скандал, а потом про себя решила, что будет по-моему. Когда машина подъехала к дому, в который они направ-

лялись, и тетушка Дейзи и Перл вышли из нее, я уже стояла рядом на тротуаре. Весь путь я проделала на подножке, уцепившись за ручку дверцы и согнувшись таким образом, чтобы меня не заметили.

Но в настоящие переделки я стала попадать, когда наша семья поселилась в собственном доме на западной 143-й улице, где и сейчас живут мои родители, сестры Милли, Энни, Лилиан и брат Дэниель.

Я очень любила двигаться и очень не любила ходить в школу. Больше же всего я ненавидела, когда мне диктовали, что я должна делать.

Сплошь и рядом я прогуливала занятия в школе. Это вошло у меня в привычку. Позже, когда я стала постарше, то, случалось, приходила в школу лишь для того, чтобы обговорить с друзьями наши планы на весь день. Когда я была маленькой, учителя пробовали перевоспитать меня, иногда мне даже доставались шлепки в присутствии класса. Но это не помогало, на следующий день я снова пропускала занятия. Порол меня, бывало, и отец, и это были уже не шлепки. Хлестал он меня ремнем по голой спине, и тогда было не до шуток. Иногда я боялась идти домой и шла в полицию на 135-ю улицу и говорила, что боюсь идти домой, потому что отец избьет меня. В первый раз, когда я так сделала, меня оставили в полиции около часа, затем вызвали мать. Но мать боялась идти в полицию. Она не хотела иметь с ними никаких дел. В конце концов, дежурный послал молодого полицейского ко мне домой спросить: «Разве вам не нужна ваша дочь?» В тот вечер мне хорошо досталось.

Единственное, что мне по-настоящему нравилось,— это играть в мяч. Больше всего любила баскетбол, но с удовольствием играла в любые игры с мячом.

Мне кажется, главной причиной моих прогулов в школе было то, что я не видела смысла тратить время, которое могла бы посвятить баскетболу. «Она все время пропадала во дворе,— сказал как-то отец журналистам,— вот почему хорошо играет в теннис».

Должна сказать, что отец был разочарован, что родилась я,— он всегда мечтал о сыне. Поэтому и воспитывал меня как мальчишку с самого раннего детства. Еще в Каролине мы с ним, бывало, играли в шарики — швыряясь желудями вместо шариков. По его словам, я всегда выигрывала у него, но думаю, что он немного преувеличивал, поскольку мне было тогда всего три года.

Однако он совсем не преувеличивал, когда рассказывал, что хотел сделать из меня боксера-профессионала. Он действительно хотел. Я тогда была в средней школе, и было мне лет двенадцать-тринадцать. Отец много читал о профессиональных поединках женщин-боксеров и очень хотел, чтобы и я занялась боксом. Женский бокс запрещен сейчас, а в то время клубы женского бокса привлекали многих. «Представляешь, как было бы отлично,— говорил он.— Ты могла бы стать чемпионкой мира. Ты сильная и крепкая, и у тебя неплохой удар».

Конечно, из уст девушки это звучит неделикатно, но я умела драться. Отец научил меня приемам, у меня были к этому склонности — я была сильной, упрямой и никого не боялась, даже отца. Он сам часто говорил, что во время порки я никогда не плакала, как бы больно мне ни было. Стараться вызвать у меня слезы было пустой тратой времени. Я молчала и только смотрела на него. От такой порки не было никакого толку.

Отцу нравилось давать мне уроки бокса. Обычно он говорил: «Подними руки, защищайся!» — и я должна была принять соответствующую стойку и защищаться, чтобы не быть битой. Так он периодически занимался со мной около часа, показывая, как правильно наносить удары, как делать это внезапно, как блокировать удары соперника, как передвигаться. Для меня это были хорошие уроки, может быть, даже слишком. Помню, однажды отец пришел в ярость, когда я дня два не ночевала дома. И как только я появилась, он решил не теряя времени отлупить меня. Я отступила и изо всей силы ударила его в челюсть так, как он учил меня.

Отец весил около 190 фунтов и любил повторять: «Один на один я никого не боюсь. Если налетит банда, тогда другое дело, а так мне достаточно только один раз ударить, и обидчик потеряет всякую охоту приставать ко мне».

Но, даже оставив идею сделать из меня профессионального боксера, он продолжал учить приемам бокса, чтобы я в случае необходимости могла защитить себя.

Расти и воспитываться в Гарлеме — это жутко. Здесь ничего не стоит унижить, обидеть тебя, даже если ты никого не трогаешь. Не научи отец постоять за себя, не раз быть бы мне битой.

Помню, шла я как-то по улице, в пригоршне — камешки, и я бросаю их в цель — рекламные щиты, почто-

вые ящики. Подходит ко мне большая девчонка и говорит:

«Ты что это изображаешь из себя головореза?»

Я хотела не обратить на нее внимания, обойти, но не тут-то было. Она загородила дорогу, встала передо мной и неожиданно сильно ударила меня. Я упала, а она повернулась и, не обращая на меня внимания, пошла своей дорогой. Вся в слезах я побежала домой.

Отец не стал жалеть меня. Когда я рассказала ему, что случилось, он только сказал:

«Если ты не найдешь ее и не дашь сдачи, получишь еще и от меня, как только вернешься».

И я вернулась, нашла ее и не пощадила. Я не дралась как девчонка, а наносила ей удары профессионально. Больше она никогда не задевала меня.

В наших окрестностях дети порой могли проявить и утвердить себя только в играх и драках. Нужно было доказать, что ты можешь постоять за себя, тогда тебя оставят в покое. Стоит только дать почувствовать, что ты — легкая добыча, как другие тотчас же начнут утверждать свою репутацию, избивая тебя. Я твердо выучила тогда правило — бить надо первым.

Вспоминается такой случай. В школе сзади меня сидела большая девчонка. Может быть, потому, что я часто прогуливала, она старалась досадить мне каждый раз, когда я появлялась. У меня были длинные косы, и она дергала за них так, что казалось — выдернет волосы с корнем. Если я оборачивалась и просила оставить меня в покое, она дергала еще сильнее.

Однажды я не выдержала и сказала, что мне это надоело и что я буду ждать ее после уроков за углом школы. Весть об этом быстро распространилась по школе. И когда я вышла после занятий, она уже ждала меня во дворе, а за ней собралось полшколы любопытных. Я испугалась. Она была значительно больше меня и имела репутацию забияки. Но выбора не было. Я должна была не ударить в грязь лицом. Некоторое время мы стояли, враждебно осматривая и обзывая друг друга. Тем временем я старалась выбрать удобную позицию, чтобы нанести удар. Только она разразилась очередной бранью, я ударила ее. В боксе это называется удар прямой правой. Она упала как подкошенная. Зрители не могли сказать ни слова. Я повернулась и гордо пошла домой с таким видом, будто я Джо Луис.

Но дралась я не только с девчонками, но и с мальчишками. Однажды у меня произошла драка с мальчишкой по имени Чарли из-за моего дяди. Дядя Джуни жил на 144-й улице, и там была группа хулиганов, которые называли себя «кавалеристы». С вожаком этой группы мы обычно играли в баскетбол и другие игры. Мы были, что называется, друзья-приятели. В тот день я гостила у тетушки Салли, и когда спускалась по лестнице домой, то увидела внизу дядю Джуни, который был несколько навеселе, и этого парня, шарившего у него в карманах. «Что ты делаешь? — закричала я ему сверху. Это мой дядя. Не смей трогать его!» Я подбежала к дяде Джуни и помогла ему взойти по лестнице.

Затем я обернулась посмотреть, ушел ли тот парень. И вовремя — в этот момент он вытащил из кармана заточенную отвертку и бросил ею в меня. Я успела загородиться рукой. Так и остался на руке шрам от отвертки. Как можно быстрее я отвела дядю домой и снова убежала на улицу. До сих пор вспоминают об этой драке на 144-й улице. Парню и в голову не приходило, что дерется с ним девчонка. Никто не хотел уступать. Не знаю, чем бы это кончилось, если бы нас не разняли взрослые. Можно считать, что результат был ничейным. Но с тех пор эти «кавалеристы» признали меня и ни один из них не смел тронуть даже пальцем.

Я уже говорила, мы никогда не попадали в настоящую беду. Мы просто были озорниками. К счастью для себя, сейчас я это хорошо понимаю, я никогда не посещала так называемые общественные клубы, которых так много в Гарлеме. И мои подруги тоже. Нас не интересовали ни наркотики, ни алкогольные напитки, ни секс, не привлекали нас и налеты, которыми рано или поздно кончалось все это в надежде добыть денег для своих «занятий».

Да, я не любила ходить в школу и часто прогуливала занятия, но меня не привлекала и перспектива попасть в тюрьму. Чаще всего мы с моей лучшей подругой Алмой Ирвинг проводили время в кино, особенно по пятницам, когда показывали большие программы, в кино-театре «Аполлон» на 125-й улице. Алма, как и я, очень любила баскетбол. Она была хорошим игроком, и мы часто играли с ней на бутылку кока-колы или на бутерброд с горячей сосиской. Вечерами мы, бывало, приходили к гимнастической школе и вызывали кого угодно — мальчика или девочку, мужчину или женщину на состоя-

зание, которое мы называли «двое на двое». Играли мы до изнеможения, а потом шли в дешевую столовую.

У меня был приятель Чарлз. Ему было двенадцать лет, и он, как и я, всегда готов был странствовать. Как-то мы решили отправиться на Всемирную выставку в Лонг-Айленд. Выручили немного мелочи — натаскали пустых бутылок из-под содовой, кока-колы, пива, сдали их в магазин, получив за каждую пустую бутылку по два цента. Набрав немного денег, мы пошли в пункт проката и взяли велосипед на целый день. Это стоило нам 35 центов.

Вдвоем на одном велосипеде мы поехали на Всемирную выставку. Педали крутили по очереди. Наконец, доехали до выставки. Нашли место, где можно было проникнуть на территорию, не покупая билетов, и прекрасно провели день. Вечером таким же образом мы вернулись домой в Гарлем.

В другой раз мы с Чарлзом взяли напрокат велосипед на 145-й улице, а в двух кварталах оттуда — на 125-й улице продали его в другом пункте проката за 3 доллара, чтобы поехать на знаменитый Кони-Айленд. Вернулись домой мы очень поздно, а в наше отсутствие приходил человек из пункта проката и спрашивал нас — ведь свои адреса и фамилии мы должны были сказать при получении велосипеда.

Вспоминая это, я никак не могу понять — на что мы тогда рассчитывали. Может быть, на то, что человек из проката не потребует велосипед день-два, а тем временем мы сумеем достать где-нибудь три доллара, выкупить велосипед и сдать его владельцу. На следующее утро отец повел меня выкупать велосипед. Сначала новый владелец не хотел отдавать его, но когда отец объяснил, что он украден, тотчас же вернул его нам — не хотел связываться с полицией. Целую неделю после этого я не могла сидеть, и, конечно, не от того, что каталась на велосипеде. Бедный отец, должно быть, очень хотел найти способ выпороть меня раз и навсегда, чтобы заставить быть такой же, как и другие дети в нашей семье. Мой брат и три сестры никогда не попадали ни в какие неприятности. И в школе они учились хорошо. Я единственная доставляла огорчения родителям.

Мне кажется, что самые большие неприятности начались, когда я окончила первую ступень средней школы в 1941 году. Как мне это удалось, до сих пор не знаю. На-

верное, в школе просто хотели побыстрее от меня избавиться.

Предполагалось направить меня в Йорквильскую торговую школу, однако мне совсем не улыбалась эта перспектива. Многие мои приятельницы собирались поступить в одну из средних школ Нью-Йорка, и мне хотелось остаться с ними. Я попыталась добиться своего, но без результата.

Я довольно часто посещала торговую школу в первый год, так как мне нравились уроки шитья. Помню, однажды что-то случилось со швейной машинкой, я вызвалась починить ее и починила. Учитель был поражен. Но скоро все мне надоело. Друзей у меня там не было, и я снова стала неделями пропускать занятия. И поскольку я прекрасно знала, что о прогулах рано или поздно узнают дома и отец будет пороть меня, то стала уходить из дому. Бывало, мама до двух-трех часов ночи бродила по улицам Гарлема, безуспешно пытаясь найти меня. Если уж я хотела спрятаться, то старалась подальше уходить от тех мест, где мы обычно проводили время. Днем ходила по домам приятелей или сидела в кино, а ночью, если не знала, где переночевать, каталась в метро из конца в конец, пока не находила где-нибудь местечко.

Конечно, чем дольше я отсутствовала, тем сильнее попадало мне по возвращении домой. И постепенно мои отлучки становились все длительнее. Мама стала бояться выпускать меня из дому, опасаясь, что я не вернусь. Проходило какое-то время, и она отваживалась дать мне пятнадцать-двадцать центов и посылала за хлебом или молоком. Но стоило мне выйти на улицу и увидеть ребят, играющих в мяч, как тут же забывала о поручении. Я могла играть до темноты.

Однажды моя подруга, которой тоже здорово попадало дома от родителей, сказала, что на 105-й улице есть так называемое «Общество защиты детей от грубости». Это общество заботится о тех детях, кому некуда деться. В следующую отлучку, не решаясь возвратиться домой, я пошла туда. «Боюсь идти домой,— сказала я дежурной.— Отец избьет». Меня приняли, уложили спать в большой комнате. Это было лучше, чем кататься в метро всю ночь. Кровать была удобной, были даже простыни. Правда, они уведомили моих родителей, что я нахожусь у них. Утром пришел отец и забрал меня домой. Я обещала, что больше не буду убегать из дому. Но он все

равно выпорол меня, и через неделю я снова убежала, на этот раз прямо в Общество. Я рассказала, что отец не сдержал своего слова и выпорол меня, показала даже следы от побоев. Меня приняли. На этот раз, когда пришел отец, меня спросили, хочу ли я возвращаться в дом. Я ответила отрицательно, и меня оставили. Вначале мне даже понравилось в этом обществе. Работать заставляли мало, кормили прилично. Дома приходилось работать гораздо больше. Такая жизнь мне нравилась.

Как-то я подралась с одной девчонкой и меня наказали — заперли в комнате, где не было ничего, кроме матраца на полу, и держали впроголодь. Больше мне не хотелось туда попадать. Однако скоро и здесь мне надоело, и я попросилась домой.

Тогда я узнала, что если еще натворю что-нибудь, меня пошлют в исправительную школу. Послали за отцом. Я немного нервничала — что-то будет, когда вернусь, но все-таки хотела домой.

Отец мой не был крутым человеком. И если порол частенько начиная с семилетнего возраста, то был вынужден — я доставляла слишком много неприятностей. Я любила отца. Думаю, что именно эти порки помогли мне добиться кое-чего в жизни. Кто-то же должен был учить уму-разуму, а это было не так-то просто.

Мне совершенно не хотелось возвращаться в торговую школу, но по возрасту я еще не могла быть принята на работу. Пришлось сказать, что буду учиться в вечерней школе, только тогда я получила разрешение работать. Недели две я походила в вечернюю школу и бросила. Официально я была работающей. Мне это нравилось — чувствовала себя независимой, как-то сразу приобрела вес в собственных глазах. Я зарабатывала и могла тратить деньги, как заблагорассудится, лишь часть отдавая домой. Могла делать все, что мне хочется, не следуя чьей-либо указке. Быть самостоятельной — вот что было для меня очень важно.

Кажется, я сменила дюжину мест работы за последние несколько лет. Я была неугомонной и никогда не задерживалась долго на одном месте. Если мне что-либо не нравилось — сразу же уходила с работы. Я служила продавщицей, посыльным, работала на фабрике пуговиц, на швейной фабрике, была лифтером в отеле. Даже ошипывала кур в мясной лавке. Как-то работала сортировщицей почты в нью-йоркской школе. У меня был

даже собственный маленький кабинет. Я принимала почту, разносила ее по отделам и отправляла корреспонденцию. Работа была мне по душе, и я чувствовала, что становлюсь кем-то. Проработала я здесь дольше всего — шесть месяцев, а потеряла место из-за своей честности. Однажды в пятницу подруга пригласила меня в театр посмотреть Сару Воган в новой постановке. Когда в понедельник утром я пришла на работу, то почувствовала — что-то случилось. «Где вы были в пятницу?» — спросила заведующая. Конечно, можно было солгать, сказать, что болела, но я сказала правду: «Подруги пригласили меня на Сару Воган, и я подумала, что ничего страшного не случится, если один день не буду на работе. Я очень сожалею, больше этого не повторится. Обещаю». Мне казалось, что этого будет достаточно. «Очень хорошо, что вы сказали правду, но это не меняет дела. Ваша работа очень важна для всех. Нам нужен человек, на которого можно положиться. В пятницу мне пришлось самой заниматься почтой, и это задержало работу. Я не могу доверять такую ответственную работу человеку, который оставляет свой пост из-за пустяка. Я вынуждена расстаться с вами и подобрать другого человека», — сурово сказала заведующая.

Я очень не любила просить о чем-либо и все же попросила разрешить мне остаться: «Это никогда не повторится, честное слово. Я буду приходить на работу, даже если заболею». Но заведующая была непреклонна:

«Единственное, что я могу для вас сделать, — это выплатить жалованье за неделю вперед, чтобы вы могли подыскать другую работу. Но с сегодняшнего дня вы свободны».

Конечно, тяжело было сознавать, что я поплатилась за свою честность. Но это был хороший урок. Мне действительно нравилась такая работа, и я сожалела, что потеряла ее.

Некоторое время я даже не искала другой работы. Целыми днями бродила по улицам без дела, пока женщины из благотворительного общества не заинтересовались мной. Если я не хочу жить дома и ходить в школу, заявили они, мне подыщут место в какой-нибудь приличной семье и я должна буду докладывать о своей жизни, в противном случае они будут вынуждены направить меня в исправительный дом. Конечно, я была согласна на все, что они предлагали. Меня устроили в один дом

и даже дали немного денег, чтобы я могла как-то жить, пока не найду подходящей работы.

Я решила, что могу позволить себе кое-какие удовольствия — гуляла в парках, ходила в кино, навещала родителей, не думая о том, что надо искать работу. Домашние были уверены, что я нахожусь в хороших руках, и были довольны. Была довольна и я. Раз в неделю являлась за пособием — и опять вольная жизнь.

Жила бездумно, ни о чем не заботясь. Именно в это время я познакомилась с теннисом. И тогда моя жизнь резко изменилась.

Глава вторая

МЕЖДУ ДВУМЯ МИРАМИ

На 143-й улице, где мы жили, находилась так называемая улица для игры Полицейского атлетического союза. Полицейские перекрывали движение по улице, огораживая ее деревянными щитами, — получалась импровизированная спортивная площадка. Одной из самых распространенных игр здесь была игра в теннис деревянными лопатками (так называемый пэдл-теннис), и я была чемпионкой квартала. У меня даже есть несколько медалей за победы в соревнованиях с другими улицами Гарлема. До сих пор храню их как память. Я стараюсь сохранять все медали и призы, которые когда-либо получала.

Площадка для этой игры почти такая же, как и для большого тенниса, только в два раза меньше. В руках у вас деревянная ракетка. Играют простым резиновым или теннисным мячом. Конечно, эта игра отличается от обычного тенниса, но в то же время у них много общего.

В нашем квартале жил Бадди Уолкер, известный музыкант Гарлемского общественного оркестра. В то время у него было мало работы и он много играл. Как-то, наблюдая за моей игрой, он решил, что я смогла бы быстро научиться играть в большой теннис. Добрая душа, он купил мне пару подержанных ракеток по 5 долларов за штуку и начал обучать ударам у стенки в Моррис-парке. Бадди был приятно удивлен, что я так быстро схватывала движения и хорошо осваивала удары. Не раз он говорил, какое это удовольствие — играть в теннис, и

как будет хорошо, если я заинтересуюсь игрой — познакомлюсь с интересными людьми и смогу добиться кое-чего в жизни. Он познакомил меня с женой Трини и дочерью Ферн.

Затем Бадди поехал со мной на 150-ю улицу, где находились настоящие корты («Гарлем Ривер Теннис Корт») и попросил одного из своих друзей сыграть со мной пару сетов. Бадди утверждает, что в тот день я играла феноменально для новичка, не имеющего никакого опыта. Помню, многие игроки с других кортов прекратили играть и наблюдали за нами.

Я была в восторге. Это было настоящее спортивное соревнование, я чувствовала себя истинной спортсменкой. И когда негритянский учитель, наблюдавший мою первую игру, Хуан Серрел предложил Бадди помочь мне получить разрешение играть в теннисном клубе «Космополитен», членом которого он состоял, я была счастлива. Сейчас этого клуба не существует, но в то время он был самым знаменитым в Гарлеме.

Мистер Серрел хотел представить меня членам клуба и предложить сыграть со мной несколько сетов профессиональному игроку Фреду Джонсону. Он надеялся, что, если на меня обратят внимание, может быть, кто-то согласится платить за мои тренировки в этом клубе.

Мне повезло. Всем понравилась моя игра — решили, что я подаю большие надежды. Собрали деньги и заплатили за меня вступительный взнос. Так я стала членом клуба. Мистер Джонсон сообщил расписание занятий, и я начала регулярно тренироваться. Я уже знала, как ударять мяч, но не знала, почему так надо делать. Он научил меня передвижениям на корте, некоторым приемам техники и тактики. Ему не нравилось мое высокомерие, и он пытался доказать, почему я должна измениться. Но я была твердо убеждена: все, что выходит за рамки тенниса, его не касается.

В те дни мне было приятней играть в баскетбол, чем ходить в теннисный клуб. По натуре я не была теннисисткой. Но вежливые манеры в игре, которые поначалу казались мне такими смешными, постепенно стали привлекать меня. Нравилась мне и белоснежная форма. Но было тяжело играть — с трудом сдерживалась, чтобы не вступить в драку каждый раз, когда начинала проигрывать. Но потом я поняла, что должна выполнять определенные правила поведения на корте и постепенно нау-

чилась подчиняться распорядку. Постепенно я стала понимать, что можно в клубе вести себя, как подобает светской даме, а на корте сражаться подобно тигрице. Помню, я воображала, что как матадор выхожу на арену в прекрасной одежде, раскланиваюсь публике, следуя ритуалу, и думаю только об одном — поразить быка с одного удара.

Мне кажется, если бы Фред Джонсон или члены теннисного клуба, которые платили за мои занятия, узнали, как я живу, я бы там долго не продержалась. Членами этого клуба были люди высшего общества Гарлема, и они придерживались твердых убеждений относительно манеры поведения, приемлемой для общества. Конечно, они были гораздо требовательнее, чем белые, занимавшие аналогичные общественные позиции, — они должны быть вдвойне осторожнее, чтобы преодолеть предвзятое мнение о том, что все негры живут по восемь человек в комнате, в грязных домах, пьют джин с утра до вечера и разрешают свои споры только с помощью ножей. Мне стыдно говорить, но тогда жизнь моя текла довольно беспорядочно. Нужно было искать работу, но я не стремилась к этому — днем была занята игрой в теннис, а вечером развлекалась. Самым трудным было раз в неделю появляться в благотворительном обществе, рассказывать, как я живу, и получать пособие. Затем наступал праздник — целый день я проводила в кино-театрах и позволяла себе дешевые лакомства. Думаю, невозможно сразу и бесповоротно измениться. И ждать этого от меня было слишком много. Потом уже я поняла, что, играя в теннис и увлекаясь им все больше и больше, я с каждым днем постепенно менялась. Но тогда не сознавала этого.

С благодарностью вспоминаю я миссис Роду Смит — в те дни она делала для меня очень много. Рода имела хорошее положение в обществе. Лет за десять до того, как я ее встретила, она потеряла дочь и меня практически удочерила. Помню, она купила первый в моей жизни костюм для игры в теннис. Вообще, делала все, чтобы помочь мне. Я не всегда ценила, что она делала для меня, и, думаю, Рода хорошо сознавала это.

У меня сохранилась вырезка из газеты, где она сказала журналисту: «Я была первой женщиной, с кем Алтея играла в теннис; она обижалась на меня, так как при каждом удобном случае я старалась исправить ее

манеры. Я часто повторяла: «Не делай того. Не делай этого». И рано или поздно она начинала бунтовать: «Мисс Смит, вы всегда дразните меня». Действительно, я так и делала. Я должна была делать ей замечания. Например, когда проигранный мяч попадал на ее половину корта, она могла запустить им куда угодно, только не передать спокойно партнеру, как это принято в теннисе. Но ведь Алтее пришлось играть только на улице, и она просто не знала, что можно вести себя иначе».

На всю жизнь я запомнила день в клубе «Космополитен». В показательной встрече играла Алиса Мабл. Я до сих пор помню, что все время повторяла про себя: «Научусь ли я когда-нибудь так же играть в теннис, как она!» Она была единственной теннисисткой, которая покорила меня. До этого я обращала внимание только на хороших игроков-мужчин. Но эффективность ее ударов, их сила и мощь произвели на меня неизгладимое впечатление. Больше всего, конечно, мне понравилась агрессивность ее игры. Наблюдая за ее подачей, на которую, казалось, она не затрачивала больших усилий, за ее выходами к сетке и ударами с лёта, я увидела возможности игры, о которых раньше не имела представления.

Интересно, что, когда пришло мое время играть в соревнованиях на кортах Форест Хилла, самой яркой моей болельщицей была именно Алиса Мабл.

Я начала тренироваться под руководством Фреда Джонсона летом 1941 года, но только через год он позволил мне выступить в турнире. Американская теннисная ассоциация (АТА), состоящая почти полностью из негров, организовала в клубе «Космополитен» открытый чемпионат штата Нью-Йорк, и Фред заявил меня участницей одиночных соревнований девочек. Это были первые соревнования в моей жизни, и я выиграла их. Я была немного удивлена этим выигрышем, но только немного, потому что к тому времени уже привыкла выигрывать. В финале я встретилась с Ниной Ирвин — белой девочкой. Не могу отрицать, что эта победа была для меня особенно приятной. Она доставила мне внутреннее удовлетворение — я играла не только так же хорошо, как и она, но даже лучше.

Нина тоже тренировалась у Фреда Джонсона, но, я думаю, он был доволен, что выиграла я. А у других игроков не было выбора — они должны были принять это

как факт. Я выиграла, и все тут. Даже несмотря на то, что почти все члены клуба были негры, многие из них, вероятно, болели за Нину, так как они считали меня слишком заносчивой и рассчитывали, что поражение пойдет мне на пользу.

Я с трудом сближалась с людьми и всегда чувствовала, как это вредило мне. Немногие тогда знали, что я собой представляла или что заставляло меня быть такой, какой я казалась со стороны. Теперь, думаю, конечно, знают. Но в те дни моя самоуверенность, показное поведение были одним из средств самозащиты. И тем не менее моя победа несколько смягчила некоторые суждения обо мне. После того как я показала свой спортивный характер, положение мое в клубе заметно изменилось. Я обнаружила, что люди оценивают меня по достоинству, а мое отношение к людям, казалось, уже не имело такого большого значения. Думаю, многие люди прощают победителям их недостатки.

Позже, летом 1942 года, послали меня на национальный чемпионат Американской теннисной ассоциации среди девушек в Линкольнский университет в Пенсильвании. Это был мой первый национальный чемпионат. Я проиграла в финале. Девушка, которая победила меня, была Нана Дэвис Воган. Сейчас интересно вспомнить, что она сказала одному из журналистов после моей победы в Уимблдоне: «Алтея была очень грубой. Она считала себя лучше всех. Помню, она говорила: «Кто такая Нана Дэвис? Подайте мне ее!» И после того как я победила ее, она направилась в раздевалку, даже не пожав мне руки, как это принято. Некоторые ребята засмеялись, и она готова была растерзать их».

В 1943 году чемпионат АТА не проводился — шла война и переезды были ограничены, но уже в 1944 и 1945 годах я стала чемпионкой АТА в одиночном разряде.

Когда мне исполнилось 18 лет, жизнь моя стала понемногу меняться. Во-первых, теперь уже я могла не отчитываться перед благотворительным обществом, так как стала совершеннолетней. Конечно, я лишилась права на получение пособия, но это было не столь важно — ведь я стала самостоятельной. Подружилась с девушкой по имени Глория Найтингейл и стала жить в ее семье. Устроилась на работу официанткой и платила за квартиру ее бабушке.

Мы с Глорией хорошо проводили время. В сезоне 1945—1946 годов играли в одной баскетбольной команде — она называлась «Таинственная пятерка». Обычно мы играли пять-шесть игр в неделю с различными заводскими командами. Иногда после игры в баскетбол шли играть в кегли и, случалось, приходили домой около четырех-пяти часов утра. Глория, как и я, любила играть и развлекаться. Я до сих пор считаю то время самым замечательным в моей жизни. Никакой ответственности, никаких забот.

Глория познакомила меня с Эдной Мей и Шугаром Рэем Робинсоном. Эдну она знала давно, а однажды во время игры в кегли мы увидели Рэя, и Эдна познакомила меня с ним.

Можете представить, какой задирой я была — подошла к нему и сказала: «Так вы и есть Шугар Рэй Робинсон? Ну, что ж — я выиграю у вас сейчас же!» Кажется, я ему сразу понравилась. С того времени я часто бывала у них в доме. Рей и Эдна были настоящими друзьями. Я чувствовала, что они полюбили меня, и была увлечена ими. Когда Рэй ушел в армию, я очень часто оставалась с Эдной. Я была, если можно так выразиться, Пятницей в юбке. Очень дорога мне была эта дружба. Когда Рэй бывал на тренировках, я жила с Эдной на их даче в Гринвуд Лэйке. Бывало, по утрам отправлялись в долгие прогулки, и свежий горный воздух казался удивительным девчонке со 143-й улицы Гарлема.

Эдна и Рэй всегда были чрезвычайно добры ко мне. Они понимали, что я нуждалась в помощи. Мне очень нравилось быть в их обществе. Иногда они позволяли мне попрактиковаться в вождении машины, хотя у меня не было прав. Мне кажется, Рэю доставляло удовольствие наблюдать, с каким восторгом я это делаю.

У Рэя был набор ударных инструментов, и он часто играл на них. Я тоже была равнодушна к музыке. Моим любимым инструментом был саксофон. Мне нравилось его звучание. Однажды я спросила Эдну, не мог бы Рэй купить мне саксофон, на что она ответила, что единственная возможность выяснить это — спросить у него. Так я и сделала. Рэй сказал, что если я буду серьезно учиться играть, а не дурачиться, то он готов заплатить за инструмент. В одном магазине я увидела великолепный саксофон, именно такой, как мне хотелось. Продавец объяснил, что инструмент стоит 175 долларов. Со

всех ног я бросилась к Рэю. Мое сообщение не вызвало у него энтузиазма. «175 долларов? — переспросил он.— Знаешь что, найди Бадди Уолкера, пусть он пойдет вместе с тобой в магазин и посмотрит инструмент. Он лучше знает, что к чему». Я быстро нашла Бадди, и он устроил сцену продавцу: «Как же можно обманывать девушку. Вы же видите, что она в этом ничего не понимает. Я музыкант и могу сказать, что этот саксофон стоит не больше ста долларов». Продавец не хотел уступать, но когда Бадди показал ему документ, что он действительно играет в оркестре, продавец сбросил цену.

Итак, Рэй, как и обещал, дал мне деньги, и я купила инструмент за 125 долларов. Никогда не забуду этого. Саксофон и сейчас хранится у меня, хотя играю на нем редко — очень беспокойно соседям. Им больше нравится, когда я пою.

В восемнадцать лет я уже могла выступать в национальном чемпионате АТА 1946 года среди женщин. Он проходил в штате Огайо в Уилберфорс Колледже. Ассоциация оплатила мои расходы. Я попала в финал и здесь проиграла Романии Петерс, педагогу, опытной теннисистке — она была чемпионкой АТА 1944 года. Проиграла из-за того, что у меня почти не было опыта. Романия много участвовала в соревнованиях и играла профессионально. Я не была готова к этому, но не очень расстроилась — не так уж плохо проиграть в финале.

Возможно, меня вообще бы не расстроило поражение, если бы я не чувствовала, что позволила Романии провести себя. Первый сет она выиграла 6:4; второй удалось «вытащить» мне — 9:7. И тогда всем своим видом она стала показывать, что крайне устала — еще немного и не выдержит. Естественно, я решила, что все в порядке. Каково же было мое удивление, когда в третьем сете она выиграла 6:3. Это был хороший урок.

К сожалению, некоторые члены АТА, которые приехали из Нью-Йорка, были разочарованы моей игрой. Может быть, они думали, что зря потратили на меня деньги. Помню, один из них сказал приблизительно так: со мной все ясно, и они не намерены больше думать обо мне. Я чувствовала себя ужасно угнетенно, но все же не так уж плохо играла, если на меня обратили внимание два специалиста по теннису — доктор Хуберт А. Итон из Уилмингтона (штат Северная Каролина) и

доктор В. Джонсон из Линчбурга (штат Вирджиния), которые были готовы изменить мою жизнь.

Они считали, что при соответствующем руководстве я добьюсь многого. Я часто задумывалась, действительно ли уже тогда, когда я делала только первые шаги в большом теннисе, они видели меня на кортах Форест Хилла или Уимблдона? Так или иначе, а они определенно думали о моем будущем. Первое, что они предложили,— поступить в колледж, где я смогла бы получить образование и одновременно тренироваться.

«Есть много стипендий для таких людей, как ты,— говорил доктор Итон.— Не трудно будет устроить тебя куда-нибудь, ну, хотя бы в колледж Таскеджи».

«Это было бы замечательно,— ответила я.— Но я же не имею среднего образования».

Это несколько озадачило их, но затем они переговори́ли с некоторыми членами АТА и решили, что такую перспективную спортсменку терять нельзя. Сейчас, вспоминая об этом, я думаю: уже тогда они надеялись, что я могу стать тем негритянским игроком, который сможет пробиться на главный чемпионат теннисной лиги, в которой участвовали только белые. Это была их мечта. Но до поры до времени они ничего не говорили.

Решили, что я уеду из Нью-Йорка и буду жить в Уилмингтоне у доктора Итона в течение учебного года. Поступлю в школу и буду тренироваться под его руководством. Летом я должна переехать к доктору Джонсону в Личбург и вместе с ним ездить, участвуя в различных соревнованиях. Буду жить в их семьях по очереди, и они возьмут меня на свое полное обеспечение.

Это было очень великодушно с их стороны, и я знаю, что ничем не смогу отплатить им за все, что они сделали для меня.

Решиться на такой шаг было не так-то просто. Я привыкла жить в большом городе и не представляла, каково мне будет в маленьком городке, да еще на Юге. Я достаточно много слышала, чтобы иметь повод для беспокойства. На Севере закон не всегда может быть на твоей стороне, но, по крайней мере, он не против тебя только потому, что цвет твоей кожи — черный.

Я должна была переехать туда, где, как слышала, с неграми позволяют ужасные вещи просто из-за того, что они негры, и никого не наказывают. Гарлем, конечно, не

рай, но, по крайней мере, я знала, что там могу защитить себя.

Может быть, я бы и передумала, если бы Эдна и Рэй не настояли на моем отъезде.

«Пора тебе заняться чем-либо серьезным. Хватит слоняться без дела, перескакивать с одной работы на другую. Не важно, кем ты станешь в жизни, теннисисткой или музыкантшей. Главное, что тебе нужно,— получить образование»,— сказал Рей.

В конце концов, я решила, что он прав, и написала доктору Итону о своем согласии. Это было в августе 1946 года. Он ответил, что я должна приехать туда в первых числах сентября. Теперь у меня не оставалось даже времени что-либо изменить.

Глава третья

ОСТОРОЖНО. ЮЖНЫЕ ШТАТЫ!

Я поехала к родителям, чтобы подготовиться к поездке на Юг. У меня было два чемодана: в один я сложила всю одежду для тенниса, в другой—остальные вещи. Чемоданы были из картона и наверняка бы развалились, если бы я их не перетянула ремнями.

Я взяла такси и приехала на Пенсильванский вокзал. Должно быть, я представляла великолепное зрелище, когда вошла в зал ожиданий: в каждой руке по чемодану и саксофон Рея висит на шее. Я так нервничала, что даже не проверила багаж. Доктор Итон купил мне билет в сидячий вагон. С питанием проблем не было. По вагону часто носили печенье, бутерброды, молоко. Каждый раз, когда нужно было расплатиться, я доставала небольшой узелок с деньгами, который спрятала под блузкой, заколов большой английской булавкой. К счастью, место рядом оказалось свободно, и ночью я могла прилечь и немного вздремнуть. Не спалось—все думала: что же меня ждет? Конечно, мне повезло—буду жить в хорошей семье. Доктор Итон человек обеспеченный. Я настраивала себя на то, что буду делать все, чтобы им не пришлось пожалеть о своем решении. В то же время не могла не беспокоиться о том, как уживусь в чужой семье, о том, будут ли давать мне деньги на личные рас-

ходы, будут ли впускать в кинотеатр — ведь я негритянка, должна ли я буду уступать дорогу белому и о многом, многом другом. Тем временем прошел проводник и объявил: «Следующая остановка — Уилмингтон». Я стала нервничать еще больше. И только когда вышла из вагона и ко мне подошел опрятно одетый шофер и спросил, не я ли Алтея Гибсон, мне стало легче. А уже позже, откинувшись на заднем сиденье большой машины доктора Итона, я почувствовала себя совсем хорошо.

Видимо, я немного шокировала миссис Итон своим видом, когда вышла из машины. На мне была старая, поношенная юбка, которую я надела специально для поездки. Вообще-то я всегда предпочитала носить брюки и в юбке чувствовала себя крайне неуютно. У меня ведь никогда не было хорошей одежды в детстве. Но миссис Итон не подала и виду. Она никогда не видела меня прежде, но обняла и даже поцеловала, как будто я была ее любимой племянницей. Она познакомила меня с детьми и служанкой и показала отведенную мне комнату. Потом предложила, если я проголодаюсь, посмотреть чего-нибудь в холодильнике и выбрать, что захочется. Я съела пару яиц с ветчиной, убрала за собой и осмотрела дом. Дом мне понравился, я никогда еще не жила в таких условиях. Все сверкало чистотой. До сих пор помню, как гладила рукой удивительно белоснежные простыни на постели и думала, как будет чудесно лечь в такую постель.

Я была еще в своей комнате и разбирала вещи, когда доктор Итон приехал с работы. Он остановился у нижней ступеньки лестницы и позвал меня. Я выбежала в холл и, едва успев поздороваться, сообщила, какая чудесная у меня комната и как рада, что буду в ней жить.

«Ты бы не хотела потренироваться немного прямо сейчас или устала?»

«Конечно, хочу. Я отлично себя чувствую. Через минуту буду готова».

Не прошло и нескольких минут, как мы были уже на корте и обрабатывали подачи. Так началась моя жизнь в доме доктора Итона.

Первой серьезной проблемой была учеба. Мне устроили проверку и сказали, что принимают во второй класс школы. Значит, через три года смогу получить диплом — я твердо настроилась на это. Живя в семье, я

постепенно стала понимать, как нужно вести себя и ладить с людьми.

В доме Итонов не было случая, чтобы кто-нибудь не ночевал дома или решил поехать где-нибудь вне дома. Правила поведения, которые были обязательными для детей в этом доме, полностью относились и ко мне. С самого раннего детства я была предоставлена сама себе и не терпела дисциплины, а здесь приходилось подчиняться. Иногда мне хотелось взбунтоваться, все изменить, делать только то, что хочется. Нелегко мне было. Но, к счастью, я не позволила себе ничего дурного. Один только раз я решила тайком прокатиться на машине матери доктора Итона. Я стала играть в джазе Уилмингтонской индустриальной школы и познакомилась с ребятами из другого джаза — они часто выступали в различных местах и таким образом зарабатывали деньги на карманные расходы. В джазе был трубач, который был равнодушен ко мне. Мне он тоже нравился. Так вот, однажды доктор и его жена куда-то пошли вместе с матерью доктора, машину свою она оставила недалеко от дома. Из окна своей комнаты я видела, как они ушли. Глядя на машину, я подумала: «Как бы хорошо немного покататься — можно успеть до их возвращения». Искушение было велико; я даже видела, где мисс Итон оставила ключи от машины. И вот я сбежала вниз, взяла ключи, села в машину и поехала к дому своего знакомого трубача. Около дома я посигналила ему — он вышел. Мы чудесно покатались, изредка останавливаясь и обнимаясь, а потом я отвезла его домой и быстро направилась к своему дому. Я очень обрадовалась, что Итоны еще не вернулись, поставила машину на то же самое место. Но кто-то видел меня и сказал об этом доктору. На следующее утро он позвал меня — я сразу поняла, что он сердится.

— Алтея, ты брала вчера машину моей матери? — спросил он рассерженно. Я не хотела лгать ему.

— Да, сэр, — сказала я чуть слышно.

— У тебя ведь даже нет водительских прав!

Я стояла и смотрела себе под ноги.

— Простите, доктор. Я просто думала, что немного прокачусь.

Он очень рассердился и ушел.

«Ну, все, — подумала я. — Теперь он отошлет меня домой».

Однако доктор Итон никогда даже не упоминал об этом случае.

Я старалась не расстраивать доктора. Много работала и в школе, и на корте. Думаю, что он был доволен мной, и особенно моими успехами в теннисе. Ему нравилось наблюдать, как я обыгрываю теннисистов, которых он приглашал сыграть со мной.

Теннисный корт доктора Итона был местом встречи всех негритянских игроков в округе — им больше нигде было играть. В Уилмингтоне были общественные теннисные корты, но негры туда не допускались. Приходили к мистеру Итону и белые теннисисты поиграть с игроками-неграми. И я не раз слышала, как они критиковали сегрегацию, законы, запрещающие неграм встречаться с белыми на общественных кортах.

Я была согласна с ними, но помалкивала, так как знала, что доктору Итону не понравится, что я лезу не в свои дела.

Уверена, ничего не изменилось и сейчас. Правда, местные законы сегрегации были не так уж страшны, как мне представлялось, но и хорошего они ничего не сулили. Никогда не забуду, как впервые поехала в город за покупками на автобусе. Первое, что я увидела, когда вошла в автобус, было объявление: «Места для белых впереди, для цветных — сзади». Я покраснела от мысли о том, что должна приспособливаться к подобным правилам, и выбрала место поближе к передним, как будто могла по возможности игнорировать их. Это вызывало во мне омерзение, чувство стыда, чего никогда не испытывала в Нью-Йорке.

Еще хуже чувствовала я себя, когда ходила в кино. Служащий практически заталкивал нас, цветных, на самые последние ряды балкона, где нам разрешалось сидеть. Вообще-то я не люблю сидеть в партере и всегда старалась устроиться на балконе. Но не получала истинного удовольствия в кино, пока была на Юге, потому что должна была сидеть на балконе. Когда ты делаешь что-то по собственной воле — это одно, а когда тебя вынуждают делать — совсем другое.

Не разрешалось там и съесть бутерброд в магазине, в кафе. Купить ты можешь, пожалуйста. Продавцу не важно, от кого получать деньги, черный ты или нет — все равно. Но съесть бутерброд ты можешь только на улице.

Конечно, это не кошмары ку-клукс-клана. Можно

было приспособиться. Но я ненавидела эти порядки всей душой. Раз и навсегда решила, что никогда, ни при каких обстоятельствах не буду жить на Юге, по крайней мере до тех пор, пока существуют такие законы. Отец считал, что я не права. Он говорил, что не желал бы ничего лучшего — лишь бы вернуться в Сильвер, в Южную Каролину, и выращивать цыплят на старой ферме. Теперь, считал он, ситуация немного улучшилась, а будет еще лучше.

«По крайней мере, — спорил он со мной, — там можно дышать чистым воздухом. Можешь сделать небольшую запруду в ручье и окунуться в чистую, прохладную воду в летний зной. А вечерами, когда закончена работа, ты можешь прогуливаться и смотреть на звезды, курить трубку и чувствовать, что есть на свете уголок, где ты можешь спокойно жить».

Может быть, в этом что-то есть. Когда же я напомнила ему о ку-клукс-клане, он говорил о трущобах Гарлема, где не работает водопровод, где дети гибнут на улицах.

«Разве это лучше?» — спрашивал он.

Была у меня еще одна большая проблема в Уилмингтоне — мои одноклассницы. Большинство из них не любили меня. Пожалуй, просто не понимали. Я не очень заботилась о своей одежде, хотя миссис Итон купила мне несколько прелестных платьев, сделала мне прическу и научила пользоваться губной помадой. Я предпочитала ходить в брюках и тенниске, потому что любила играть в баскетбол, бейсбол и футбол с мальчишками. Девочки считали меня худшим из сорванцов, каких они когда-либо встречали. Я была ведущим игроком школьной женской баскетбольной команды, и вскоре меня выбрали ее капитаном. Но этого было мало, поэтому я иногда выходила играть в футбол и бейсбол с ребятами из университетской команды. Порой было обидно слышать, как девчонки говорили обо мне: «Посмотрите, она бросает мяч, как мужчина», — и смотрели на меня как на урда. Я ненавидела их за это. Иногда мне казалось, что они просто не хотят понимать меня, и передать мяч лучше, чем университетский полузащитник, было для меня своеобразной возможностью показать, на что я способна.

Казалось, никто не хочет понять меня. Я очень любила петь и записалась в школьный хор, полагая, что там-то я буду на месте. Но руководитель хора никак не мог

придумать, что же делать со мной. Сначала он поставил меня к альтам, но когда мы начинали петь, мой голос выделялся среди нежных девичьих голосов. Тогда руководитель перевел меня в группу теноров-мальчиков: «Может быть, так будет лучше». Действительно, так было лучше, но девчонки так хихикали по этому поводу, что мне просто надоело, и я ушла из хора.

Оставался саксофон. Я играла в духовом оркестре и в джазе. В школе не было теннисной команды, и я должна была довольствоваться занятиями на корте доктора Итона.

В каникулы я поехала в Линчбург к доктору Джонсону. С ним мы хорошо поработали. Тренировалась я на специальном тренажере — машине, которая выстреливает мячи в любом заданном направлении. Играла со всеми, кто приходил на корт и соглашался играть со мной.

Летом 1947 года я участвовала в девяти турнирах и во всех стала победительницей в одиночном разряде. Вместе с доктором Джонсоном мы выиграли восемь турниров в смешанном разряде.

Самой значительной победой был выигрыш национального первенства АТА в одиночном разряде, где в финале я взяла верх над Наной Дэвис со счетом 6:3, 6:0. Это были самые крупные соревнования, в которых я могла тогда играть. После той победы я десять лет подряд выигрывала чемпионское звание. Как бы там ни было, а я была лучшей негритянской теннисисткой в то время.

По случаю моего выигрыша мне посвятили три или четыре строчки в газете «Нью-Йорк таймс».

В начале лета мы тренировались с доктором Джонсоном на его собственном корте, который находился сразу за домом. Затем в первых числах июля отправились в турне. Эта поездка была для меня настоящим открытием. Доктор Джонсон имел большой «Бьюик». Устраивались мы в нем по шесть-семь человек, багаж привязывали на крышу и отправлялись в путь.

Играли в Вашингтоне, Филадельфии, Нью-Йорке, Нью-Джерси. Потом снова набивались в машину как сельди в бочку и направлялись в Кентукки. Доктор Джонсон хотел, чтобы мы сыграли здесь в небольшом турнире (кажется, приятель его был организатором турнира). Он был достаточно благонамерен, чтобы не ехать

с нами в одной машине, и улетел туда на самолете. По пути мы остановились в Канзас-сити. Пришлось играть в жуткую жару. Помню, Боб Джонс во время встречи упал в обморок. Это было пекло. Мы остановились в негритянском отеле; ночью там было невыносимо. Вентиляторы работали вовсю, но ничего не помогало. Мы были рады покинуть штат Миссури. Дорога в Кентукки была длинной. Минут тридцать оставалось до Луисвилля, когда у нас лопнула шина. И почти сразу же начался проливной дождь. С одной стороны, это было хорошо — стало прохладнее, а с другой — ребята никак не могли заменить покрывку, и нам пришлось провести ночь в машине.

«Ну, как доехали? — таким вопросом встретил нас доктор Джонсон, когда мы подъехали к дому его приятеля в Кентукки. Он всегда любил пошутить.

На чемпионате АТА мы встретились с доктором Итоном. Итон и Джонсон были очень довольны, когда я победила Нану Дэвис. Конечно, в то время никто даже не предполагал, что я десять лет подряд буду выигрывать на этих чемпионатах. В 1957 году я перестала участвовать в них частично потому, что была очень занята, частично потому, то хотела дать возможность выиграть кому-нибудь еще. Руководители АТА больше и не приглашали меня участвовать в их чемпионате. Им было интереснее найти новых перспективных игроков, а что касается меня, то они считали мое участие в турнирах, проводимых Ассоциацией тенниса США (АЛТА), более важным с точки зрения развития тенниса среди негритянского населения.

Но так было не всегда. Помню, я выиграла чемпионат АТА в шестой или седьмой раз, и доктор Итон хотел, чтобы я выступила в чемпионате АЛТА в женском парном разряде.

«Никто не может составить ей конкуренцию, — говорил он, — пусть теперь сыграет в паре. Каждый чемпионат АЛТА для нее — шаг вперед». Но кое-кому из официальных лиц это было не по душе. Один из них даже заявил: «Если она не будет участвовать в чемпионате АТА, то мы сделаем так, что она никогда не сможет больше выйти на корты в Форест Хилле». Судите сами, с каким предвзятым отношением порой приходилось сталкиваться.

Мне повезло, моими покровителями были такие прекрасные люди. И я говорю так не потому, что они много сделали для меня в чисто материальном плане, а потому, что они были отличными людьми. Очень разные по натуре и в то же время так похожие. Доктор Итон — высокий, около шести футов, стройный. Доктор Джонсон — невысокого роста, коренастый. Доктор Итон, окончивший Мичиганский университет, — человек очень спокойный, любил теннис, гольф и фотографию. Доктор Джонсон, по прозвищу Вихрь, в молодости отлично играл в футбол за команду Линкольнского университета, любил рыбалку и охоту, был страстным болельщиком футбола. Для него не составляло никакого труда проехать 200 миль, чтобы посмотреть футбольный матч. Оба по профессии хирурги; у каждого была частная клиника. В южных городах таких небольших клиник достаточно много, но очень часто неграм запрещено обращаться в клиники для белых. И еще одна черта была общей у них — оба они были заядлыми игроками в покер.

Мне кажется, что самая крупная игра, которую они затеяли со мной, была связана с Ассоциацией тенниса. Вместе с руководителями АТА Б. Бейкером и А. Френсисом они решили добиться того, чтобы я участвовала в чемпионате Ассоциации тенниса США в официальном порядке. Раньше негров на эти турниры не допускали. Теперь, как они считали, пришло время. Я могла бы быть тем «ключиком», с помощью которого можно было открыть двери чемпионата для негритянских спортсменов. Раньше они не затевали такой акции, так как считали, что им нужен настоящий игрок. Довольно долго они выжидали, а теперь начали действовать.

Впервые я услышала об этой идее от доктора Итона на чемпионате 1949 года. Он сел рядом со мной и спросил:

— Алтея, а ты не хотела бы сыграть на кортах Форрест Хилла?

— Вы шутите? — ответила я. Он прекрасно знал, что я отдала бы все на свете за возможность сыграть против белой соперницы, да еще в таких соревнованиях. Мы часто говорили об этом, хотя в душе знали, что это почти невозможно.

— Почему же, — усмехнулся он. — Я не могу сказать определенно, но это возможно. Мы уже начали действовать.

— Я готова. В любое время,— ответила я.

В теннис играют люди воспитанные, светские. Они прекрасно понимали, что в других видах спорта негры участвуют в соревнованиях наравне с белыми. Джеки Робинсон, например, играл два сезона за бейсбольную команду «Бруклин Доджерс»...

Руководители Американской ассоциации тенниса вежливо выслушали мистера Бейкера. Может быть, для некоторых из них это было бы не желательно, но большинство отнеслись к этой идее с пониманием. Они согласились, что доводы Бейкера разумны.

Вскоре АТА уведомила меня, что я могу принять участие в зональных соревнованиях Восточной лиги в закрытых помещениях, если пришлю заявку. Турнир должен был состояться в зале, который находился на 143-й улице,— там, где я провела детство. Я прекрасно знала этот зал и все в округе мне было знакомо.

Начало было неплохим. В этом зале я не раз играла в последние три-четыре года, когда случалось быть в Нью-Йорке и были деньги, чтобы заплатить за вход. Представители АТА, конечно, очень волновались. Волновалась и я, но выступила хорошо. Только в четвертьфинале проиграла Бетти Розенквест со счетом 6:8, 0:6. Я была довольна — не опозорилась!

Мое настроение еще больше улучшилось, когда сразу же мне предложили остаться в Нью-Йорке на неделю и выступить в национальном чемпионате в закрытых помещениях. Конечно, я очень хотела участвовать в этих соревнованиях. Хотели этого и руководители АТА. Этого они и добивались. Я была уже не первым негритянским теннисистом, участвовавшим в этом турнире. Доктор Реджинальд Вейр опередил меня на два года. Я знала, что иду по правильному пути и не должна упустить такую возможность. Я вышла в четвертьфинал. В первом круге победила Энн Драй (6:0 и 6:1), во втором — Сильвию Новелс (6:4, 3:6 и 6:1). Затем Нэнси Шаффи, симпатичная девушка из Калифорнии, «выбила» меня из турнира. Но я была довольна результатом. Во-первых, я играла с белыми спортсменками в столь ответственных турнирах; во-вторых, попала в восьмерку лучших — тоже не так уж плохо. Настроение у меня было приподнятое.

Кроме того, участвуя в этих больших турнирах, где была единственной негритянкой, я чувствовала себя со-

вершенно спокойно. И не потому, что другие участницы были вежливыми по отношению ко мне. Они действительно относились ко мне дружелюбно. Думаю, они понимали, с каким напряжением мне приходилось выходить на корты, и старались во всем помочь мне. Победила в этом турнире Гасси Моран. Отнеслась она ко мне отлично, и это не было дипломатией. В этом я убедилась в дальнейшем, когда узнала ее поближе. Приобретенный опыт вселил в меня большие надежды на будущее, я стала более уверенной.

К моему удивлению, я все-таки сумела закончить школу в 1949 году, как и планировала — за три года, хотя мне было очень трудно. В списке окончивших школу я была десятой, если это вам интересно знать.

Я была счастлива. Мне исполнился 21 год, пора было думать о месте в жизни. С одной стороны, передо мной была свободная жизнь и развлечения, а с другой — я серьезно настроилась добиться чего-то стоящего в жизни.

Помню эпизод, связанный с окончанием школы. Все девушки нашего выпускного класса заказали себе специальные кольца по случаю окончания. Мне тоже хотелось иметь такое колечко. Оно стоило 15 долларов. Просить деньги у доктора Итона я не решалась — считала нечестным просить у человека, который и так тратил на меня достаточно. Тем более, вещь не первой необходимости. Тогда я решила написать своим друзьям в Нью-Йорк. Ответ получила только от Рэя Робинсона — он прислал мне нужную сумму.

В то же время я разослала письма в несколько негритянских колледжей с просьбой принять меня на учебу и предоставить стипендию.

Думаю, что я имела на это право, как-никак — двукратная победительница национального негритянского чемпионата среди женщин.

Я получила приглашение из Таллахасской школы во Флориде. Еще до того, как я получила диплом, они пригласили меня и предложили провести лето, тренируясь в теннис.

Через два дня после окончания школы я упаковала свои вещи и уехала. Думаю, что Итоны немного обиделись, увидев, с какой поспешностью я собралась во Флориду. Мне просто не терпелось поскорее начать самостоятельную жизнь.

Я бесконечно благодарна двум докторам за все, что они делали для меня в течение трех лет. Но как же было замечательно чувствовать себя независимой. Это чувство всегда оставалось частичкой меня.

Глава четвертая

ЖИЗНЬ В КОЛЛЕДЖЕ

Жизнь во Флориде была совсем не такой, как я привыкла видеть в кино. И тем не менее жилось не так уж плохо. Доктор Уильям Грей по рекомендации тренера Уолтера Остина назначил мне стипендию. Колледж платил за место в студенческом общежитии, книги и обучение. Джейк Гейтер, старший преподаватель физического воспитания, устроил меня на работу помощницей преподавателя физического воспитания. Я помогала проводить уроки у девушек и получала 40 долларов в месяц. Этого было достаточно. Тратить деньги в Таллахассе почти негде. Многие заведения студентам запрещалось посещать. В основном мы слушали радио в общежитии, иногда устраивали танцы в нашем спортивном зале и смотрели фильмы в аудитории.

Нам больше нравилось смотреть фильмы в колледже, так как в городе был только один кинотеатр, куда пускали негров, да и шли там старые фильмы. В маленьком кафе колледжа можно было неплохо отдохнуть, сыграть в карты, выпить кока-колы, съесть рубленый шницель. В определенные часы нам разрешали посещать небольшое кафе в городе. Там тоже можно было отдохнуть, послушать музыку, но танцевать нам не разрешали. Старшекурсники могли находиться в городе до одиннадцати часов вечера, первокурсники — только до девяти.

Если вам нужно было выйти в город, вы должны были записать в специальной книге, куда и зачем идете. Если вас видели совсем в другом месте, то потом вызывали в дисциплинарную комиссию.

Один год, хотите верьте, хотите нет, я была председателем этой комиссии. И действительно, сами студенты прорабатывали провинившихся значительно строже, чем преподаватели.

Думаю, что основная причина столь серьезного отношения к учебе и жизни в колледже в том, что я была на три-четыре года старше своих сокурсниц. Мне было 22 года, когда в сентябре 1949 года я впервые пришла в эту школу, и 25 лет, когда окончила ее. Я чувствовала себя своего рода тетушкой по отношению к однокашникам.

До начала учебного года оставалось еще время, и мне выделили некоторую сумму до того, как я буду получать стипендию. Это было хорошим подспорьем. Я наслаждалась самостоятельностью. Выступила в нескольких соревнованиях, в том числе и в национальном чемпионате, который выигрывала третий год подряд. Однако надолго из колледжа я не уезжала до начала 1950 года — тогда меня снова пригласили участвовать в чемпионате страны на закрытых кортах. На этот раз я дошла до финала, где опять встретилась с Нэнси Шаффи, и она вторично победила меня (6:2 и 6:0). Ничего не могу сказать — она буквально разгромила меня.

Неважно, выиграла я, проиграла или сыграла вничью — какое это имело значение. Я приобретала опыт. И даже попала в финал — это больше, чем я рассчитывала.

Я возвратилась в колледж. Здесь на таллахасском вокзале меня ждал такой прием, который трудно забыть. Можно было подумать, что я выиграла турнир. На платформе наш студенческий духовой оркестр. Директор колледжа подошел ко мне и пожал руку. На здании колледжа был вывешен плакат «Добро пожаловать домой, Алтея!» Да, для новичка это незабываемо. Я была счастлива и благодарна.

Очевидно, все они понимали, что этот успех важен не только для меня лично, но и для всех негров.

Я никогда не считала себя крестonosцем, просто старалась делать все, что в моих силах. Конечно, всегда радостно, когда сделаешь что-то важное и полезное для всех негров, а может быть, просто для всех теннисистов.

Конечно, признание не приходит само собой. Вспоминаю сейчас 1950 год. Поскольку я хорошо выступила в прошедшем турнире, меня обязательно должны были пригласить участвовать в летних турнирах на травяных кортах — наиболее представительных соревнованиях. Так думала я. Но ничего подобного не случилось. Руко-

водители Американской ассоциации лаун-тенниса, казалось, совсем забыли о моем существовании.

В газетах об этом почти не писали — считали, что если мне не разрешат играть летом на травяных кортах, то, конечно, не допустят участвовать в сентябрьском турнире в Форест Хилле. Причина для отказа будет — раз я не играла в малых турнирах, то как же смогу участвовать в главных соревнованиях. Получался замкнутый круг — как я могла проявить себя, если мне нигде не позволяли выступать.

Но, как говорят, мир не без добрых людей. Помощь пришла совершенно неожиданно. Алиса Мабл, выдающаяся теннисистка, выступила со статьей в июльском номере журнала «Американский лаун-теннис». Статья эта была подобно грому среди ясного неба. Вот что писала Алиса Мабл:

«Во время турне, где я выступала как игрок и как лектор, меня часто спрашивали — будет ли Алтея Гибсон допущена к играм национального чемпионата этого года. Не зная, что на уме у руководства Американской ассоциации лаун-тенниса, мне трудно было ответить на этот вопрос. По приезде в Нью-Йорк я была полна решимости это выяснить. На мой прямой вопрос один из членов комитета ассоциации после долгого раздумья ответил отрицательно: «До тех пор, пока не произойдет ничего сверхъестественного, мисс Гибсон не разрешат играть в национальном чемпионате», — таков был смысл его слов.

Официальная версия отказа — мисс Гибсон еще недостаточно зарекомендовала себя. «Действительно, она была финалисткой национального чемпионата в закрытых помещениях, — признался этот джентельмен. — Но разве я не знаю, что площадка там была ужасная». По моему, мисс Гибсон выступала блестяще в той обстановке. Если учесть к тому же, что у нее недостаточно еще опыта участия в крупных соревнованиях, то победа ее над опытной Мидж Баккс кажется мне настоящим триумфом.

Чтобы получить возможность играть в национальном первенстве, по мнению членов комитета, Алтея Гибсон должна хорошо выступить в основных турнирах Восточной лиги, которые состоятся перед главным событием года — соревнованиями в Форест Хилле. Большинство из этих турниров — в Ориндже, Ост-Хэмптоне, Эссексе и др. приглашают участников. Если же ее не пригласят

участвовать в них, она не сможет проявить себя, и тогда комитет формально будет вправе не допустить ее на первенство страны в Форест Хилле.

Я думаю, настало время взглянуть фактам в лицо. Если теннис считают благородной игрой, так давайте и вести себя благородно, как подобает порядочным людям, не лицемерить. Если мы исповедуем честность в спорте, то давно пора показать это на деле. Если Алтея Гибсон бросает вызов нынешним известным теннисисткам, то они должны принять его. Я знаю этих девушек и уверена, что ни одна из них не откажется встретиться в состязании с мисс Гибсон. Ее могут здорово «побить», но лучше, если у нее все-таки будет шанс проявить себя на корте.

Честно признаюсь, я не считаю мисс Гибсон потенциальной чемпионкой. Просто не знаю ее. В закрытых помещениях она играла в ужасно сложных обстоятельствах, но были моменты, когда она показывала смелую, захватывающую игру, которая, несомненно, станет лучше во встречах с первоклассными игроками. Завоюет ли Алтея Гибсон чемпионское звание в стране или за рубежом, зависит не столько от ее отличных ударов, сколько от волевых качеств. Если она станет чемпионкой, то в историю тенниса будет вписана новая яркая страница. Если нет, значит, мы увидим просто еще одного молодого игрока, который подавал надежды и не оправдал их. Но если ей будет отказано в возможности победить или проиграть, это станет огромным минусом для игры, которой я посвятила всю свою жизнь. И мне будет мучительно стыдно. А что если я очень сильно загорю летом? Кому в голову придет вычеркнуть меня из списков участников чемпионата страны? Как нелепо будут выглядеть члены комитета, если вдруг заявят: «Алиса Магл не может играть из-за слишком темного загара» или «Мы не допустим к играм Маргарет Дюкен — у нее на носу веснушки». Точно так же нелепо отказывать Алтее Гибсон. Но так и есть. Алтею судят не по ее спортивным способностям, а по тому, что у нее другой цвет кожи. Если в области спорта мы должны показывать людям пример, давайте так и делать. Теннис может стать пионером подлинной демократии, если его руководители воспользуются моментом. Если же они откажутся, лавры достанутся следующему поколению — все равно кто-то пробьет эту стену. Участие негритянских спортсменов в нацио-

нальном чемпионате теннисистов неизбежно. Это уже доказано в бейсболе, баскетболе, боксе, где никто не отвергает истинно талантливую спортсмена, независимо от цвета его кожи.

Алтея Гибсон, может быть, пока и не обладает всеми данными, чтобы стать чемпионкой, но у нее будут последователи. Они все равно будут стучаться в двери национальных чемпионатов, как сейчас Алтея. Возможно, теннисный мир поднимет массовый протест против несправедливого решения, принятого нашими политиками. Действительно, а почему бы не протестовать сейчас?

Я не собираюсь петь дифирамбы мисс Гибсон как выдающейся теннисистке. Я уже говорила, что видела ее только на национальном первенстве в зале, где ей, очевидно, не удалось продемонстрировать свою лучшую игру, но несколько ее ударов мне понравились. Для меня она такая же теннисистка, как и другие, и у нее должны быть такие же возможности проявить себя как и у меня.

Я никогда не встречалась с мисс Гибсон, но считаю, что она такой же человек, и ей обязаны предоставить равные с нами привилегии.

Что касается меня лично, то буду рада помочь Алтее Гибсон. Если я смогу помочь ей улучшить игру или передать частицу моего опыта, как я передавала многим молодым игрокам, я сделаю это. Если я смогу хоть на йоту укрепить ее уверенность, когда буду болеть за нее, пусть Алтея будет спокойна — моя поддержка ей обеспечена».

Сразу после статьи мисс Мабл я попыталась попасть на чемпионат штата Нью-Джерси, но мне отказали. Мало сведений обо мне — такова была мотивировка. В теннисном мире это означает, что претендент не сыграл достаточно игр в ответственных квалификационных соревнованиях. Но где же мне было играть и набрать «больше сведений», если мне не позволяли выступать в этих самых соревнованиях!

Слов нет, я была обескуражена. И вдруг совершенно неожиданно лед тронулся. Клуб «Орандж лаун-теннис-клуб» в Южном Орандже (штат Нью-Джерси) — один из самых известных на востоке страны принял мою заявку на участие в соревнованиях Восточной лиги. Это был очень представительный турнир, второй по значению после чемпионата страны.

Кажется, удалось, цветной барьер преодолен! Теперь дело было только за мной. Необходимо было выступить как можно лучше — и тогда можно рассчитывать на участие в соревнованиях в Форест Хилле. Мое выступление на первенстве Восточной лиги не произвело большой сенсации, но в первом круге я победила Виржинию Джонсон, а затем Хелен Перес обыграла меня во втором круге. Следующим был турнир в Чикаго — здесь я дошла до четвертьфинала и проиграла Дорис Харт со счетом 6:2 и 6:3. После этого член комитета Американской ассоциации лаун-тенниса Харольд Лебер заявил, что если я подам заявку на участие в первенстве страны, то мне разрешат выступать в нем. Не теряя времени я заполнила и отправила заявку в оргкомитет.

Артур Френсиз, заместитель ответственного секретаря АТА, который непосредственно отвечал за мое участие в первенстве страны, послал несколько благодарственных писем организаторам турниров, в которых мне разрешили участвовать. В частности, он отмечал: «Негры всегда будут чрезвычайно благодарны вам и вашим коллегам за то, что вы на деле доказали, что теннис — это игра благородная и для благородных людей».

В другом письме на имя председателя ассоциации Нью-Джерси, который отказал мне в участии в соревнованиях на первенство штата, Артур Френсиз писал:

«Своим отказом вы показали, что боитесь. Снобизм, предрассудки и необъективное суждение о людях — это проявление антиамериканского духа, которому нет места ни в одном виде спорта, и особенно в теннисе».

В середине августа Американская ассоциация лаун-тенниса АЛТА объявила состав участников первенства США. Я попала в их число. Лоуренс Бейкер — президент ассоциации в тот год сказал, что я — одна из двадцати двух женщин, которых допустили к чемпионату страны, и многозначительно добавил:

— Мисс Гибсон допущена к участию благодаря ее способностям.

Это было именно то, чего мне всегда так хотелось.

Теперь, когда стало известно, что буду играть в Форест Хилле, я забеспокоилась: как же буду играть на совершенно незнакомых кортах? Кто-то предложил: «Попроси Сару Палфрей Кук, может быть, она поможет тебе и потренирует на этих кортах. Сара была сама прелесть — она сказала, что ей доставит удовольствие поиг-

рать со мной, и обратилась к Ральфу Геткомбу — тогда президенту Западной лиги с просьбой разрешить нам потренироваться вместе. А ведь Сара сама не была членом этого клуба, и мистер Геткомб мог бы под таким предлогом спокойно отказать нам. Но этого не произошло.

Таким образом, я сумела потренироваться с Сарой Кук и опробовать площадку. Сара — одна из лучших теннисисток, с которыми мне приходилось встречаться. Эта тренировка была для меня большим подспорьем.

На время соревнований я остановилась у Роды Смит на 154-й улице в Гарлеме. Никогда не забуду первый день чемпионата. Рода и я проснулись очень рано, позавтракали, я собрала свои вещи. В небольшую спортивную сумку положила белые фланелевые шорты, белую тенниску, шерстяные носки, тапочки и белый свитер, который мне подарила одна женщина из нашей ассоциации.

Вместе с Родой мы пошли к станции метро на Шестой авеню. В одной руке у меня была сумка, в другой — две ракетки. Вскоре мы доехали до Форест Хилла — это было недалеко. Остановились у входа в «Вест Сайд теннис Клуб», я подумала: «Сколько же понадобилось времени, чтобы я получила возможность приехать сюда!»

Мы вошли внутрь и направились к столу регистрации участников. Я предъявила свои документы. Мой взнос за участие в одиночных соревнованиях был уплачен заранее, но я собиралась играть еще и в смешанной паре с Торстеном Йоханссоном из Швеции и должна была заплатить за это.

Когда с формальностями было покончено, я прошла в раздевалку. Я была рада, что хоть однажды уже была здесь с Сарой, поэтому не надо было спрашивать дорогу. Я чувствовала бы себя ужасно, если бы пришлось это сделать.

Рода оставалась со мной, пока я переодевалась, и это меня приободряло. Вокруг крутилось много журналистов и фоторепортеров, жаждущих интервью и снимков. Одна бы я не справилась с ними. Вся обстановка вселяла в меня благоговейный трепет. Внимание, разговоры, дружеские пожелания, похлопывание по плечу, вера в мои успехи — все это было слишком трудно пережить девушке, которой раньше никогда не приходилось проходить такого испытания.

Неразговорчивая по натуре, я желала только одного — чтобы они поскорее отстали, оставили меня в покое. Тем не менее я постаралась сделать все, чтобы не нарушить установленный порядок.

Первая игра моя была назначена на час дня. И хоть я пришла в клуб за два часа до начала, конечно, ничего не ела перед игрой. Свой первый матч против Барбары Кнэпп из Англии я выиграла легко (6:2, 6:2). Приняла душ после игры, переоделась, и тогда меня пригласили в одну из клубных комнат на пресс-конференцию. Мне любезно предложили перекусить в клубе — некоторые официальные лица хотели быть уверенными, что оценю их гостеприимство. Но я была слишком возбуждена, чтобы думать о еде. Обстановка была действительно дружелюбной. Я очень старалась внешне казаться спокойной и невозмутимой с журналистами, но внутри у меня все трепетало.

После интервью я осталась посмотреть несколько матчей, а потом вместе с Родой поехали домой. Мы пообедали и рано легли спать. Сначала я хотела пойти в кино, но, подумав, отказалась — глаза устанут, а мне надо быть свежей, нельзя упускать ни малейшего шанса.

В вечерних газетах широко комментировалась моя игра. Репортеры возмущались, почему оргкомитет назначил встречу на самом отдаленном корте — № 14, где и мест-то для зрителей было мало. Писали, что никто не мог предвидеть, что моя игра в первом матче вызовет такой большой интерес у публики. Журналисты саркастически заметили, что организаторы турнира предоставили самый лучший корт Джинджер Роджерс — звезде кинематографа, которая и играть-то толком не умеет.

Я не обращала внимания на всю эту шумиху. Мне казалось совершенно естественным, что Джинджер Роджерс вызывает больше внимания, чем какая-то Алтея Гибсон. Мне самой было бы гораздо интереснее смотреть ее игру — да, я не шучу. Единственно, что меня беспокоило, это бесконечные вспышки фотоаппаратов, которые порой ослепляли меня. Я точно знала, что фотографам не разрешалось так близко подходить к игрокам во время матча, и удивлялась, почему организаторы не оградят меня от них.

Но жаловаться не собиралась — как-никак, а я выиграла встречу. Следующий день был днем еще большего напряжения. Моей соперницей во втором круге

была Луиза Бро, чемпионка Уимблдона и экс-чемпионка США. Луиза была одной из выдающихся теннисисток, и я не могла и мечтать о лучшей возможности показать, на что способна.

Первый сет Луиза выиграла 6:1. Я очень нервничала, и это отметили почти все журналисты. Один из них даже заявил, что «я выглядела напуганной до смерти». Думаю, что это несколько преувеличено, вполне допускаю, что была очень напряжена. Какой-то рьяный болельщик кричал не переставая: «Нокаутируй ее!». Во втором сете я «завелась» и выиграла 6:3. Почувствовала себя немного спокойнее. В третьем сете я вела 7:6 и подумала — не упустить бы этот шанс, но внезапно разразилась страшная гроза. Стихия так разбушевалась, что повалило одного из гигантских орлов, что стоял на углу стадиона со дня его основания. Игру пришлось перенести на следующий день. Худшего невозможно было и ожидать — целый вечер думать о продолжении встречи! Прочитав утренние газеты, я стала нервничать еще больше. На корты пришла заранее и попросила Сару Кук до начала матча немного поиграть со мной, и мы потренировались.

Я все еще не могла совладать с собой, когда мы начали играть. Но и Луиза тоже была взволнованна — она же чемпионка Уимблдона и если сейчас проиграет, то соревнования во втором круге для нее заканчиваются. Справедливости ради надо сказать, что нервное напряжение сказывалось на мне больше.

На этот раз народу у нашего корта собралось очень много. Казалось, здесь было больше репортеров, фотографов, кинооператоров, чем зрителей. Впрочем, все длилось всего одиннадцать минут. Первой подавала Луиза и сразу выиграла очко. Следующий сет был самым напряженным. Я сразу попала в трудное положение. Сначала проиграла на своей подаче. Потом сделала еще две ошибки, выиграла очко благодаря ее ошибке, и затем мяч с лёта вылетел с корта. Она вела 15:40. Но я была полна решимости не сдаваться без борьбы. Я выиграла очко на своей подаче, затем «убила» мяч у самой сетки, с лёта еще раз выиграла очко и вышла вперед. Однако Луиза сумела обмануть меня у сетки, и счет сравнялся. Мы разыграли 18 подач, прежде чем окончить гейм. В конце концов, Луиза выиграла его. Теперь я проигрывала 8:7. На своей подаче в следующем гейме она сразу повела 40:15. И несмотря на мои отча-

янные попытки отыграться, Луиза выиграла матч 6:1, 3:6, 9:7.

Чтобы быть объективной в отношении моей игры с Луизой Бро, мне бы хотелось привести выдержку из статьи Дэвида Айзенберга в нью-йоркском журнале «Журнал Америкэн»:

«Я был свидетелем многих драматических событий в спорте, но только немногие можно назвать более яркими, чем игра мисс Гибсон против мисс Бро. Не потому, что это была выдающаяся игра. Нет. Поражало, с каким упорством сражалась эта одинокая, нервная, цветная девушка, у которой обстоятельства украли большую победу.

Мисс Гибсон ужасно нервничала в начале матча, и мисс Бро легко выиграла первый сет 6:1. Но Алтея успокоилась во втором сете. Со времен Алис Магл не было игроков с такими сильными ударами, как у Алтеи, и особенно справа. Она выиграла второй сет 6:3. В финальном сете мисс Бро выигрывала первые три гейма. Но Алтея превзошла себя и выиграла три раза на подаче своей соперницы. Наконец, Гибсон вышла вперед 7:6. В это время небо потемнело, стало темно, как ночью, загремел гром. подача была за чемпионкой Уимблдона, чемпионкой страны. Всем было ясно, что она очень устала. Мужество и сила неизвестной негритянской девушки выбили Луизу из колеи.

Зрители почувствовали, что назревает сенсация. Но этого не произошло. Через десять минут хлынул проливной дождь — как из ведра. Матч пришлось отложить. Но нервное напряжение Алтеи отложить было невозможно».

Могу только добавить, что мне действительно было очень тяжело после поражения, и утешения, которые сыпались на меня со всех сторон, только усугубляли подавленное состояние.

Перед возвращением в колледж меня пригласили на обед в ресторан на углу 42-й улицы и Бродвея. Там Бертрам Бейкер (АТА) и Холлис Дэнн (АЛТА) обсуждали возможности моего участия в Уимблдонском турнире весной 1951 года. Руководители АЛТА не возражали против моего участия, но и не собирались оплачивать поездку.

Однако они заявили, что если я серьезно намерена участвовать в таком турнире, то мне необходимо боль-

ше тренироваться. Они предложили поехать в Хэмтрэмк (штат Мичиган) — пригород Детройта и под их покровительством тренироваться у Хуана Хокси — одного из самых лучших тренеров страны. Мне это предложение понравилось, к тому же меня приглашали играть в марте на турнире в Майами. Я знала, что буду первой негритянкой, играющей в паре с белым, и не где-нибудь, а на самом юге. Вот это было испытание! Я чувствовала себя как на ярмарке, будто меня каждую минуту все рассматривают в микроскоп.

Когда я прибыла в Майами Бич, оргкомитет поселил меня в прекрасном отеле «Адмирал». Я оценила этот жест, но, проведя там одну ночь, попросила перевести меня в подходящий отель для негров: чувствовала себя крайне одиноко и неуютно — единственная негритянка.

В мае я сдала экзамен в колледже и вылетела в Детройт. Билл Мэтни — репортер одной из негритянских газет в Детройте — встретил меня в аэропорту и проводил в отель «Готхэм», где администратор, широко улыбаясь, сообщил мне, что знаменитый Джо Луис — чемпион мира по боксу распорядился предоставить в мое распоряжение его персональный номер.

Все складывалось как нельзя лучше. К счастью, перед отъездом в Англию у меня была возможность лично поблагодарить Джо Луиса за его доброту. Мы вместе позавтракали, обсудили мои дела, и он сказал, что хотел бы оплатить мой билет из Нью-Йорка в Лондон и обратно. Вот это парень!

Не знаю, лучше ли я стала играть после тренировок в Детройте или нет. Негры в округе относились ко мне очень доброжелательно. Они даже организовали для меня показательное выступление и собрали 770 долларов для поездки в Англию. Билл Мэтни повез меня в один из банков и снял со счета деньги, которые были собраны для меня. Затем он купил билет в Лондон туда и обратно и оставшиеся деньги передал мне. Я ему ничего не сказала о билетах, которые обещал Джо Луис, так как боялась, что чемпион мог забыть о своем обещании. И напрасно. Когда я прибыла в аэропорт «Айделвилд», билеты от Джо Луиса на мое имя были уже в кассе. Поэтому я сдала билеты, купленные Биллом Мэтни, а деньги отдала Бертраму Бейкеру, чтобы он сохранил их до моего возвращения.

К сожалению, я не смогла выиграть в Уимблдоне. Все, что я там получила,— это опыт.

Потом наступил еще один сезон разочарований. Я прогрессировала в игре не так быстро, как ожидала, и, главное, как ожидали другие. Может быть, потому, что было мало возможностей играть с теннисистами высокого класса. Как бы там ни было, сезоны 1951, 1952 и 1953 годов были для меня самыми неудачными.

Единственными приятными воспоминаниями в то время, кроме учебы во Флориде, конечно, было знакомство с одной семьей, с которой нас связала тесная дружба, и с человеком, который стал моим тренером и лучшим советчиком.

Когда в 1951 году я во второй раз была приглашена участвовать в чемпионате Ист Оранджа на травяных кортах, то попросила поселить меня недалеко от клуба. Кто-то из руководителей АТА предложил — может быть, Розмари Дарбен, отличная теннисистка, которую я хорошо знала несколько лет, поможет мне устроиться в ее доме. Идея была отличной, и я попросила Розмари узнать у родителей, не разрешат ли они пожить неделю в их доме. Она сейчас же позвонила домой. Сначала миссис Дарбен, которая не очень хорошо себя чувствовала в то время, приняла просьбу дочери без энтузиазма, так как боялась, что не сможет оказать мне достаточного гостеприимства. Но Розмари воскликнула: «Тебе совершенно не о чем беспокоиться. Алтея свой человек. Тебе незачем суетиться вокруг нее».

Итак, вечером я была уже у Дарбенов. Я намеревалась пробыть у них неделю, но мы так подружились с Розмари, что она предложила остаться еще на некоторое время. Конечно же, я была согласна. В их доме я чувствовала себя счастливой. И совсем не потому, что в родительском доме на 143-й улице было тесно, не потому, что жить за городом было значительно приятней — все-таки свежий воздух, а главным образом потому, что у нас с Розмари оказались общие интересы: теннис, гольф, боулинг, пластинки. Я готова была жить у них постоянно.

Дарбены относились ко мне, как к родной дочери, и я платила им тем же. Я даже могла действительно стать членом их семьи. В семье Дарбенов были три мальчика и три девочки. Через несколько лет один из их сыновей — Вильям стал назначать мне свидания. В газетах даже писали, что мы были помолвлены, но это неправда.

Мы действительно часто были вместе многие годы. Вильям всегда встречал меня в аэропорту после поездок, может быть, поэтому репортеры пришли к такому заключению. Но мы никогда не были помолвлены. Я думала серьезно о нем, но ничего из этого не получилось.

Я и теперь часто навещаю Дарбенов и надеюсь, что всегда встречу в их доме радушный прием.

Когда я с восхищением рассказываю о поездках, мама Дарбен перебивает и с улыбкой замечает:

— Подумать только, когда ты первый раз пришла к нам в дом, то была как маленькая мышка. От тебя и слова-то добиться было трудно. А сейчас — посмотрите на нее!

На это я отвечаю:

— Я молчала, когда впервые появилась у вас, потому что была напугана, — все так строго смотрели на меня. Вот я и боялась открыть рот.

Но матушка Дарбен знала, что я ее очень люблю и полна благодарности за все хорошее, что видела в ее доме. Да, там я была счастлива!

Знакомство с Сиднеем Левеллином также сыграло большую роль в моей жизни. Гарлемский тренер, он работал таксистом. Он очень помог мне не только в техническом отношении — поправил хват ракетки, обучил тактике, но и в общем развитии. Но, главное, он заставлял меня постоянно интересоваться игрой, использовать малейшую возможность, чтобы совершенствовать ее.

Для Сиднея ничего в жизни не существовало, кроме тенниса да еще жены Лии. Встретила я его в 1947 году. Однажды в 1950 году мы с ним стали финалистами открытого чемпионата Нью-Джерси среди смешанных пар.

Сидней подошел ко мне после того, как прочитал в журнале «Джет» статью, в которой меня окрестили «самым большим разочарованием в теннисе», и предложил быть моим тренером. Он убеждал, что у меня есть все данные, чтобы достичь вершин в теннисе.

Мне нравились его убежденность, настойчивость и искренность; при нем я чувствовала уверенность в себе. Прежде всего он стал переучивать меня держать ракетку. Раньше я держала ракетку стародавним, так называемым континентальным, хватом, который позволяет выполнять удары справа и слева, не меняя хватки, и который предпочитал мой первый наставник Фред Джонсон. Но у него была одна рука. Сид обучил меня более

пластичному удару, позволяющему максимально использовать работу кисти. Очень много мы работали над тактикой игры. У него была даже своя «теория правильного ответа». Часами пропадали мы на корте. Больше всего внимания уделяли подаче и игре у сетки. Сид очень помог мне.

Руководство АТА, казалось, совсем потеряло интерес ко мне. Я продолжала выигрывать чемпионаты АТА год за годом, но когда касалось первенств АЛТА, они сбрасывали меня со счетов.

В списке сильнейших теннисисток США 1952 года я была девятой, на следующий год стала седьмой, а в 1954 году я скатилась на 13-е место. Конечно, это не назовешь продвижением вперед.

Список 1954 года составлялся по результатам выступлений предыдущего года, а в 1953 году я окончила колледж во Флориде и благодаря покровительству старшего преподавателя физического воспитания Джейка Гейтера получила место преподавателя физического воспитания в Линкольнском университете, в Джефферсон-сити в штате Миссури. Проработала я там два года — 1954 и 1955 годы. Эти два года были сложными для меня. Там я повстречала великолепного человека. Он служил в армии в чине капитана и находился недалеко от университета в летних лагерях. Капитан был старше меня. Мы часто проводили время вместе. Из-за него я почти забросила теннис.

Конечно, я была разочарована, что не прогрессирую, застыла на месте. Все еще чемпионка АТА, и ничего больше. И в перспективе ничего хорошего. Я устала от нехватки денег. Вначале я получала 2800 долларов в год, затем 3000 долларов. Маленькая квартира стоила 48 долларов 50 центов в месяц. Кроме того, приходилось платить за машину — это был потрепанный «Олдсмобиль», который я купила в кредит. Откладывать было совершенно нечего.

Когда приятель предложил мне вступить в Женский военный корпус, я подумала — почему бы нет? Платят там неплохо, а поскольку у меня есть образование, то могу стать офицером, жить припеваючи, помогать родителям и даже откладывать понемногу. Идея была заманчивая, а перспектива жизни в жесткой дисциплине не пугала — это мне было знакомо. Кроме того, я могла быть рядом с капитаном, а это для меня значило больше

всего. Любовь и уверенность в том, что я любима — были для меня совершенно новыми чувствами. Удивительно — все, что казалось мне раньше чрезвычайно важным, стало совсем незначительным. Главное, ты с человеком, которого любишь.

Теннис теперь не казался мне самым главным в жизни.

Расовая сегрегация в штате Миссури проявлялась очень ярко. Я уже почти примирилась с ней, когда была в Таллахассе, но в Миссури было ужасно. Негры, жившие в Джефферсон-сити, не обращали на это внимания, они к ней привыкли, но я все время нервничала и не могла примириться. Настроение у меня было ужасное и, может быть, отчасти из-за этого, я подала официальное заявление в женский военный корпус.

Помню, как я расстроилась, когда мы с Дональдом Мак-Моором, одним из преподавателей физического воспитания в нашем колледже, пошли поискать для своих воспитанников местечко для игры в боулинг. В первом же заведении, куда мы обратились, ответ был категоричным: «Убирайтесь! Нечего здесь делать!» Хозяин другого зала не возражал, но пускал с условием, что мы будем играть только по утрам и уходить не позже половины первого-двух, так как после двух приходят его постоянные клиенты — белые.

Владелец показался нам порядочным человеком, и мы согласились на его требования. Главное, мы могли играть, а это — все, что нам нужно. Итак, мы стали посещать этот зал и получали большое удовольствие. Но однажды пришли и не увидели прежнего хозяина. К нам подошел незнакомый человек:

— Что вам здесь нужно?

Когда же мы объяснили, что пришли поиграть и что прежний хозяин всегда разрешал нам приходить по утрам, он ответил:

— Только не здесь! Цветным здесь нечего делать! Только для белых!

Мы снова попытались объяснить, что уже давно ходим сюда. Но он не хотел и слушать. Я вышла и вдруг увидела прежнего хозяина. Оказалось, что этот человек — его партнер — решил выгнать нас, так как некоторым белым клиентам не нравится, что по утрам в зале бывают негры.

«Мне очень жаль, но все дело в деньгах. Если некоторые постоянные клиенты откажутся посещать наше заведение, нам будет туго. А мы не можем этого себе позволить».

Так закончился наш небольшой социологический эксперимент.

Заняться чем-нибудь в Линкольне было трудно. Единственным утешением был спорт, и я играла в теннис, пинг-понг и бадминтон. Хотела играть за факультет в баскетбол, но мужчины не соглашались.

«Ты нас всех угробишь!» — говорили они.

Самое большее, что они разрешали мне, — тренироваться вместе с ними.

Дуайт Рид — старший преподаватель физического воспитания в колледже рассказывал как-то репортажам:

— Надо несколько раз внимательно приглядеться к Алтее, чтобы убедиться, что она представительница слабого пола. Она отлично играет в любые игры. Трудно было представить, что эта девушка, когда она толкалась, вырывала мяч.

Иногда я играла в бридж. Ходила в кино. Если хотела пойти в кино второй раз на неделе, то приходилось смотреть один и тот же фильм. Для меня это была слишком спокойная жизнь. После окончания учебного 1955 года я собрала вещи, села в свой «Олдсмобиль» и отправилась в Гарлем. Рассказала Сиду Левеллину о том, что подала заявление о вступлении в женский военный корпус. Он чуть не упал в обморок. Битый час он уговаривал меня, повторяя, что я лишаю себя возможности сделать блестящую карьеру в теннисе.

В конце концов, он написал мне рекомендательное письмо в поддержку заявления о приеме в армию, но ясно дал понять, что сделал это скрепя сердце. Когда через несколько дней я сказала, что прошла медицинскую комиссию и жду вызова, он страшно расстроился.

После этого разговора в теннис мы больше не играли. Не было смысла.

Но проходили недели, а вызова все не было. Понемногу я стала самостоятельно тренироваться и в шутку сказала Сиду, чтобы он послал заявку на мое участие в национальном первенстве.

Мы сидели в машине около кортов на перекрестке 150-й улицы и 7-й авеню.

«У меня никак не укладывается в голове, к чему ты это все затеяла? Перед тобой такое блестящее будущее!»

«Не вижу никакого блестящего будущего. Если бы я чего-то стоила, то была бы уже чемпионкой. Видно, не добиться мне чемпионского титула. Я устала от того, что чужие люди заботятся обо мне, собирают для меня деньги, покупают одежду, билеты на самолет, платят за любую мелочь — еда это или одежда. Пора заботиться о себе самой. В армии у меня будет возможность делать это».

— Играя в теннис, ты можешь поступать тоже, как ты хочешь, — настаивал Сид.

Он был упрям. Но я парировала:

— Хорошо. Ты так думаешь, и я так думаю. Но нас только двое, и ни у тебя, ни у меня нет денег. А они нам нужны.

Именно так оно и было. Даже когда я снова готовилась к соревнованиям в Форест Хилле, голова моя была занята совсем не теннисом. Я устала от всего этого. Единственное, о чем я думала: как все же жаль Сиды. Мое решение очень много значило для него. С утра до вечера он носился по Нью-Йорку в своем такси, стараясь отложить лишний доллар, чтобы осуществить свою мечту — стать профессиональным теннисистом. И поскольку я хотела расстаться с теннисом, то в какой-то степени заставляла и его расстаться с мечтой. Не потому, что он один не смог бы пробиться в профессионалы. Смог бы! Такой уж он человек. Но с моей помощью он сделал бы это быстрее — мое имя было бы хорошей рекламой.

Глава пятая

ПЕРЕЛОМ

Совершенно уверена, что к 1955 году я была бы уже лейтенантом, если бы не разговор в Форест Хилле с Ренвиллем Мак Манном — в тот год он был президентом «Уэст Сайд Теннис Клуб». После одного из матчей в национальном чемпионате Мак Манн, имевший большой вес в АЛТА, подошел ко мне и спросил:

— Не хотели бы вы участвовать в турне по Юго-Восточной Азии, организуемом государственным департаментом?

Абсолютно точно помню свой ответ:

— Вы шутите?

Я никак не могла понять, почему вдруг — госдепартамент? Я вроде бы совсем не представительный тип. Но это не смутило мистера Мак Мана.

— Я серьезно. Государственный департамент думает послать команду американских теннисистов с визитом доброй воли в Юго-Восточную Азию. И они особо подчеркнули, что хотели бы включить в команду вас.

Я согласилась не раздумывая. Ни о чем подобном я и не мечтала, и честно сказала, что считаю большой честью участие в такой поездке. Пообещав сообщить о деталях в ближайшее время, Мак Ман добавил, что со мной, очевидно, поедут Хэм Ричардсон, Боб Перри и еще какая-нибудь девушка. Ее кандидатура еще не была утверждена. Мне кажется, они подбирали кандидатуру с таким расчетом, чтобы быть уверенными, что она не отвергнет идею поездки в компании со мной.

Я узнала, кто поедет в эту поездку, когда была в Мехико-Сити на Панамериканских играх. Я разговаривала с английскими теннисистками, когда ко мне подошла Кэрол Фагерос и сообщила, что едет вместе со мной.

— Правда здорово? — спросила она.

Лучшего я и не желала, Кэрол — одна из самых симпатичных девушек, она просто прелесть. И я была очень довольна, что мне предстоит провести два месяца в ее обществе.

Через несколько дней Мак Манн официально сообщил мне: в эту поездку поедет Кэрол Фагерос и он хочет быть уверенным, что я не откажусь и что с идеей поступить в женский военный корпус покончено.

К нашему возвращению в Штаты все формальности были закончены. Нас пригласили на встречу с представителем госдепартамента в «Вандербилт отель» в Нью-Йорке. Нас было четверо. Представитель госдепартамента вручил каждому чек на 750 долларов на питание и оплату гостиниц во время шестинедельной поездки. Получили мы и билеты на самолеты. Правда, 750 долларов — не такая уж большая сумма, но я все равно была довольна. И мы отправились в Лондон. В самолете мы обсудили, как будем жить. Денег было не так уж много

для такой длительной поездки и, чтобы сэкономить, я предложила жить по два человека в номере. В тесноте, да не в обиде. Кэрол сразу же поддержала идею. Хэму хотелось жить отдельно, но мы быстро его уговорили.

«Ты страдаешь диабетом, и около тебя всегда должен кто-то находиться и следить за твоим здоровьем».

Мы отлично ладили с Кэрол. Она была хороша — светлая блондинка, настоящая звезда экрана. И характер у нее был очень веселый.

Помню, в Бирме, в Рангуне я решила сделать прическу. Для девушки с негритянской копной волос привести в порядок голову, если ты не дома, — настоящая проблема. Я взяла в поездку все необходимое: расчески, щипцы, лак и даже посудину, чтобы поместить горелку для щипцов. Единственное, что мне было нужно, — горелка. Я пошла в аптеку и купила спиртовку.

На следующее утро мы встали, искупались в бассейне, и я сказала Кэрол, что займусь прической.

— Прекрасно, а я буду писать письма.

Я вымыла голову, высушила волосы. Кэрол сидела за письменным столом, когда я вышла из ванной. Мельком взглянув на меня, она расхохоталась и хохотала до слез. Я не обиделась на нее, зная, какой у меня был вид. Когда вымоешь голову и высушишь волосы, они буквально встают дыбом. Кэрол такого никогда не видела и поэтому не могла удержаться от смеха.

— Ну, хватит, — сказала я, — перестань. Сейчас ты увидишь, что из этого получится.

Я зажгла горелку, разогрела щипцы и начала завиваться.

— Что ты делаешь? Сожжешь всю голову, — Кэрол никак не могла успокоиться. Чтобы не играть у нее на нервах, я пошла в ванную. Но Кэрол все время подглядывала и смеялась. У нее и в мыслях не было обидеть меня своим смехом, уверяю вас. Просто такого зрелища ей еще не приходилось видеть.

— Не смейся. Что я могу поделывать. У нас, цветных девушек, волосы не такие, как у тебя. Поэтому и приходится завивать их таким образом. Дома я хожу в парикмахерскую. Но здесь ничего не поделаешь, приходится делать прическу самой.

Когда я наконец закончила, Кэрол подошла, потрогала волосы и сказала:

— А прическа получилась отличной.

С каждым днем мы узнавали друг друга все лучше и лучше. Через некоторое время я устала делать себе прически и решила найти какого-нибудь парикмахера. Дело было в Калькутте. Я сказала Кэрол, что пойду пощу парикмахерскую. Около отеля я сразу столкнулась с заклинателем змей. Увидев меня, он начал пронзительно свистеть, затем открыл корзину, чтобы кобра могла высунуть голову, и стал произносить заклинания. Мне хотелось дать ему несколько монет, но нам сотни раз говорили — никогда ничего не подавать нищим, иначе они не отстанут. Поэтому я немного посмотрела и пошла дальше. Недалеко от отеля я увидела парикмахерскую, вошла и спросила хозяина. Поскольку в Калькутте большинство людей темнокожие, думала я, то уж, конечно, в парикмахерской умеют обращаться с такими волосами, как мои. Я объяснила, что мне нужно.

— Понял, понял, сделаем,— ответил хозяин.

Когда он стал поливать мои волосы какой-то жидкостью, я запротестовала:

— Что вы делаете? С моими волосами вы не справитесь таким образом.

— Я знаю свое дело. Не волнуйтесь!

Я решила, что лучше всего молчать. Но когда он стал накручивать волосы на бигуди, вновь не выдержала.

— Успокойтесь. Мы так работаем с грубым волосом. Поверьте мне, все будет отлично.

Когда он посадил меня сушить волосы, я не выдержала:

— Нет, нет! Так ничего не получится!

Он стал успокаивать меня, говорить, что знает, как обращаться с такой головой. Мои нервы не выдержали — я не могла уже ничего возразить. Будь что будет. Надо было видеть меня, когда он стал расчесывать волосы. Они были сухие как солома и даже трещали.

Мастер забеспокоился — расчесывал и расчесывал, но они не хотели укладываться.

В конце концов, я встала, заплатила ему 28 рупий и вернулась в отель. Кэрол вошла в номер, когда я пыталась привести голову в порядок.

— Да,— сказала она,— в следующий раз лучше я буду тебе помогать.

Самое ужасное было в том, что вечером надо было идти на прием. Там нас много фотографировали. Я постаралась собрать все фото, какие только смогла, и тут

же сожгла их. Никогда не забуду этого индийского мастера — на фото я выглядела как шаман из племени Убанги.

Были и большие переживания во время турне. В Рангуне я заболела. И заболела так, как никогда еще не болела в своей жизни. Когда мы прибыли в Рангун, нас поселили в службе информации США, потому что все отели были заняты. Приняли нас отлично. Однажды нас пригласили на банкет. Чего там только не было! Впервые я встретила с восточной кухней: плавники акулы, баранина, телятина с рисом и с различными соусами, устрицы, омары, креветки. Я буквально объелась креветками. Каждый из нас находился за отдельным столом, мы наслаждались восточным приемом. Я старалась ни в чем не уступать бирманцам, копировала их манеру. Им это нравилось.

После обеда дали отличный концерт. Танцовщицы были такими красивыми. Хэм и Боб глаз не могли оторвать от них. Вечер прошел превосходно.

На следующий вечер нас опять пригласили — на этот раз в китайский ресторан. Мы ели и ели. Веселились до утра. А утром наступили мои мучения. Послали за доктором — оказалось, у меня острый приступ гастрита. Только через три-четыре дня я пришла в себя. Конечно, не следовало так увлекаться восточной кухней.

Хорошо еще, что Хэм имел некоторые деньги, как он называл, «капитанский фонд», для таких случаев, как оплата визита доктора и лекарств. Эти деньги были очень кстати, потому что за время турне мы заболевали по очереди.

Помню, как мы приехали из Калькутты в Дакку. Около вокзала было много народа. Что-то нам показалось не так, а что — мы никак не могли определить. Потом поняли — среди этого множества людей не было ни одной женщины. В период всего нашего пребывания в городе мы только один раз увидели женщину на улице без паранджи. Женщинам в Пакистане не разрешается открывать свое лицо, а иногда даже выходить на улицу.

На теннисных кортах было несколько иначе. Там среди зрителей мы видели нескольких женщин без паранджи. Больше того, они были одеты в западном стиле и очень красивы. По крайней мере, наши мужчины выразились именно так. Может быть, именно поэтому мест-

ным женщинам не разрешается выходить на улицу без паранджи?

С нашей точки зрения мужчины тоже симпатичны. У большинства из них огромные темные глаза, но ни один из них не тронул наши сердца.

Однажды нас пригласили на обед к одному из богатейших людей. В Пакистане вы можете быть или очень богатым, или очень бедным. Так вот этот человек относился к первой категории. У него был огромный прекрасный дом, почти весь из мрамора. Кругом кондиционированный воздух. Все было очень красиво. Большинство женщин на обеде, включая жену хозяина и двух его дочерей, отличались удивительной красотой. Огромные выразительные глаза, мягкие черты лица, бархатная смуглая кожа, черные волосы. Все женщины одеты в сари — традиционную национальную одежду хинди. Нам с Кэррол так понравились сари, что одна из дочерей хозяина дома затащила нас в свою спальню и заставила примерять их. Она вытащила по паре изумительных шелковых сари для каждой из нас и вместе с сестрой показала, как надо надевать их.

Мы оделись и, конечно, не могли удержаться, чтобы не показаться всем. Наше переодевание произвело такой эффект, что мы привезли сари домой. Естественно, в таком наряде не пойдешь за покупками, но дома, когда собирается маленькая компания, сари выглядит очень забавно.

Обедом мог бы гордиться самый шикарный европейский ресторан. Изобилие было такое, что можно было бы накормить целый полк. Здесь были и западные кушанья, и типично восточные. И все это приправлено кэрри*. В Индии кэрри используется почти во всех блюдах. Это очень вкусно.

Мне понравились пакистанские девушки. Я не думала, что с ними так же легко найти общий язык, как и с европейскими девушками. Их разговоры ничем не отличались от разговоров, принятых на подобных вечерах в Штатах. Я заметила только большую разницу в их отношениях к ухаживаниям. Дело в том, что помолвки устраиваются родителями заранее, когда жених и невеста еще играют в песочек. Но при таких ограничениях, как мне показа-

* Кэрри — приправа из корня растения, чеснока и разных пряностей.

лось, девушки не унывают. Они ходят на свидания, в кино, играют в теннис, словом, ведут себя так же, как и мы дома. Но встречаются только с тем, с кем помолвлены.

Короче, они не так уж и отличаются от нас. Работают, заботятся о семье. Конечно, существуют национальные традиции.

В Пакистане очень много бедняков. Жизненный принцип там — «все или ничего», и большинство не имеет ничего.

Такие впечатления запоминаются надолго. Я никак не могла понять, почему для поездки выбрали именно меня, но была этим очень довольна. Знаю только, что случилось это вскоре после убийства Эметта Тилла в штате Джорджия, и мировое общественное мнение в отношении расовой проблемы в США было очень невысоким. Возможно, именно поэтому меня, цветную девушку, включили в команду, чтобы представлять нашу страну в Юго-Восточной Азии.

Перед отлетом в турне в госдепартаменте меня предупредили: вероятно, будут задавать вопросы о положении негров в Соединенных Штатах.

«Отвечайте по своему усмотрению, но помните, что вы представляете свою страну».

Думаю, турне прошло удачно. Без инцидентов, без осложнений. Кстати, я очень удивлялась себе, тому, как отвечала на острые вопросы. Тем, кто спрашивал меня о положении негров в США, я всегда отвечала:

— Да, у нас есть проблемы, как и в каждой стране, и даже у каждой личности, но эти проблемы разрешимы, и я твердо верю, что они будут решены.

Я прекрасно понимала, что многие дотошно спрашивали об этом, имея тайную мечту приехать в Америку, а пока хотя бы побольше узнать о ней из первых уст. Я старалась четко отвечать на все их вопросы, но не вдавалась в подробности.

Я бы сказала больше: из всей нашей четверки я больше всех привлекала внимание. Ведь мы совершали турне по странам, где живут в основном люди с темной кожей, и это было абсолютно естественно. Поэтому я играла везде, куда бы мы ни приезжали. Местное население не только особо интересовалось мной и моей игрой. Они испытывали и некоторое чувство гордости, потому что я была негритянкой. Дети смотрели, как я

играю, с изумлением и восхищением. Им казалось удивительным, что негритянка может так хорошо играть. Могу удостоверить, что им нравилась Кэрол: ее прекрасная игра, ее внешность звезды Голливуда, но ко мне они, без сомнения, относились как-то по-особенному из-за цвета моей кожи. Наше успешное турне закончилось в Коломбо, на Цейлоне, 12 января 1956 года, и я сразу направилась в Стокгольм на турнир, который начинался 19 января. Кэрол вылетела со мной одним самолетом, но в аэропорту Дюссельдорфа, в ФРГ, она сошла. У нее был приятель, который служил в армии и находился в ФРГ, и Кэрол хотела с ним встретиться, а потом уже возвратиться домой. Прощание на аэродроме было трогательным. На глазах у обеих были слезы. Жаль было расстаться, жаль было, что наша поездка закончилась.

Но мое путешествие не окончилось. Я играла в Кёльне (ФРГ), в Лионе и Галле (Франция), в Каире и Александрии (АРЕ). Наконец я увидела мир, узнала много интересного... Любовалась египетскими пирамидами, а раньше я даже и не знала о них. Интересно, что при осмотре внутренних помещений пирамид мне приходилось пробираться чуть ли не ползком — высота проходов около 125 см, а мой рост около 185 см. Познакомилась я и с ночной жизнью Египта. Любопытно, как в маленькие ресторанчики набивается огромное количество народу, чтобы посмотреть танец живота. Мне доставляло большое удовольствие наблюдать это зрелище.

В Египте я познакомилась с молодым человеком, который мне очень понравился. Он занимался плаванием. С ним было приятно поговорить, и мы отлично проводили время. Первый раз я встретила его в Каире, где мы были две недели, а затем в Александрии. Он приходил на все мои матчи, сопровождал по городу, показывал достопримечательности.

Единственная неприятность случилась как раз в последнюю ночь перед отъездом из Александрии. Было поздно, что-то около часа ночи. Я собиралась лечь спать. Вдруг мне показалось, что кто-то пытается проникнуть в номер через балкон — дверь была не заперта. Я услышала за дверью какой-то шум. Прислушалась — точно, кто-то ходит. Я испугалась, сняла трубку и попросила дежурного скорее прислать кого-нибудь. Но он не понимал по-английски — все служащие, знающие английский язык, работают, как правило, в дневную смену. Тщетно

пыталась объяснить дежурному, в чем дело. Тогда я схватила ракетку и приготовилась защищаться. Наконец, в дверь постучали — это был ночной дежурный. Я пыталась объяснить ему, что случилось, и умоляла открыть дверь и выглянуть. Он открыл ее, но там никого не было. Я даже сама выглянула — там было пусто. Эту ночь я не могла сомкнуть глаз и пролежала на кровати одетая, с телефоном под боком и теннисной ракеткой в руке.

Может быть, у меня сдали нервы. Не знаю. После отъезда из Александрии я чувствовала себя очень усталой. Турне длилось восемь месяцев, и последние месяцы было уже тяжело. Все было расписано по минутам, спланировано заранее. Ничего непредвиденного. Я не должна была забывать, что я особая персона — негритянка с определенным международным значением. Думать о своей значимости хорошо, но жить так постоянно очень трудно.

Конечно, время проходило быстро и хорошо. Я играла, ходила на приемы, встречалась со многими людьми, но больше ничего. Если бы рядом был кто-то, кому бы я могла полностью довериться, с кем бы могла быть самой собой, я была бы счастлива. Приходилось быть всегда в напряжении. Если бы люди, с которыми я сталкивалась, узнали меня поближе, то поняли бы, что я такая же, как все, только цвет кожи у меня другой. Но это было не так просто.

В одном я совершенно уверена — наше турне по странам Юго-Восточной Азии было успешным с точки зрения госдепартамента. Я думаю, что Хэм, Боб, Кэрол и я неплохо поработали на благо Соединенных Штатов.

У меня сохранилась вырезка из бирманской газеты «Нью-Таймс», в которой журналист с восторгом описывает наше пребывание, несмотря на то, что он не был в восторге ни от тенниса, ни от американцев. И я рада, что он и, возможно, большинство читателей стали более благожелательны не только к теннису, но и к нам.

Вот что он писал:

«Я никогда не был поклонником тенниса, но после знакомства с мистером Гамильтоном Ричардсоном, звездой тенниса США, и его коллегами изменил своим привычкам и решил посмотреть показательные игры американских теннисистов на кортах железнодорожного института.

Эти матчи превзошли все мои ожидания. Здесь было все — отличная игра, элементы азарта, доводящие зрителей до высшей степени восхищения.

Я обнаружил, что теннис в исполнении американских звезд очень интересен. Определенно эти игроки высшего класса. Современный теннис, который они нам показали, и старый теннис, который я видел раньше, — это совершенно разные вещи.

Более всего меня поразила — игра с лёта, которую они демонстрировали мастерски. Некоторые зрители замечали:

— Их подачи — великолепны, удары с лёта — изумительны, а вот с отскока они играют слабее.

Боб Перри и Хэм Ричардсон — гиганты в физическом отношении, и они вкладывают в подачу всю свою массу. Да и второй удар у них такой же мощный.

То же самое можно сказать и в отношении теннисисток. Нет сомнения, что соперницы стоили друг друга и были примерно одного класса. Мисс Алтея Гибсон доказала, что ее игра с задней линии просто великолепна. У нее много и других достоинств — огромная сосредоточенность, отличная физическая подготовленность, быстрота, решительность, азарт.

Мисс Кэрол Фагерос тоже отличный игрок — хорошая подача, умелая игра на выходах, отличная игра с отскоков, мощные удары справа и слева, прекрасная физическая подготовленность».

Во время наших выступлений мы подружались со многими людьми.

Среди сувениров и призов, которые я привезла из этих стран, я храню и письма.

Вот одно из них:

«Привет из Бирмы, где о вас только и говорят. Теннисная федерация Бирмы просила передать вам слова благодарности за прекрасную игру. В городе Мондейле сейчас только и говорят о теннисе. Я хочу, чтобы вы знали, что мы высоко ценим ваш визит и все то, что вы сделали для Америки. Было очень приятно быть в вашем обществе, и я надеюсь, что у вас будет возможность снова посетить нас».

Я тоже надеюсь.

СНОВА ПОРАЖЕНИЕ

Должна признаться, я думала, что победы в шестнадцати турнирах из восемнадцати в турне Рангун — Лондон позволят мне выиграть Уимблдонский турнир. Как я ошибалась! Лондонские болельщики делали на меня ставку 2:1, считая, что весной 1956 года я выиграю. Вполне понятно, что они имели в виду мои предыдущие успехи.

Они не обратили, например, внимания на мои проигрыши англичанке Анджеле Мортимер в Каире и Александрии. Я думала об этих поражениях, но считала их неизбежными издержками турне. Предпочитала вспоминать победы в шестнадцати турнирах, включая чемпионат Франции. Чемпионка открытого первенства Франции — тогда это был мой высший титул. Выигрыш в Париже несколько сгладил горечь поражений от Анджелы. Мы с ней встречались еще четыре раза в разных турнирах, и все встречи она выиграла.

Но поражения скоро забылись. Я чувствовала себя взволнованной, полной надежд. Что касается самого Парижа, то от пребывания в нем у меня осталось ощущение одиночества. Конечно, я много читала о его экзотичности и красоте. Помню, с каким восторгом о нем отзывался Шуг Рэй и его коллеги после поездки во Францию в 1951 году. Очень часто в разговоре они упоминали Елисейские поля. Поэтому, когда я попала в Париж, то сразу направилась именно туда.

На меня Елисейские поля не произвели особого впечатления, хотя есть там своеобразный колорит — маленькие магазинчики, крохотные рестораны, ночные клубы, театры. Мне они напоминали нашу 42-ю улицу, только Елисейские поля просторнее.

Интересный случай произошел со мной на кортах «Ролланд Гаррос Стадиона». В полуфинале я встретилась с моей подругой Анджелой Бакстон. Вдруг я почувствовала, что с костюмом не все ладно. Анджела хотела мне помочь, но на глазах у публики сделать это было трудно. Поэтому я выбежала в раздевалку. Когда вернулась на корт, у столика главного судьи шел буквально митинг. Мне сказали, что я не имела права покидать корт без разрешения судьи и что если Анджела потре-

бует, то я выйду из состязаний до их окончания. Анджела, конечно, отказалась, и мы доиграли встречу. Я выиграла и вышла в финал, где должна была играть со столь злосчастной для меня соперницей Анджелой Мортимер.

Финальный матч прошел в основном нормально. Но был момент, когда я не смогла сдержать себя. Вот как об этом матче, который я выиграла со счетом 6:3, 11:9, было напечатано в лондонской газете «Санди Экспресс»:

«Как всегда, Анджела Мортимер начала встречу нервозно. С трудом она сдерживала давление со стороны Гибсон. Часто допускала ошибки. В четвертом гейме она взялась за дело всерьез. При счете 10:9 во втором сете Гибсон потеряла очко на своей подаче и со злостью запустила мяч в публику. После этого она не допускала ошибок и закончила игру красивым ударом прямо в центр площадки».

Я была первой негритянкой, выигравшей чемпионат Франции. Фактически представитель негритянской расы впервые за всю историю чемпионатов по теннису одержал победу.

В тот вечер отец Анджелы Бакстон пригласил нас отпраздновать победу. Но в 10 часов я была уже в постели.

Если бы мне было необходимо оправдаться за свое поражение в Уимблдоне, а я бы этого не хотела, то следовало бы сказать, что я, возможно, немного перетренировалась, так как участвовала подряд во многих турнирах. Но я-то знала, что причина была в другом,—слишком хотела выиграть и «перегорела».

В одном из так называемых разминочных турниров в Манчестере я сыграла матч против Ширли Фрай. Встреча была очень трудной, но я победила—6:3, 6:8, 7:5. Игра длилась больше часа, что дало повод журналисту из «Дейли Телеграф» прокомментировать встречу следующим образом:

«Игра напоминала бой двух отлично подготовленных боксеров на приз «Лонсдейл Белт». Там было больше мужества и атлетизма, чем женственности. Мисс Гибсон все время нападала, боролась за каждое очко, не останавливаясь ни на секунду, играла так, как вряд ли когда-нибудь играла другая теннисистка. Но если Гибсон была непреклонна в своем стремлении выиграть, то же можно было сказать и в отношении мисс Фрай».

Но, по-моему, ближе всех к истине был Ральф Хевинс из «Дейли Мейл», который интервьюировал меня не-

сколько раз и однажды перед большим турниром так процитировал меня:

«Прошло уже десять лет, как я играю в настоящий теннис, но как была бедной негритянской девушкой из Гарлема, так и осталась. Я побывала во многих странах Европы, Азии, Африки. Останавливалась в лучших гостиницах, встречалась с богатыми людьми. Да, я стала богаче — знаниями, опытом. Но у меня по-прежнему нет денег.

У меня даже нет собственной квартиры или хотя бы комнаты... Я не имею возможности помочь отцу и матери, родным. Они живут бедно, очень бедно. Мой отец работает подсобным рабочим в гараже. Брат и старшая сестра работают. Две младшие сестренки дома. Мать не работает, так как ей необходимо вести хозяйство. Я самая старшая, и вы можете представить, как я переживаю, что ничем не могу им помочь»...

Судите сами, как мне было жалко себя, а такое состояние отнюдь не самое лучшее для участника соревнований.

Так или иначе, а в четвертьфинале победила меня Ширли Фрай. Тот же самый репортер, который комментировал нашу встречу в Манчестере, на этот раз сказал:

«Мисс Фрай взяла реванш у Алтеи Гибсон (4:6, 6:3, 6:4) за тот упорный поединок в Манчестере. Тогда я оценил их игру с точки зрения напряжения борьбы, а не техники. На этот раз нервы были еще более напряжены. Игра проходила на центральном корте при переполненных трибунах, и в королевской ложе присутствовала принцесса графства Кент. Это, конечно, сыграло свою роль — мисс Фрай, которая уже семь раз имела возможность играть здесь, чувствовала себя более уверенно».

После победы надо мной Ширли успешно продолжала соревнования. В финале она за 52 минуты расправилась с моей партнершей по парной игре Анджелой Бакстон (6:3, 6:1). Наконец-то Ширли Фрай стала чемпионкой.

Было приятно, что после окончания соревнований она сказала:

«Я бы могла и не победить. Алтея Гибсон играла так отлично в последнем сете, что просто подавила меня. Но она испугалась. Если бы она продолжала так же смело играть у сетки, то непременно выиграла бы. Но она ото-

шла к задней линии. По-моему, ее подвели нервы. Я ей сочувствую, так как по себе знаю, каково это».

Для полной объективности мне бы хотелось привести еще одну выдержку из статьи, написанную Скотти Холлом в «Санди График»:

«Обстановка на центральном корте ужасная. Не волнуйтесь! Я не собираюсь оправдывать позорную сцену, которую устроил известный американский теннисист Вик Сейекс, когда стал кричать на зрителей, чтобы они прекратили его освистывать. Это ужасно. Я говорю о другом. Это тоже представитель Америки, но проигравший с благородством. Я хочу отдать дань уважения мисс Алтее Гибсон, цветной девушке из Гарлема, которая вела себя превосходно, несмотря на неожиданное поражение. Я осуждаю зрителей — они частично повинны в поражении Алтеи Гибсон... А победа должна была достаться ей по праву. Я не говорю, что публика громко выражала свои антипатии. Просто зрители как бы не замечали игры Гибсон.

Знаете, какая атмосфера создается в театре, когда вся публика встает, чтобы приветствовать любимого актера? Как жаль, что на кортах это не принято. Профессия репортера приучила меня чувствовать атмосферу соревнований. На этот раз она была недружелюбной по отношению к Гибсон даже со стороны американских комментаторов.

Я чувствовал это, когда один американский журналист в пресс-баре громко заявил: «Джо Луис стал чемпионом. Ну и что? Негритянских боксеров полным-полно. Если Гибсон уедет отсюда с главным призом — ну и что?» Чувствовал это и тогда, когда после поражения репортеры окружили мисс Гибсон. Она выглядела спокойной, но трудно забыть ее лицо. На мой вопрос, хотела бы она участвовать в турнире на следующий год, она ответила: «Если меня пригласят».

Да, так оно и было. Я проиграла и была очень расстроена, если не сказать больше, но не собиралась сдаваться. Была уверена, что еще полностью не проявила свои спортивные возможности, и страстно хотела вновь вернуться на этот центральный корт. Я жаждала сыграть при таком количестве зрителей, а их было двадцать тысяч, вновь окунуться в пугающую атмосферу традиций Уимблдонских турниров и вновь встретиться с Ширли Фрай и другими соперницами.

И вновь я столкнулась с тем, что произвольно играю определенную роль в международной политике, когда вернулась из Англии. В одной газете, например, я прочитала:

«Алтея Гибсон стала центром внимания английской прессы во время Уимблдонского турнира. Одна газета, выражая тревогу по поводу британской колониальной политики, писала, что притворяться, рассматривая участие мисс Гибсон как обычное явление, было бы трусостью... Алтея — первая цветная спортсменка, которая пробилась в спорт снобов. Она хотела бы считать себя обыкновенной участницей. Но разница в отношении к ней была очень заметна по реакции публики. В игре с очень милой теннисисткой Энн Шилкок, например, публика громко аплодировала Энн, и ни одного аплодисмента не раздалось в адрес Алтеи.

Устранить цветные барьеры в любом виде спорта очень трудно. Понадобились даже законы, чтобы покончить с этим явлением в английском боксе. Поэтому, когда Алтея стала блестяще выигрывать у Шилкок, мне хотелось, чтобы слышны были и аплодисменты в адрес Алтеи».

Что касается меня лично, то я не желала большего — только играть на равных, выигрывая или проигрывая, но на равных со всеми.

Но поскольку меня принимали как персону, призванную играть определенную роль в политике государственного департамента США, на мои плечи ложилась двойная ответственность, как это было и во время турне по Юго-Восточной Азии. Выдержать это было выше моих сил.

Мне было очень трудно контролировать себя и играть так, как я умею. Против меня была враждебно настроенная публика, потому что я цветная; против меня были репортеры, которые требовали от меня больше, чем от других, так как я выделялась своим цветом кожи; против меня были даже официальные представители некоторых стран, так как я являлась в некотором роде инструментом национальной внешней политики — и тоже из-за цвета кожи. Все это казалось мне просто невыносимым.

Но я не собираюсь таким образом оправдывать свое неудачное выступление в Форест Хилле в сентябре. Несмотря на то что Ширли снова выиграла у меня, на этот

раз на первенстве страны на грунтовых кортах в Чикаго с убедительным счетом 7:5 и 6:1, я возлагала большие надежды на выступление на чемпионате США в Форест Хилле.

Начало было удачным. Я дошла до полуфинала, не проиграв ни одного сета. В первом круге я победила Нелл Хопман — 6:2 и 6:1. Затем выиграла во втором круге у своей подруги Кэрол Фагерос — 6:3 и 6:2. Соревнования становились все напряженнее. В четвертьфинале мне удалось одолеть Дарлин Хард со счетом 9:7 и 6:1, в полуфинале — Бетти Розенквест — 6:1 и 10:8. Финал вновь свел меня с Ширли Фрай. К сожалению, мне не удалось воспользоваться возможностью взять реванш. Своей четкой игрой на задней линии Ширли выбила меня из колеи. Как обычно, я все время выходила к сетке, но она каждый раз спокойно парировала мои удары, заставляя делать ошибку за ошибкой. Ширли победила 6:3, 6:4. Только два этих сета я проиграла за весь чемпионат, но они-то как раз и были решающими.

И все же я была довольна тем, как играла, какие успехи сделала за этот год. Не скрою, была очень расстроена поражениями в двух главнейших турнирах, но пока еще не собиралась давать отдых своим ракеткам. Теперь я была уверена, что могу играть на равных с лучшими теннисистами-любителями. И если я не могла в том году побеждать их чаще, как того хотелось, то была полна решимости встретиться с ними в следующий раз.

После чемпионата в Форест Хилле я приняла приглашение от Перри Джонса — капитана команды США — участницы Кубка Дэвиса выступить в 13-м ежегодном чемпионате Тихоокеанской юго-западной лиги в Лос-Анджелесе. Я впервые участвовала в этом турнире и только второй раз была в Лос-Анджелесе. Впервые я побывала здесь в 1953 году, когда меня пригласили участвовать в телевизионной программе Ральфа Эдварда «Это твоя жизнь», посвященной Алисе Мабл.

Чемпионат в Лос-Анджелесе обычно привлекает многих знаменитостей Голливуда, и для меня, страстной поклонницы кинематографа, это было особенно интересно. Приятно, конечно, стать и победительницей такого чемпионата. В финале я выиграла у Нэнси Кинер (4:6, 6:2, 6:1). В первом сете она доставила мне много неприятных минут, но потом я перехватила инициативу и остальную часть встречи играла легко.

Из Лос-Анджелеса я вылетела в Нью-Йорк, недели две провела дома, а затем отправилась в Мехико-сити на Панамериканские игры. Здесь в финале я выиграла у Дарлин Хард и как почтовый голубь снова вернулась в Нью-Йорк. Но ненадолго.

Австралийская ассоциация лаун-тенниса пригласила Ширли Фрай и меня участвовать в крупнейших турнирах Австралии и в нескольких показательных встречах. Я с удовольствием приняла приглашение, Ширли тоже. Поездка в Австралию оказалась памятной для нас обеих, и особенно для Ширли, но об этом я скажу несколько позже.

В авиакомпании «Пан-Американ» мне вручили конверт с билетами, и я вылетела из Нью-Йорка в Сан-Франциско, где мы встретились с Ширли (прилетела она из Лос-Анджелеса) и вместе направились в Австралию.

Мы участвовали в четырех крупнейших турнирах: Викторианском и национальном чемпионатах в Мельбурне, чемпионате Нового Южного Уэльса в Сиднее и первенстве Южной Австралии в Аделаиде.

Ширли выиграла у меня дважды в Мельбурне, а в Сиднее и Аделаиде победила я.

Не знаю, почему я более последовательно не боролась в игре против Ширли. Проигрывала из-за своих ошибок, а она играла размеренно, непоколебимо шла к цели. Когда же я играла в своей манере, то взять над ней верх не доставляло мне особого труда. Вот как об этом писали в одной из газет:

«Вчера в «Королевском парке» американская негритянка Алтея Гибсон буквально разгромила чемпионку Уимблдонского турнира Ширли Фрай со счетом 6:2, 6:4. Ширли Фрай имеет титулы чемпионки Уимблдона, США и Австралии. Алтея Гибсон выиграла звание чемпионки Франции и Италии. Мисс Гибсон продемонстрировала такой мощный теннис, что Ширли Фрай пришлось призвать на помощь весь свой опыт, все свое умение, чтобы противостоять ей. Алтея вела игру. Она действительно великая спортсменка. Ее подачи феноменальны. Ее ответы соответствуют силе ее подач, они точны. В ее игре с лёта виден почерк большого мастера.

Мисс Гибсон играла отлично, несмотря на то, что во время разминки мяч, рикошетом ударившись о ракетку, угодил ей прямо в глаз. Из-за этого весь матч ей пришлось играть в темных очках».

Австралия нам очень понравилась. Люди там добродушные, веселые, гостеприимные. И, конечно, любят теннис.

Особенно запомнились встречи с двумя докторами — Робертом Митчелом и Гвонном Вильярсом в Мельбурне. Принимали они нас по-королевски. Любое наше желание сразу выполнялось.

Самым большим событием в нашей поездке был роман Ширли. Как-то мы сидели в отеле в Сиднее. Раздался телефонный звонок. Звонил американец — он назвался Карлом Ирвином. Возможно, Ширли его и не помнит, сказал он, но они встречались в США. Он работал в Сиднее в рекламном агентстве Уолтера Томпсона. По-моему, через неделю знакомства он сделал ей предложение. В тот вечер мы с Ширли проговорили почти всю ночь.

Мне было очень жаль, что не смогу присутствовать на свадьбе. За время турне мы очень подружились с Ширли. Но я дала обязательство участвовать в соревнованиях на Цейлоне, защищать свой титул чемпионки Азии, который завоевала в предыдущем году в Калькутте.

Поэтому в Перте нам пришлось расстаться, и я вылетела в Коломбо.

Путешествовать одной после нескольких недель, проведенных в дружеской компании, не очень приятно. Но я познакомилась в самолете со стюардом, и он взялся опекать меня до Сингапура, где у нас была двухдневная остановка перед отлетом на Цейлон. Когда я упомянула, что люблю играть в гольф, он вызвался помочь поиграть в Сингапуре — его приятель был членом загородного гольф-клуба. Я была в восторге. Во-первых, давно уже не держала в руках клюшку; а во-вторых, это было лучше, чем сидеть одной в гостинице.

Мы договорились встретиться на следующий день. Стюард и его приятель заехали за мной, и мы отправились за город на площадки для игры в гольф. Я очень старалась показать, что не разучилась играть, и, кажется, мне это удалось.

Ребятам понравилась моя игра:

— Ты прирожденный игрок в гольф.

Я не стала говорить им, что я такой же прирожденный игрок в баскетбол, бейсбол, футбол и даже боксер.

Мы отлично провели день; вечером они пригласили меня посмотреть на вечерний Сингапур, а потом поехали в ресторан, где показывали небольшое представление.

Короче говоря, я прекрасно провела время в Сингапуре.

На Цейлоне я снова выиграла чемпионат Азии, победив в финале англичанку Пэт Уорд. Это был странный матч. По силе игры Пэт не шла ни в какое сравнение с Анджелой Бакстон или Анджелой Мортимер, поэтому первый сет я провела спустя рукава — и проиграла. Стыдно признаться, но во втором сете Пэт повела 5:0. Только тогда я взяла себя в руки. Счет сравнялся — 5:5. Игра продолжалась до двадцать третьего гейма. Тогда наконец мне удалось сломить сопротивление Пэт — она проиграла.

Не знаю, может быть, мне еще рано было выигрывать чемпионаты Уимблдона или первенства страны, но здесь я чувствовала себя сильной.

Было еще одно памятное событие в той поездке на Цейлон. В прошлый приезд я обещала девушкам из информационного агентства США, что спою им несколько негритянских блюзов. На импровизированный концерт собралось много народа. Мне устроили очень теплый прием.

Наконец уставшая от путешествий Алтея снова села в самолет, разулась, вытянула свои длинные ноги, из-за чего стюард чуть не сломал шею, и отправилась в дальний путь на родину.

Дорога была дальней, и у меня было достаточно времени, чтобы подвести итоги года. В моем активе были звания чемпионки Азии, Франции и Италии, не говоря уже о победах во второстепенных турнирах. Ширли Фрай была чемпионкой Уимблдона, США и Австралии, и во всех этих турнирах я была ее тенью. Но Ширли выиграла главные титулы, а я — турниры рангом ниже. Скорее, это был ее год.

Всю дорогу домой, дремля урывками, под рев моторов я думала о том, что же могу сделать для того, чтобы 1957 год был годом Алтеи Гибсон.

ЧЕМПИОНКА УИМБЛДОНА

Теперь, когда я стала признанным игроком международного класса, Американская теннисная ассоциация оплатила мои расходы на участие в Уимблдонском турнире 1957 года. Они оплатили билет на самолет, отель, питание и другие расходы.

В аэропорт я приехала со своим тренером Сиднеем Левеллином, здесь же были Бадди Уолкер, мой первый наставник в теннисе, обучавший меня и игре на саксофоне, и Эдна Мей Робинсон. Когда я уже подходила к трапу самолета, Эдна незаметно сунула мне в руку двадцатидолларовую бумажку:

— Возьми на всякий случай!

Я полетела налегке. С собой взяла три ракетки. Полет был превосходным. У меня было чувство, что я отправляюсь на долгожданные каникулы.

В лондонском аэропорту меня встретила Анджела Бакстон. Анджела предложила мне остановиться на время турнира у нее, и я с радостью согласилась.

Анджела работала в магазине спортивных товаров и часто подрабатывала тем, что писала статьи в различные спортивные журналы.

Она вручила мне ключ, рассказала, что к чему, и ушла на работу.

В тот же день я должна была быть в Сурбитоне, чтобы участвовать в первом предуимблдонском турнире. Затем мне предстояло выступить в турнирах в Манчестере, Бекингеме и в «Королевском клубе».

К счастью, в основном места проведения турниров были расположены не очень далеко от дома Анджелы, и я могла оставаться у нее.

Я выиграла все турниры в одиночном разряде, в которых выступала, но от участия в турнире «Королевского клуба» отказалась, так как не хотела рисковать. Мне нужно было быть в форме перед второй попыткой в Уимблдоне.

Накануне первого матча я сказала Анджеле:

— Сейчас я в отличной форме, не устала и не волнуясь. И если мне не удастся выиграть на этот раз, то виновата буду только сама. Значит, у меня недостаточно способностей, чтобы быть чемпионкой.

Должно быть, многие в день, когда я играла первую игру в первом круге, имели серьезные сомнения относительно моих способностей.

Моей соперницей была спортсменка из Венгрии Жужи Кермеци — невысокая изящная девушка. Когда мы вышли на корт, то со стороны, вероятно, выглядели как Пат и Паташон. Жужи была в ударе — она упорно сопротивлялась. Я выиграла 6:4, 6:4, но она не уступила ни единого мяча без борьбы.

Этот матч оказался самым напряженным. Правда, многие английские журналисты предсказывали, что шестнадцатилетняя англичанка Кристин Трумэн, которая «выбила» из турнира Ширли Блумер, доставит мне много хлопот в финальной встрече.

Перед полуфинальным матчем я пришла в раздевалку за два часа до начала. Просмотрела всю почту, пришедшую на мое имя, посмотрела несколько парных игр по телевизору. Наконец, нас вызвали на корт.

Вышли мы вместе с Кристиной. В зале ожидания центрального корта нам сообщили, что в королевской ложе находится принцесса графства Девоншир и что мы должны приветствовать ее по пути на корт. Нужно было сделать реверанс, а я никогда его не делала. Правда, видела в кино. Оказалось совсем не сложно. Все прошло благополучно.

Разыграли подачу. Мне повезло. Я подавала первой.

Игра началась. Публика горячо переживала за Кристину, награждая громкими аплодисментами каждый ее удачный удар. Но после того как я выиграла первый сет и стало ясно, что Кристина не сможет оказать мне достойного сопротивления, болельщики успокоились. Совершенно естественно, что зрители болели за свою соотечественницу, тем более, что долгое время среди победителей Уимблдонского турнира, проходившего на кортах Англии, не было англичан. Вот они и поддерживали Кристину. Но надо отдать должное — публика была спортивной. Когда матч окончился, зрители наградили меня аплодисментами.

Я была очень взволнована. Еще бы — стать финалисткой Уимблдонского турнира!

Должна признаться, я так надеялась выиграть этот турнир, что в первую же неделю пребывания в Лондоне поехала с Анджелой в магазин и выбрала себе прекрасное вечернее платье для приема, который должен был

состояться после окончания соревнований. Больше того, я все время думала о речи, которую должна произнести на этом приеме, если стану чемпионкой. Я все предусмотрела. Единственное, что оставалось, — победить в финале Дарлин Хард, девушку из Калифорнии, которая была моей соперницей в финале.

Финал был назначен на 13 часов. Проснулась я около десяти. Анджела уже готовила завтрак. Мы позавтракали и приготовились ехать на соревнования. Анджела, которая сама не участвовала в этом турнире из-за растяжения связок кисти, выступала в роли комментатора телевидения, уехала раньше, поцеловав меня и сказав:

— До встречи после победы.

В раздевалке все оживленно говорили о том, что сама королева Елизавета должна приехать на матч. Я заволновалась еще больше. За час до начала игры пошла размяться с Ширли Блумер. Во время разминки я и увидела королеву Елизавету.

Постепенно я стала нервничать меньше. Захотелось сразу выйти на корт и выиграть во что бы то ни стало.

Мы с Дарлин вышли из комнаты ожидания, перебирая в уме наставления, касающиеся ритуала, включая реверанс и все формальности, связанные с окончанием встречи.

Снова я должна была подавать первой. Игра началась. Было очень жарко. Никогда я не испытывала такого страстного желания играть.

Я вложила всю силу в первую подачу. Все шло хорошо. Через 25 минут я выиграла первый сет 6:3. Может быть, жара больше действовала на Дарлин, чем на меня, но я все время чувствовала, что этот день будет моим: если выходила к сетке, мне удавались удары с лёта; если играла у задней линии, а Дарлин выходила к сетке, удавалось обвести ее.

У меня сохранилась выдержка из газеты «Нью-Йорк таймс». В статье об этом матче писалось:

«Темп игры возрастал. Алтея Гибсон подавала так стремительно и мощно, что Дарлин не оставалось ничего другого, как беспомощно провожать мячи глазами. Через пятьдесят минут все было кончено».

Говорят, что после игры я непрерывно повторяла:

— Наконец-то! Наконец-то!

Помню только, что после окончания встречи я подбежала к Дарлин Хард, пожалала ей руку и сказала:

— Ты хорошо играла, но мне повезло. Я так счастлива!

Затем к нам подошли официальные лица и попросили подняться в королевскую ложу, где на столе были установлены призы.

Расстелили красный ковер. Мы стояли у столика с призами. В это время королева Елизавета, сопровождаемая тремя представителями, грациозно сошла на корт. Во всем белом, она выглядела удивительно свежей, несмотря на жару. Один из организаторов турнира подошел ко мне и пригласил выйти вперед.

Я подошла к королеве, сделала глубокий реверанс. Королева протянула мне руку и поздравила с победой.

Она передала мне золотой поднос, на котором выгравированы имена всех предыдущих победителей Уимблдонского турнира.

Я поблагодарила ее и отошла в сторону. Затем вышла Дарлин — она получила приз за второе место. Мы были очень взволнованы.

Королева вернулась в ложу. Ковер скатали, и настала очередь фоторепортеров. Пока я позировала фотографам, все вспоминала книгу Хелен Уиллс, в которой она рассказывает о своей спортивной карьере:

«Трудно описать чувства, которые овладели мной после выигрыша финального матча в Уимблдоне. Это была награда за все сыгранные мной матчи, начиная с самого первого, когда я была еще ребенком».

Только теперь я поняла смысл этих слов.

Затем меня провели в телевизионную студию. И только после этого я попала в раздевалку.

Пока я одевалась, на мое имя пришло несколько телеграмм.

«Поздравляю! Эдна плакала от радости. Я знал, что ты сделаешь это!

Шуг Рэй».

«Студенты, дирекция и деканат Уиллистонской школы поздравляют тебя с победой в Уимблдоне.

Дон. Б. Т. Вашингтон, директор».

«Нью-йоркцы поздравляют с победой в Уимблдонском турнире. Гордимся тобой!

Аверелл Гарриман».

Было еще несколько телеграмм, но я поспешила к Анджеле. Было пять часов, а прием назначен на семь. Луи Хоад, который стал чемпионом среди мужчин, должен стать королем бала, а я — королевой.

У входа в здание, где проходил прием, собралась огромная толпа. Увидя меня, все зааплодировали. Эти аплодисменты были самыми приятными в моей жизни. Когда я вошла в зал, присутствующие встали и тоже зааплодировали. Меня проводили к главному столу. Мне было отведено место между герцогом Девонширским, председателем бала и Луи Хоадам.

После обеда каждый из нас должен был произнести небольшую речь.

Я давно приготовила ее:

— Цитируя уважаемого мистера Черчилля, я могу сказать: «Это самый прекрасный час в моей жизни». Этот час я всегда буду помнить, как завершение долгого прекрасного путешествия. Все началось на одной из улиц Нью-Йорка, где Бадди Уолкер собрал группу подростков и стал обучать их игре. Он сказал: «Алтея, я верю, ты сможешь стать хорошим игроком в теннис». С этими словами он вручил мне ракетку и начал учить играть у стенки. Сегодня я благодарю Бадди Уолкера за самую большую мою победу. Но победа принадлежит не мне одной. Ее разделяют многие люди, которые сыграли важную роль в моей судьбе. Перечисление всех имен заняло бы слишком много времени. Но о некоторых из них я не могу не сказать — их помощь, поддержка и вера в меня позволили мне присутствовать сегодня здесь.

Я особенно благодарна доктору Роберту Джонсону и доктору Хуберту Итону. В доме мистера Итона я встретила любовь и поддержку, там я окончила школу. Благодаря доктору Джонсону я имела возможность совершать турне по Соединенным Штатам, набираясь опыта.

Не могу не поблагодарить Фреда Джонсона — моего первого тренера. Он был очень терпелив со мной, когда я делала первые шаги в большом теннисе. Не забыть мне и своего нынешнего тренера мистера Сиднея Левеллина, чья неистощимая вера в мои способности помогала тренироваться, особенно в такие моменты, когда хотелось все бросить и покончить со спортивной карьерой.

Я благодарна Американской ассоциации лаун-тенниса за многолетнюю поддержку.

Не забыть мне друга и партнера Анджелу Бакстон, ее дружбой я буду дорожить всегда.

Наконец, я хочу сердечно поблагодарить любителей тенниса — я старалась оправдать их надежды и веру в мою победу.

Нет, друзья, это не только моя победа. Это победа многих чемпионов.

Я горда тем, что являюсь связующим звеном в цепочке, которая зовется дружбой, скрепленной с помощью международного языка тенниса.

Ваше высочество! Друзья! Я очень благодарна и глубоко понимаю ответственность, которая возложена на меня вместе с новым титулом. Буду носить его достойно. Защищать с честью, а когда настанет время — достойно передам его.

Большое спасибо!»

Начались танцы, потом меня попросили спеть. Я поднялась на сцену и спела несколько песен. Мне здорово аплодировали. Кажется, в такой вечер, как бы я ни пела, аплодисменты бы звучали очень громко.

Вообще-то я иногда задумывалась о карьере профессиональной певицы, и поэтому пение воспринимала довольно серьезно.

Как долог был мой путь со 143-й улицы!

Рукопожатие королевы Англии и необходимость сидеть в автобусе на специально отведенном месте для цветных в Уилмингтоне в штате Северная Каролина — дистанции огромного размера. Танец с герцогом Девонширским и запрещение играть в кегли в Джефферсонсити в штате Миссури, потому что белые посетители против, — между этими событиями долгий путь.

Может быть, лучше привести здесь письмо, которое я получила после турнира?

«Дорогая мисс Гибсон!

Многие американцы, и я в том числе, с возрастающим восхищением наблюдали ваши огромные усилия, которые вы проявили, чтобы подняться на вершины мирового тенниса. Миллионы ваших сограждан присоединились бы, если бы могли, к моему поздравлению по случаю вашей выдающейся победы в Уимблдоне.

Понимая все трудности, с которыми вам пришлось столкнуться, мы аплодируем вашему мужеству, упорст-

ву и настойчивости. Конечно, это не просто — оказаться на центральном корте Уимблдона и под пристальным взглядом мировой общественности и критическими взглядами тысяч зрителей добиваться победы. Вы справились с этими трудностями блестяще.

С наилучшими пожеланиями
Дуайт Д. Эйзенхауэр».

Еще один момент, связанный с победой в Уимблдоне, особенно для меня дорог. Это заметка в газете «Нью-Йорк пост», написанная Мильтоном Кроссом.

Журналист был рядом с моими родителями, когда до них дошла весть о моей победе, и он точно записал первые слова, которые услышал.

— Никогда бы не подумала, что она это сможет. Никогда бы не подумала, что негритянская девушка может подняться так высоко, — сказала мать.

— Я знал, что она сделает это, — сказал отец. — Она хотела взобраться на вершину и добилась этого. Я знал, что у нее достаточно для этого сил.

— Сил? — спросил журналист. — Какие силы вы имеете в виду?»

— Физические силы, — ответил отец, — и всякие другие, которые необходимы для этого.

Глава восьмая

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ ДОМОЙ!

Самым незабываемым впечатлением моей спортивной карьеры было возвращение домой после победы в Уимблдоне. Через два дня я прилетела в Нью-Йорк. Честно говоря, я не ожидала ничего подобного. Ведь когда уезжала на турнир, меня провожали только Сидней Левеллин, Бадди Уолкер и Эдна Робинсон. На этот раз на аэродроме была целая толпа, и среди них — официальный представитель мэра города, множество корреспондентов газет, радио и телевидения.

Говорили, что моя мать прибыла в аэропорт раньше всех, и помню, к ней первой я подбежала, как только сошла с трапа самолета. Она всплакнула, и все повторяла корреспондентам:

— Я всегда знала, что Алтея сделает это.

Мне было приятно это слышать. Сама я не всегда

была так уверена. Видеть мать такой счастливой доставляло огромную радость.

Это был великий день. В доме Бертрама Бейкера, ответственного секретаря АТА, был устроен торжественный завтрак — на него мы поехали прямо с аэродрома. А теперь такой радушный прием у порога родного дома. Как было тут не вспомнить о других днях, проведенных на той же улице, о тех днях, когда мне казалось, что я приношу домой самый драгоценный трофей — спрятанную под жакетом дыню, украденную на рынке.

Какой-то мужчина попросил меня сказать несколько слов ребятам нашего квартала.

— Играйте в пэддл-теннис! — сказала я. И это не было шуткой.

Меня до слез тронули выражения лиц людей, толпившихся около дома.

Никогда не забуду поздравлений королевы Елизаветы, но, честное слово, я также никогда не забуду всех этих людей, которые вышли из своих старых обветшалых домов, чтобы сказать мне, как они рады, что дочь их соседей сумела выбиться в люди и добилась чего-то большого.

Второй день пребывания дома был также запоминающимся. Муниципалитет Нью-Йорка устроил на Бродвее парад в мою честь. Шествие заканчивалось у здания мэрии. На ступеньках его меня встречал мэр города Вагнер, чтобы вручить медаль почетного гражданина. Затем был прием в «Уиллдорф-Астории», на котором присутствовали многие знаменитости города. Я сохранила меню, в котором значится, что прием устраивает мэр города Роберт Вагнер в честь мисс Алтеи Гибсон. Представляете мою гордость!

У спортсменов так и бывает — не успеешь прийти в себя после выступления в большом турнире, как снова предстоят ответственные старты. Так и я должна была отрешиться от всего, что было связано с победой в Уимблдоне, и думать о будущем выступлении в Форест Хилле. Перед тем мне предстояло участие в национальном первенстве на грунтовых площадках. Эти соревнования я выиграла. Теперь все мои мысли направлены на подготовку к первенству страны в Форест Хилле.

В это время я получила из Англии кипу газет со статьями об Уимблдонском турнире. Один отрывок из статьи в «Ивнинг Стандарт» запомнился мне:

«Победа мисс Алтеи Гибсон является не только своеобразным вкладом в общее дело в период, с которым связано столько расовых проблем. Она подчеркивает стремление англичан к пониманию всех людей, независимо от их расы, вероисповедания и цвета кожи. Она свидетельствует также, что в Америке в данном случае есть силы, которые помогают мужественным и способным гарлемским сорванцам проявить себя».

Читать такое было приятно и даже немного странно. Надо же, отметить мою победу как важное событие в столь сложный период расовых проблем! Можно было только удивляться. Что я, специальный помощник государственного секретаря что ли?

Следующей важной задачей для меня было выиграть первенство США — я всей душой стремилась к этому.

Конечно, было очень приятно, что меня включили в сборную команду США, которой предстояло выступать в Кубке Уитмена против команды Великобритании. Выступление в этих соревнованиях — первый шаг к тому, чтобы попасть в сборную страны для участия в Кубке Дэвиса. И я была счастлива.

Я бы покривила душой, если бы не призналась, что когда не попала в состав сборной команды США, была очень расстроена. Я неплохо играла весь предыдущий год и была игроком № 2 в США. Но руководители, которые комплектовали команду для участия в Кубке Уитмена, взяли за основу результаты 1955 года, когда в списке сильнейших я была восьмой. На этом основании мою кандидатуру отклонили. Я не на секунду не сомневалась, что они просто не хотели поставить меня в команду и искали только благовидный предлог.

Но теперь все было забыто — на мне была белая форма участника соревнований на Кубок Уитмена. В августе 1957 года наша команда отправилась в Сьюкли, штат Пенсильвания, на встречу со сборной Великобритании. Должна признаться, что выступать за Соединенные Штаты было более волнительно, чем играть просто как Алтея Гибсон.

Теперь я могла понять, что имели в виду наши ребята, когда говорили, что участвовать в Кубке Дэвиса — это совсем не то, что выступать в любых других состязаниях. Приятно слышать, как тебя поддерживают возгласами: «Давай, Америка!» вместо привычного «Давай, Смит»! Я прочувствовала это сама и была счастлива, что

смогла помочь команде США двадцать первый раз подряд выиграть эти соревнования (последний раз английские теннисисты победили в 1930 году).

Сара Пэлфри и Маргарет дю Пон любят подшучивать надо мной, вспоминая, как я в первый раз примерила форму национальной сборной. Я довольно крупная, и, конечно, рукава пиджака были слишком коротки для меня.

Не хотелось, чтобы считали меня привередной, поэтому я просто сказала:

— Кажется, рукава немного коротки. Вы не находите?

Ответом был дружный хохот.

В первой встрече я победила Ширли Блумер — 6:4, 6:2. Затем встретилась со старой знакомой по Уимблдону — Кристиной Трумэн.

Соревнования на Кубок Уитмена были хорошей подготовкой к первенству США в Форест Хилле.

На время национального первенства я остановилась в отеле «Вандербильд». Это известное место для теннисистов. Именно здесь останавливаются многие участники соревнований.

Все складывалось благоприятно для меня. В первом круге жребий свел нас с Кэрол Фагерос. Второй год подряд я выиграла у нее, и она осталась за бортом соревнований после первой встречи. Мне было даже жалко, что жребий снова свел нас в первой встрече.

Честно признаюсь, чуть не проиграла. Кэрол играла превосходно, и, хотя я выиграла оба сета с одинаковым счетом — 6:4, за каждое очко приходилось упорно сражаться. Остальные встречи на пути к финалу были довольно легкими для меня. Я победила Элизабет Лестер, Шейлу Армстронг, Мэри Хаутон и Дороти Хэд Нод, не проиграв ни одного сета.

В одном из спортивных журналов писали, что я играла так, будто ни на минуту не сомневалась, что я звезда. Не знаю, как выглядела со стороны, но в одном действительно была убеждена — в том, что должна выиграть. И в то же время беспокоилась, как бы излишняя уверенность не обернулась для меня трагедией. К счастью, этого не произошло.

Интересно, что второй финалисткой первенства США была Луиза Бро, экс-чемпионка США, трехкратная победительница Уимблдона, та самая Луиза Бро, с которой я

впервые встретилась здесь же, в Форест Хилле, семь лет назад.

В день финальной встречи я встала пораньше. Тренер Сидней Левеллин договорился со знакомым парикмахером из Гарлема, чтобы тот сделал мне прическу — было воскресенье, парикмахерская не работала, но для меня было сделано исключение.

Затем мы позавтракали в отеле — медленно, не топясь и направились в Форест Хилл.

Я вспомнила, как впервые добиралась в Форест Хилл с Родой Смит: сели на один трамвай, затем пересели на другой, потом пешком.

Сейчас все было по-другому. Я была финалистка. Выиграю ли я или проиграю — не имеет значения. Важно, что участвую в финале первенства США в одиночном разряде.

В списке сильнейших я уже стояла под № 2. И если выиграю этот матч, никто не будет иметь никаких поводов не признать меня сильнейшим игроком № 1 на следующий год. Это что-нибудь да значило! Не могу сказать, что не волновалась. Волновалась, конечно, ведь предстояло выступать перед многочисленным взыскательным зрителем во встрече, в которой так много решалось. Но одновременно была уверена в своих силах, убеждена, что выиграю.

Победила я довольно легко. Казалось, Луиза заранее смирилась с поражением. Она боролась, играла хорошо. Но это была уже не та теннисистка, с которой я встретилась семь лет назад, — тогда она выиграла у меня в том злополучном, отложенном из-за грозы матче. Счет встречи был 6:3 и 6:2.

Какое это приятное чувство, когда ты выполнила то, что наметила!

Я бросила взгляд на Сиднея Левеллина, который сидел на трибуне для почетных гостей, — он радовался как ребенок. Мелькнула мысль — интересно, показывали ли нашу встречу по телевидению и видели ли мою игру соседи по 143-й улице? Мы с Луизой пожали друг другу руки, затем предстали перед фоторепортерами. После этого я прошла к центральной ложе получить из рук вице-президента Ричарда Никсона почетный трофей за победу в чемпионате США.

А затем бесчисленные интервью. Самым популярным был вопрос:

«Так ли волнительно было играть этот чемпионат, как и чемпионат в Уимблдоне?»

Конечно, завоевать звание чемпиона Уимблдона очень здорово. А для меня это имело особое значение. Но стать сильнейшей в своей стране значило гораздо больше.

Именно об этом я думала, когда стояла перед вице-президентом и говорила о том, как благодарна судьбе за все, что выпало на мою долю. Я стояла, наклонив голову, и пот градом катился по моему лицу. И тогда раздался гром аплодисментов. На следующее утро газеты отмечали, что старожилы не помнят таких теплых и продолжительных аплодисментов.

Никогда я не испытывала ничего подобного и, наверное, больше не испытаю никогда.

После торжественной церемонии мы с Сиднеем и еще несколькими официальными лицами отправились пообедать в ресторан на 125-й улице. Это ресторан для привилегированных жителей Гарлема и, наверное, единственный в мире, где все посетители — цветные, а все официанты — белые.

— Так сделано для того, — сказал владелец ресторана, — чтобы цветной человек мог почувствовать себя равноправным гражданином Соединенных Штатов Америки.

Не знаю, насколько это важно, но кормят там отлично.

Мы с друзьями отпраздновали победу. Да, это был прекрасный день!

Глава девятая

ЧТО ЖЕ ДАЛЬШЕ?

Я стала неофициальной чемпионкой мира по теннису, но это отнюдь не значило, что все мои проблемы решены.

Мне было 30 лет, и нужно было думать о будущем — о том, как заработать на жизнь, как негритянской девушке найти свое место в этом большом мире. Пора было подумать и о замужестве.

Что касается денег, то я могла стать профессиональным игроком в теннис, если, конечно, появится возможность хорошо зарабатывать. Я не собиралась всю жизнь

быть профессионалом. Вообще предпочитала остаться любителем; зарабатывать на жизнь как-нибудь иначе, а играть в теннис ради удовольствия. Можно было заняться пением. Я серьезно подумывала об этом и была уверена в своих возможностях стать исполнительницей популярных песен. Помню, еще тогда, когда прогуливала уроки в школе, чтобы послушать певцов в «Аполло», мне страстно хотелось стать певицей. Я всегда покупала новинки, учила слова песен и часами простаивала перед зеркалом, репетируя жесты, следя за выражением лица. Мне ничего не стоило вообразить себя новой Эллой Фитцджеральд. Однажды, кажется, это было в 1943 году, я набралась храбрости участвовать в любительском представлении в «Аполло». Даже пригласила своих друзей, чтобы быть уверенной, что от них-то я получу аплодисменты. Мне присудили второе место, и я должна была получить недельный контракт на выступления в «Аполло», но единственное, что получила,— это 10 долларов за второе место. Но я не расстраивалась. На эти деньги я накупила кучу продуктов. Саксофон, который купил мне Шуг Рэй, и участие в джазе в период учебы в Уилмингтоне на время вытеснили пение. И все же при первой же возможности я старалась забраться на сцену и спеть что-нибудь. Так было и в школе, и в колледже. Я даже хотела факультативно заняться музыкой. Но декан факультета сказал, что нельзя сразу заниматься и спортом, и музыкой — одно будет мешать другому. Сейчас я думаю, что он был неправ. Интересно, что впоследствии, уже будучи чемпионкой Уимблдона и США, я часто спорила по этому поводу со своим тренером Сиднейем Левеллином.

Может быть, я просто упряма, но и по сей день не вижу разумного довода, почему нельзя играть в теннис и брать уроки пения.

Сидней всегда скептически относился к моему пению и часто подшучивал надо мной, правда, очень дружески. Помню, были мы в небольшой компании. Сидней сказал: — Здесь есть парень, который перепоеет тебя.

Он имел в виду Билла Дэвиса. Я не могла не принять вызова и согласилась спеть пару песен, с условием, что Билл тоже споет две песни, и пусть гости проголосуют, кто споет лучше.

Билл выиграл, а Сидней долгое время не давал мне покоя своими шутками.

Впервые серьезно заняться пением мне помогла моя подруга англичанка Анджела Бакстон. Она знала, как я люблю петь, и договорилась о пробных записях в Лондоне. Один из ее друзей Джерри Вэйн — специалист в этом деле, взял всю организацию на себя. Он не только записал мое пение, но даже познакомил с Элом Джексонсом, который популяризировал многих американских певцов за границей, включая Луиса Армстронга и Дюка Эллингтона. В студии приняли меня хорошо. Но с пластинками ничего не вышло. Когда я вернулась в США, я проигрывала их всем друзьям и знакомым. К сожалению, ни один агент не постучался ко мне с предложением подписать контракт. Правда, на каждом приеме после соревнований меня всегда просили спеть и очень тепло принимали. Но этим все и кончалось. Когда же, наконец, я сумела убедить Сиднея, что из-за уроков пения не брошу спортивной карьеры, он договорился с профессором Джеймсом Кеннеди, заведующим кафедрой дикции и речи Лонг-Айлендского Университета. Профессор Кеннеди дал мне множество тестов, записанных на пленку, и с конца осени 1957 и до весны 1958 года я три раза в неделю брала у него уроки дикции. Вскоре я сама почувствовала, как много мне дают эти занятия.

Как-то Эбби Нильс (он был членом «Уест Сайд теннис клуб») оказался одним из организаторов банкета в честь отца блюзов, как его называют, В. Хэнди — прекрасного композитора, автора многих известных блюзов. Он предложил мне присутствовать на обеде и спеть несколько песен. Я с радостью приняла приглашение и спела старые блюзы мистера Хэнди, написанные еще в 20-х годах. Некоторые из них даже не имели названий. По-моему, мистер Хэнди был тронут моим исполнением.

До сих пор отчетливо помню, как стояла на сцене, исполняя песни известного композитора в его присутствии.

Он сидел — старый, слепой и слабый, но в то же время жизнерадостный и заинтересованный. Когда я закончила петь, он зааплодировал.

Как часто бывает, на этом банкете я совершенно случайно познакомилась с Хенри Онорати — вице-президентом фирмы «Дот Рекордс», который пригласил меня сделать несколько пробных записей для альбома долгоиграющих пластинок. Альбом был выпущен в мае 1958 года. Моя профессиональная карьера певицы началась, когда Эд Салливан попросил меня спеть в его субботней

телевизионной программе. Я до конца не уверена, что было главной причиной этого предложения — пригласил ли он меня потому, что я была неплохой певицей, или потому, что я была хорошей теннисисткой. Не в этом дело. Просто я получила возможность петь, а большего мне и не надо было. Мне кажется, что в пении, как и в спорте, нужно, чтобы немножко повезло, и тогда уже остальное зависит от самой себя.

Как-то после одного концерта, на котором присутствовал мой тренер Сидней Левеллин, я не могла отказать себе в удовольствии, чтобы не напомнить о его насмешках относительно моего стремления петь. Конечно, я не считала себя выдающейся певицей, но мне было приятно, что утвердилась в обществе как личность, что нашла свое место. И это давало мне ощущение полного счастья. Все хорошие желания сбываются, нужны только терпение и время.

В жизни каждого человека наступает момент, когда он начинает задумываться о женитьбе или замужестве.

Конечно, когда целиком поглощен тренировками и участием в соревнованиях, почти не имеешь времени на личную жизнь.

Я не могла не думать — а что же будет дальше? В одном я совершенно уверена: если передо мной стоит большая цель, то могу отбросить все, что мешает ее достижению. Я не собиралась жертвовать всем ради любви, но если уж придется, то могу оставаться и одна. Я всегда старалась не упустить ничего, и, кажется, мне это удалось. Ради этого можно жить и одной, не связывая себя ни с кем. Конечно, иногда чувствуешь себя одинокой, но и здесь есть свои прелести. Ты можешь спланировать свои действия, как находишь удобным для себя, не задумываясь о том, что это может не устроить кого-нибудь. Можешь получать удовольствия от того, что тебе нравится, например, как в моем случае, — от игры в теннис, пения, прослушивания пластинок, просмотра телевизионных передач, кино, посещения родителей и друзей.

Люди, с которыми ты встречаешься или сражаешься на площадке, могут составить тебе компанию, если скучно.

Что касается расового вопроса, то у меня не было чувства неполноценности. По крайней мере, я чувствовала себя такой же, как все.

Может быть, я и не имела права останавливаться в хорошем отеле в Колумбии, в штате Южная Каролина или играть против белой соперницы в штате Луизиана, где существует специальный закон, запрещающий такие матчи, но я могу обойтись и без этого. Есть достаточно много мест, где процветает расовая дискриминация, например в Южной Каролине, в Миссисипи, Джорджии, Алабаме и в других штатах. Но уверена — все изменится к лучшему. Я никогда не чувствовала себя ущемленной. Не хотела. Цвет кожи не изменишь, так зачем же из этого делать драму? Я не хочу спекулировать на цвете своей кожи. Я просто теннисистка, а не теннисистка негритянского происхождения. Никогда не считала себя чемпионкой негритянской расы.

Однажды кто-то написал, что различие между мной и Джекки Робинсоном заключается в том, что он все время подчеркивал свою роль в борьбе негров за равенство, а я избегала этого.

Великолепный игрок в бейсбол Джекки Робинсон рассматривал свои спортивные достижения как шаг вперед для негритянского населения и упорно боролся, чтобы его успехи имели социальную окраску. Я отдаю должное тому, что сделал Джекки Робинсон для негритянского народа. Если бы он не проложил дорогу в большой спорт, я бы, может быть, и не получила возможности выбиться в люди. Но я придерживаюсь собственного пути. Хотя я понимаю важность моих спортивных успехов для других и для себя лично. Но подчеркивать этого не собираюсь.

Я хотела, чтобы мои спортивные успехи сами по себе говорили в пользу негритянского народа.

Считаю, что моя линия поведения была совершенно правильной, и именно поэтому передо мной были открыты возможности проявить себя. Уверена, что любой негритянский спортсмен или спортсменка с достаточными способностями соревноваться в национальном масштабе рано или поздно получают такую возможность.

Я надеюсь, что негритянские игроки получат равные с белыми возможности для участия в различных турнирах, которые приведут их к чемпионату страны.

Уже в 1957 году шесть негритянских игроков участвовали в соревнованиях в Форест Хилле. Их участие, по моему, — лучшее доказательство тем, кто критиковал меня за то, что я недостаточно делаю для своего народа.

Меня всегда считали человеком холодным. Помню, даже моя подруга Анджела Бакстон однажды сказала корреспонденту журнала, что при первой встрече я показалась ей холодной, недоступной, самоуверенной и выскомерной.

А Сидней Левеллин, мой тренер, в одном интервью дал такую характеристику:

«Единственное неудобство работы с Алтеей Гибсон заключается в том, что она совершенно необдуманно может обидеть любого».

Я не психиатр, но думаю, что всему виной мое детство. Росла я одинокой, подозрительной, задерганной, трудно привыкала к людям, была очень осторожной и недоверчивой ко всем. Изменить свой характер не так-то просто. До сих пор я не бываю до конца откровенной ни с кем, пока не буду в полной уверенности, что мне это ничем не грозит. В душе я совершенно не так холодна, хотя, боюсь, что так иногда и кажется со стороны. Но нельзя же судить о книге, например, по ее обложке. Первое впечатление иногда очень обманчиво.

Моя жизнь — это в основном тренировки, участие в соревнованиях, переезды из города в город и снова соревнования. В перерывах между поездками, а каждое турне, как правило, предусматривает участие в нескольких турнирах, у меня иногда появляется возможность побыть дома. Правда, такие передышки длятся самое большое месяц. И тогда я отчаянно стараюсь выполнить массу дел, накопившихся за время моего отсутствия. Нужно ответить на многочисленные письма, навестить своих родителей, выкроить время для уроков пения.

Участие в турнирах — это не только работа (хотя я понимаю, что не должна употреблять слово «работа», так как за участие в соревнованиях мы не получаем денежного вознаграждения). Это еще и возможность увидеть мир собственными глазами, встречаться со многими интересными людьми. Спортивная карьера в корне меняет образ жизни. Если бы не теннис, ничего бы не изменилось в моей жизни. Достаточно вспомнить мое Южно-Американское турне в марте 1958 года. Сколько было впечатлений!

Вернувшись домой после вторичного посещения Лос-Анджелеса, где участвовала в Тихоокеанском юго-западном турнире осенью 1957 года, я начала подумывать о

турне по городам Северной Америки. В тех местах мне еще не приходилось бывать.

Эдди Герр — ответственный руководитель ежегодного турнира в Майами под названием «Добрые соседи» прислал мне календарь различных соревнований в Южной Америке и странах Карибского бассейна. В ответном письме я сообщила, что согласна участвовать в пяти турнирах.

Должна признаться, что все-таки хорошо быть признанным теннисистом мирового класса. Тогда бюро путешествий может прислать тебе кипу красочных проспектов с различными маршрутами и предложить выбрать любой из них на твое усмотрение и совершенно бесплатно.

Я выбрала следующие города: Барранквилл (Колумбия), Каракас (Венесуэла), Сан Хуан (Пуэрто-Рико), Монтего Бей (Ямайка) и, наконец, по пути домой — «Добрые соседи» в Майами.

Организаторы всех пяти турниров быстро уведомили меня, что ждут моего приезда. Вскладчину они собрали необходимую сумму денег на проезд и прочие расходы.

Сидней Левеллин проводил меня ранним утром первого марта в аэропорт. Через некоторое время я была уже в Колумбии, в городе Барранквилле. Город мне понравился — я прекрасно провела там неделю.

Турнир должен был начинаться в тот же день, когда я прилетела. С жеребьевкой мне повезло. Я вытащила «пустой» номер, а это означало, что в первом круге я свободна от игры. Впереди целый день отдыха. Соревнования начинались в два часа дня, так как раньше проводить игры было практически невозможно из-за жары.

К вечеру становилось чуточку прохладнее, и игры продолжались до позднего вечера. Иногда, если матч затягивался, приходилось включать прожекторы и играть при электрическом освещении.

Первый матч я играла при свете прожекторов. Играть было хорошо. Во-первых, было уже прохладно, во-вторых, освещение было прекрасным, и, в-третьих, следить за полетом мяча было совсем нетрудно.

Участие в таких турнирах не выматывает игрока. Время после игры в твоем распоряжении. Так было и в Колумбии.

Должна сказать, что соревнования в этом турне не были такими спокойными, как наша жизнь вне кортов, по крайней мере для меня.

Юная Джанет Хоппс из Сиэтла победила меня в полуфинале одиночного разряда со счетом 3:6, 6:3, 7:5. В третьем сете я вела 5:3, и нужно было выиграть всего один гейм, а с ним и полуфинальную встречу. Но...

В парных играх мне больше повезло. Моей партнершей была Кэрол Фагерос. В финале мы победили Марию Буэно из Бразилии и Луис Феликс, девушку из штата Коннектикут.

Турнир в Каракасе прошел очень напряженно и удачно для меня.

В одиночном разряде в финале я встретилась с Марией Буэно и выиграла у нее. Затем вместе с Кэрол Фагерос мы снова победили в первой игре — против той же Марии Буэно, но на этот раз партнершей ее была юная Джанет Хоппс.

Мне пришлось изрядно потрудиться, чтобы победить Марию Буэно в финале одиночного разряда.

Хотелось бы, чтобы те, кто считает участие в подобных турнирах увеселительной прогулкой, посмотрели на меня после игры. Я еле держалась на ногах, пот градом катился по моему лицу. «Маленькая тигрица», как называли Марию Буэно, в тот день была в ударе. Публика, естественно, всячески поддерживала ее: она ведь родилась в одной из стран Южной Америки, поэтому зрители считали ее как бы своей. Игра доставила удовольствие всем, кому представилась возможность наблюдать ее. Довольно легко я выиграла первый сет со счетом 6:1. Начался второй сет. Счет становился 5:4 в пользу Марии при моей подаче. Обычно подача — мой главный козырь, но на этот раз я подавала плохо. Может быть, экспансивные выходки болельщиков при каждом выигранном Марией мяче сделали свое дело. При счете 15:40 я допустила непростительную ошибку. Нам был предоставлен десятиминутный перерыв.

Выигрыш второго сета и поддержка зрителей значительно подняли боевой дух Марии, и в третьем сете борьба шла за каждый мяч. При счете 7:7 я перехватила инициативу на ее подаче и довела игру до победы — 9:7.

Во время пребывания в Каракасе организационный комитет организовал для нас экскурсию на прекрасный гор-

ный курорт, расположенный на высоте 4000 футов * над уровнем моря. Добраться туда можно только по канатной дороге. Когда мы сели в маленькие вагончики по двенадцать-четырнадцать человек, у всех возникло некоторое беспокойство. Представьте, что вы висите в воздухе и думаете: выдержит канат или нет. Конечно, все обошлось благополучно. Поездка запомнилась всем надолго. При отеле были каток, плавательный бассейн. В таком огромном отеле отдыхало только семь пар отдыхающих. Может быть, он расположен в слишком отдаленном районе, но, несомненно, пребывание в таком отеле по карману лишь немногим, несмотря на все прелести этого райского уголка.

Следующая, третья по счету, остановка во время этого турне была в Сан Хуане (Пуэрто-Рико). Должна сказать, что с точки зрения проведения соревнований лучшее место для организации подобных турниров трудно себе представить. Это признают все участники соревнований (их называют «Кариб-Хилтон турнир»). Теннисные корты, плавательный бассейн, прекрасный пляж — все расположено в непосредственной близости от отеля. Ездить никуда не надо. А что еще нужно?

Короче говоря, пребывание там оставило у меня самые приятные воспоминания. Но только пребывание, а не выступление. Я очень расстроилась, что в финале выступила крайне неудачно, если не сказать больше. Моей соперницей была симпатичная девушка из Калифорнии по имени Беверли Бейкер Флитц. Она отлично играет и правой, и левой рукой.

В первом сете я выбрала тактику игры на задней линии, чтобы дать ей возможность чаще выходить к сетке, а там уж я сумею «обвести» ее. Но она быстро вышла вперед и повела 3 : 0. Я срочно изменила тактику — вернулась к своей атаке после подачи, решила сразу же выходить к сетке и стараться «убить» мяч. К моему большому сожалению, ничего не получилось. Беверли уверенно отбивала все мои атаки, и мне пришлось играть в совершенно непривычной для себя манере — защищаться. Я проиграла со счетом 4 : 6, 8 : 10.

Я никогда не любила проигрывать, но тогда была особенно огорчена — ведь организаторы турнира постарались для игроков, и хотелось отплатить хорошей игрой.

* Фут равен 30,48 см.

Зрители, заполнившие все места, остались довольны напряженным и интересным поединком. Они устроили бурную овацию Беверли после ее завершающего победного удара.

А что касается меня, то мне ничего не оставалось, как с огорчением признать, что не всегда и не у всех можно выигрывать. Но это было слабым утешением.

После окончания турнира, как обычно, был прием в честь участников и организаторов соревнований. Но прием в отеле «Кариб-Хилтон» был необычным. Как правило, теннисисты-любители не очень охотно тратят собственные деньги и совсем не возражают, когда за них платят другие, чаще всего кто-нибудь из организаторов соревнований. Но на этот раз все было наоборот. Участники турнира решили сами устроить вечер для членов организационного комитета. Такое необычное решение было данью благодарности и уважения организаторам за их работу, за заботу об участниках. Деньги собрали быстро, никто не отказывался.

Вечер прошел великолепно.

Случилось так, что среди всех участников соревнований я была единственной негритянкой. Отношение ко мне было исключительно предупредительным, уважительным.

Всех игроков, и меня в том числе, пригласили на привилегированный пляж Кариб-Хилтона. Никогда в жизни мне не удалось бы побывать на таком необычном пляже, будь я даже миллионершей. А в тот момент я чувствовала себя так, как будто была миллионерша. Да, да, именно миллионершей с белой кожей.

Раз уж речь зашла о деньгах, я должна рассказать, каким образом теннисисты-любители решают свои финансовые проблемы в подобных турне. Как я уже говорила, билеты на самолет первого класса, что предполагает и питание во время полета, мне были высланы домой в Нью-Йорк. Затем в каждом турнире нам выдавали деньги в соответствии с правилами проведения международных соревнований спортсменов-любителей.

В эту сумму входила оплата гостиницы, плата за стирку и чистку спортивной формы и небольшая сумма на карманные расходы. Питание обеспечивали организаторы турнира. За все остальное нужно было платить из собственного кармана, включая напитки, сигареты, такси, телефонные разговоры и множество других мелочей,

число которых имеет непонятную тенденцию постоянно увеличиваться не только в количестве, но и в цене.

Например, в 1957 году среди теннисистов-любителей поднялось страшное волнение в связи с тем, что руководители и организаторы различных турниров хотели уменьшить сумму ежедневных расходов игроков во время соревнований. Помню, что была даже названа цифра — 11 долларов и 20 центов в день. По их мнению, этого было достаточно.

По-моему, и я уверена, что все спортсмены со мной согласны, такая сумма совершенно недостаточна.

Представьте себе, как бы вы смогли прожить в незнакомом городе, когда вам надо платить за гостиницу и другие услуги (я уже упоминала о них), — и все это за 11 долларов и 20 центов в день.

Некоторые болельщики полагают, что теннисистыкупаются в роскоши. Это не так. Единственно, кто действительно, насколько я знаю, обеспечен материально, — это игроки профессиональной труппы теннисистов Джека Крамера — известного спортивного предпринимателя.

Может быть, и есть среди теннисистов-любителей игроки, которые зарабатывают большие деньги, но только не игрой в теннис.

Во время турне ты живешь словно в другом мире. О тебе заботятся, ты можешь позволить себе многие вещи, о которых дома даже и не мечтаешь. Возвращаясь домой, и все это быстро исчезает. Сейчас действительно у меня есть собственная квартира недалеко от Гарлема. Вид из окна отличный — зеленая лужайка и рядом центральный парк. Но что касается обстановки, то пока ее маловато. Мне приходится экономить каждый цент на питании. Денег у меня, конечно, маловато. Что можно скопить, если зарабатывать 75 долларов в месяц в качестве консультанта фирмы спортивных товаров. Поездки на соревнования ведь не приносят дохода. Правда, иногда удается заработать несколько долларов пением, но это не так уж много.

За время выступлений и поездок скопилось много призов, и среди них главный трофей «Бейб Дидриксен Захариос приз» — он был вручен мне как лучшей спортсменке 1957 года. Но большинство из них так и осталось в коробках. Я даже не решаюсь вытаскивать их, так как не выкрою времени стирать с них пыль. Единственный

трофей я довожу до блеска — это великолепный золотой поднос за победу в Уимблдонском турнире.

Все-таки интересная жизнь у спортсменов, а у чемпионов особенно. Никогда нельзя почивать на лаврах. Пока ты не закончил спортивную карьеру — всегда впереди новые испытания.

Как только я вернулась из турне по Южной Америке, мы с тренером Сиднеем Левеллином начали подготовку к новому сезону 1958 года. Самыми важными для меня соревнованиями был Уимблдонский турнир и чемпионат Соединенных Штатов. Я прекрасно понимала, что соперника не победишь авторитетом. Доказать, что ты сильнейшая теннисистка мира, можно только на корте. И если случалось забывать об этом, то Сидней тут же напоминал мне.

Сидней Левеллин был не только отличным психологом. Он постоянно был рядом со мной.

«Во время игры ты должна думать только об одном: у тебя есть все данные — технические, физические и моральные, чтобы победить и стать чемпионкой», — говорил Сидней.

«Ты должна быстрее подбегать к мячу и вкладывать в удар всю свою мощь. Атака, атака и еще раз атака — вот так ты должна переигрывать своих соперниц! Больше движений! Каждый удар твой должен показывать, что ты намерена победить, только победить», — не уставал «давить» он на меня.

«Никогда не сдавайся! И никогда не изменяй своему стилю. Ты чемпионка. Сейчас наступил такой момент, когда ты можешь победить во второй раз. У тебя есть все возможности, опыт, сила. Остается одно — использовать это. Ты — хозяин положения».

Он старался поддерживать во мне только положительные эмоции, не оставляя места сомнениям или страху.

«Ты должна, а главное, — можешь выиграть! Нужно только точно знать, куда лучше посылать мяч и предугадывать ответный удар соперницы. Ты — мастер, и должна делать с мячом все, что хочешь».

Эти слова я слышала от своего тренера не один раз, и они помогали мне настраиваться на игру.

Непосредственно перед игрой он обычно повторял: — Ты собираешься выиграть эту встречу, и я не сомневаюсь, что добьешься этого. Только учти, удары должны

быть мощными, насколько только возможно. Ни в коем случае не расслабляйся и не сдавайся. Старайся заставить соперницу защищаться, а сама атакуй непрерывно. Если хочешь стать чемпионкой, надо играть как чемпион.

Таким образом он постоянно «давил» на мою психику. Но мне это даже нравилось — подстегивало, напоминало о том, что нельзя останавливаться на достигнутом, что без упорного труда ничего не добьешься. После таких «лекций» я была еще больше уверена, что не должна уступать ни одного гейма, ни одного мяча без борьбы. Я должна все время демонстрировать силовой теннис, потому что это моя игра и именно она позволила мне стать чемпионкой.

Иногда в критические моменты, когда я чувствовала, что силы уже на исходе, когда всего лишь от нескольких мячей зависело — победа это будет или поражение, слова эти всплывали в моем сознании.

«Понимаешь, все, что я тебе говорю, имеет определенный смысл. Мои советы и слова откладываются в твоём подсознании. Представь себе, что это вроде личного магнитофона. Ты находишься на корте, наступил критический момент: осталось сделать два-три удара, и ты либо выиграешь чемпионский титул, либо проиграешь. Именно в такой момент включается твой «магнитофон», и все, что «записано» на его ленте, имеет определенное значение для тебя. Оно-то помогает тебе отбить атаку соперницы и нанести решающий удар. Вот так играют чемпионы. А если в твоём подсознании страх и сомнения, то в критический момент они сыграют свою роль. И тогда не ты победишь, а страх и сомнения победят тебя!» — так говорил мне мой тренер Сидней Левеллин.

В подтверждение своих слов он часто напоминал мне тот вечер 1950 года, когда я покидала Форест Хилл, выиграв у Луизы Бро 7:6 в третьем сете. Рода Смит увезла меня домой и всю дорогу успокаивала:

— Даже если ты проиграешь завтра, ничего страшного. Ты уже доказала, что можешь играть не хуже других, и должна гордиться этим.

Конечно, она хотела утешить меня, помочь избавиться от напряжения, расслабиться.

Но Сидней утверждал, что Рода была совершенно права. И сейчас я понимаю, почему.

«В тот момент с тобой нужно было разговаривать примерно так, — сказал Сидней. — Сегодня ты продемон-

стрировала настоящий теннис. Твои удары были быстры, и ты отлично передвигалась по корту. Ты показала Луизе Бро удар такой силы, какой еще не выполняла ни одна теннисистка. Ты заставила ее бегать по корту. Завтра ты собираешься выиграть у нее. Все в твоей игре было правильно, и завтра ты сделаешь то же самое. Терять тебе нечего, а она может потерять все: ты — дебютантка, а она — чемпионка. Завтра ты опять заставишь ее играть в защите. Она будет надеяться, что ты будешь совершать ошибки, но этого не случится. Играй так, как играла сегодня, и ты выиграешь».

Я заставляла себя постоянно вспоминать эти слова тренера, когда приехала в Лондон для участия в Уимблдонском турнире 1958 года. Победа в этом турнире имела для меня большое значение. И не только потому, что от этого зависело — стану ли я профессиональной теннисисткой или певицей. Нет. Это было и делом чести.

В спорте вы не можете считать себя настоящим чемпионом, пока успешно не защитите свой титул. Выиграть один раз — это может быть счастливая случайность, выиграть дважды — значит доказать, что ты лучший. И я страстно желала доказать это на чемпионате Уимблдона.

Многие считали меня наиболее вероятной победительницей соревнований, но, естественно, были и такие, кто сомневался, смогу ли я. Конечно, для этого были определенные основания. Во время Карибского турне я проиграла несколько матчей; проиграла и Кристина Трумэн в одной из двух одиночных встреч в играх на Кубок Уитмена, которые проводились незадолго до Уимблдонского турнира. Да, я проиграла. Но они не могли знать, что в некоторых проигранных матчах я решила на эксперимент. Хотела проверить, в каком тактическом ключе пойдет у меня игра с задней линии, как я буду отвечать на удары у сетки. До тех пор я сама стремилась атаковать у сетки. Я игрок атакующего плана. После сильной подачи обычно сразу выхожу к сетке и играю с лёта. В игре с задней линии я не так сильна.

Уверена, что эти эксперименты принесли мне пользу — игра на задней линии у меня стала получаться лучше, чем раньше, удары с отскока стали более резкими и сильными, хотя я ужасно расстроилась, проиграв в Кубке Уитмена английским девушкам 2 : 3.

Перед отлетом в Англию мы с Сиднеем долго разговаривали о предстоящих матчах в Уимблдоне. У нас не

было двух мнений относительно тактики игры — я должна была свято придерживаться проверенной на практике тактики «подача — выход к сетке — удар».

Так я и поступила. Результаты оказались такими, на какие мы и надеялись.

За весь турнир у меня был только один трудный матч в четвертьфинале с Ширли Блумер — игроком № 1 британской команды. Первый сет выиграла я, второй — Ширли. В третьем, заключительном, сете я выиграла 6 : 2. Счет встречи был 6 : 3, 6 : 8, 6 : 2. Это был единственный случай за весь турнир, когда я проиграла сет.

В полуфинале я выиграла у Энн Хэйдон 6 : 2 и 6 : 0 — на это ушла всего лишь тридцать одна минута, а затем в финале победила Анджелу Мортимер — 8 : 6, 6 : 2.

Было здорово чувствовать, что я не просто чемпион, но, что более важно, — защитила свой титул чемпиона даже в глазах тех, кто сомневался в моей первой победе в Уимблдоне в 1975 году. Я чувствовала, что дала ответ на большой вопрос.

Одиннадцать раз судья засчитал мне фут фолт *. В первом сете вела Анджела. Счет был 5 : 3 в ее пользу. Но я сумела собраться и переломить ход игры. Несколько мощных и сильных подач помогли мне сравнять счет и затем довести сет до победы — 8 : 6. Я не думаю, что полностью виновата в этих одиннадцати ошибках. Конечно, из-за них матч проходил несколько сложнее, чем я ожидала. Но я старалась не заострять на этом внимание, так как англичане великолепно встретили меня, и мне не хотелось никого огорчать.

Я выиграла, и это было главное.

Церемонию награждения из королевской ложи на этот раз проводила герцогиня Кента.

На традиционном балу я танцевала с австралийцем Эшли Купером, который сменил своего соотечественника Луи Хоада в качестве чемпиона Уимблдона в одиночном мужском разряде.

На банкете я была почти до самого конца. Просто великолепно — быть чемпионом! И мне не стыдно признаться, что мне это нравилось.

Когда мне удастся выкроить немного свободного времени между соревнованиями, я обычно навещаю родителей или хожу в гости к друзьям. И по-прежнему вы-

* Заступ при подаче [Прим. пер.].

краиваю время для кино. Думаю, Голливуд совсем не пострадает, если будет больше таких людей, как я. Что касается театров, то я не посещаю их в ожидании, когда у меня появится более твердый заработок. Была в театре только однажды, когда Сара Пэлфри пригласила меня и Сиднея Левеллина посмотреть известную актрису Лену Хорн в «Ямайке».

Люблю я домашнее хозяйство. Очень люблю делать все своими руками. Если нужно починить розетку, штепсель или какой-нибудь электроприбор, всегда стараюсь сделать это сама. И только если уж у меня ничего не получается, тогда обращаюсь к специалистам.

Помню, когда я жила в доме Дарбенов, мамаша Дарбен озабоченно сказала, что сын никак не выберет время починить люстру, да и настольные лампы тоже вышли из строя.

Я вызвалась сделать это, но когда взялась, она еще больше забеспокоилась:

— Мне кажется, ты спалишь весь дом.

Когда я закончила работу, мамаша Дарбен повернула выключатель, и вся комната озарилась ярким светом. Она заулыбалась, а я почувствовала себя героиней.

Как видите, мои интересы довольно скромны. Мне чужды какие-то сверхъестественные притязания.

Все, к чему я стремлюсь,— это иметь возможность играть в теннис, петь, спокойно спать, есть три раза в день, иметь твердую зарплату и меньше волнений.

Я не претендую на роль короля Мидаса, жаждавшего почитаний и поклонений. Не стремлюсь я оказаться на пьедестале.

Я просто хочу иметь заслуженное признание и нормальную жизнь со всеми ее радостями и печалью.

Думаю, что я сумела осуществить свое главное жизненное кредо, которое сформулировала так: «Я всегда хотела стать Кем-то». Да, я добилась этого. Я — Алтея Гибсон, чемпионка по теннису. И думаю, что это сделало меня счастливой.

Слишком сложным и долгим, был путь Алтеи Гибсон к славе. Объективные обстоятельства украли у великой теннисистки как минимум пять-шесть лет. Поэтому недолгим было ее царствование. Два года подряд — сильнейшая в мире. Убеждена, она была достойна большего. Но шло время, Гибсон было 33 года, а всем ее соперницам — на 12—15 лет меньше. Непобедимой покинула теннисный корт Алтея Гибсон, предоставив своим преемницам бороться за освобожденный трон и оставив им в воспоминание тот идеал, к которому надо стремиться. Распроставшись с любительским спортом, Гибсон заключила контракт с известной профессиональной баскетбольной группой «Гарлем Глобтротерс». В перерывах между баскетбольными матчами она выступала с показательными играми вместе со своей подругой Кэрол Фагерос. Но преимущество Гибсон было столь подавляющим, что игры эти не вызывали интереса, да и сама Алтея мечтала о другом...

Ее привлекала карьера профессиональной певицы. И Гибсон действительно стала певицей и даже выпустила пластинку. Но затем она увлеклась гольфом, сделала игру в гольф своей профессией и признана здесь таким же великим игроком, как и в теннисе.

Наследницей освобожденного престола стала партнерша знаменитой негритянской теннисистки — Мария Эстер Буэно из Бразилии. Она впервые приехала в Уимблдон в том же году, что и я, — в пятьдесят восьмом. Я увидела Буэно в финале женских игр, она играла вместе с Алтеей Гибсон, хорошо играла, но в тот год для меня существовала лишь одна теннисистка — эта удивительная Гибсон, и я нисколько не сомневалась, что она способна выиграть с любой партнершей. Мое мнение не изменилось и до сих пор...

Однако осмелиться встать в пару с такой великой теннисисткой мог далеко не каждый. Очень уж эффектна была игра Алтеи, и боязнь выглядеть серо и безлико чаще превалировала над желанием увидеть себя среди победителей.

Впервые появившись в «теннисной Мекке» в девятнадцать лет, Мария Буэно имела уже некоторые основания чувствовать себя здесь человеком не случайным. Годом раньше никому не известная юная бразильянка выиграла ряд открытых турниров в Латинской Америке, победив при этом саму Гибсон, а перед началом Уимблдона открыла счет своим чемпионским званиям, став победительницей открытого первенства Италии. Сенсационная победа Буэно была подобна грому среди ясного теннисного неба — латиноамериканский женский теннис всегда был слабым. Не зная об этом, я с некоторой ревностью наблюдала за игрой счастливой избранницы первой «теннисной леди». Надо сказать, что Буэно в паре уже тогда ни в чем не уступала своей знаменитой партнерше. Но если мощная силовая игра Гибсон была как бы predetermined атлетическим сложением самой теннисистки, то объяснить, каким образом хрупкой, тоненькой бразильянке удается посылать удары не менее острые, я совершенно не могла.

А на следующий год я только и смотрела на Марию Буэно. И по сей день убеждена, что никогда не увижу игры более вдохновенной и артистичной. Впечатление от игры Буэно было удивительным — стройная, тоненькая теннисистка держала ракетку тоненькой рукой так, словно и это уже требовало от нее немалых сил.

Но начиналась игра, и, совершив необычное движение, эта ракетка, грациозно направленная хозяйкой, как бы сама стремительно врезалась в мяч, придавая ему ускорение. Так едва заметные усилия преображались в огромной силы удар. «Балет и теннис, в который играет Буэно, недалеко друг от друга», — так известный теннисный обозреватель озаглавил один из своих отчетов. Но резкие, неожиданные удары не были главным оружием Буэно, они лишь помогали ей наслаждаться игрой. Тонко разыгранные комбинации, интуитивно рассчитанные на несколько ходов вперед, трудно предугадываемые ситуации, выход из которых могла найти лишь она — это была ее стихия.

Мария родилась в Сан-Пауло в 1939 году в семье врача. В теннис научилась играть рано. В семье она была не одинока в своем увлечении — в теннис играли и отец, и брат. Кстати, на многие турниры они часто приезжали втроем — брат был ее постоянным спарринг-партнером, а отец не один год возглавлял Международную федерацию лаун-тенниса. У Буэно никогда не было настоящего тренера, несколько уроков взяла она у бразильского профессионала Армандо Виера. Не уверена, что нашелся бы тренер, сумевший управлять ею. В своей игре она целиком полагалась на внутреннее ощущение движения; чувство мяча у нее было идеальное. Никогда не забуду — она изгибается тростиночкой и... гармоничный кнутаобразный замах вдруг завершается резким щелчком — удар.

Тонкая и очень чуткая в жизни, в игре своей Буэно была нервозна. Стоило ей чуть-чуть распуститься, и все разлаживалось. В первые годы ей удавалось сдерживать скрытый темперамент. Всегда скупая на эмоциональные проявления, она лишь после победы в Уимблдоне позволила себе заплакать. Это было в 1959 году в финале. Она выиграла у американки Дарлен Хард, а потом села под судьей-

скую вышку, закрылась полотенцем и навзрыд плакала, беспомощно предоставив только что побежденной ею сопернице утешать себя.

Позже, играя по-прежнему вдохновенно, она вдруг неожиданно для всех, без видимых причин, начинала нервничать; ее излишне тонкая игра становилась не всегда надежной. Буэно вторично победила в Уимблдоне в шестидесятом году, потом заболела и на теннисном небосклоне появилась новая звезда — австралийка Маргарет Смит.

Не было ничего более полярного, чем теннис Смит и теннис Буэно. Мощная австралийка — ее рост 180 сантиметров, тренировалась у Фрэнка Сэдждмена и готовилась к соревнованиям по системе знаменитого австралийского тренера Гарри Хопмана. Он одним из первых ввел в тренировки теннисистов как одну из главных составляющих физическую подготовку, благодаря которой умел в короткий срок привести игрока в идеальную форму. О дисциплине Хопмана ходили легенды: штраф за невыполнение задания — пробежка в три мили.

Смит играла и мощнее, и быстрее Буэно. Она честно «отрабатывала» на корте, борясь за каждый мяч. Все ее удары были надежны и логичны. А Буэно? Буэно по-прежнему оставалась игроком нервным, немного истеричным, но не подвластным никакой логике. И вот в 1964 году они встретились в финале Уимблдона. Смит была в прекрасной форме и никто не думал, что она расстанется со своим титулом. Буэно играла на каком-то нервном подъеме, ей удавались феноменальные удары, но болельщики ее, а их на стадионе было большинство, с напряжением и затаенным ужасом ждали надлома. Начался третий сет. И вдруг все увидели игру, о которой помнили лишь трибуны знаменитого старинного стадиона. Это был настоящий «женский теннис». словно не было знаменитых предшественниц — ни пятнадцатилетней Лотти Дод, которой в тот год минуло бы 92 года, ни великой француженки Сюзанны Ленглен, ни единственной негритянской чемпионки Алтеи Гибсон. Две прекрасные теннисистки, еще несколько минут назад восхищавшие зрителей своим мастерством, словно испарились.

Я, например, люблю женский теннис за эти метаморфозы. Когда внезапно обнажается игровой нерв — нет больше ни масок, ни великих чемпионок. Дрожащими от волнения руками заставляли они себя дотрагиваться до мяча и нежно перебрасывали его через сетку. Было ясно: достаточно одной из них пробудиться, выйти из этого сомнамбулического состояния, и в несколько минут все будет закончено. Но они жили в одном ритме. И зрители уже не могли болеть. С затаенным дыханием наблюдали они за борьбой двух теннисисток не друг с другом, а лишь со своим страхом. Последний гейм продолжался полчаса. Буэно сжала кулаки, уговорила себя, вышла к сетке и выиграла, думаю, самый ценный в жизни мяч, третий и последний раз став чемпионкой Уимблдона.

Ей бы оставить теннис сразу после этой победы. Но еще несколько лет, поддаваясь инерции, Буэно будет мучительно разменивать свою славу. Свой, казалось тогда, последний сезон — сезон 1968 года она закончит четвертым игроком мировой десятки.

Многие чемпионы мечтают уйти непобежденными, но далеко не всем это удается. И не стоит за это осуждать их. Ох, как трудно уйти из спорта! Наверное, здесь необходима высшая требовательность к себе, к своему творчеству. И, наверное, это было у Алтеи

Гибсон, достигшей успеха, но сумевшей не разменять его. Впрочем, не надо быть слишком строгими. Мария Буэно вернулась на теннисный корт спустя десять лет после своего последнего триумфа. Не знаю, что заставило ее вернуться? Помню лишь свою грусть, когда, просматривая полученные из Англии пленки, я увидела знакомые движения, столь же грациозные и изящные, но почему-то показавшиеся мне старомодными. А затем с неестественной улыбкой Мария Буэно, которая останется в моей памяти величайшей теннисисткой, протягивала руку своей малоизвестной победительнице.

Если говорить о преемственности стилей, игра Смит во многом повторяла игру Алтеи Гибсон, с той лишь разницей, что была менее элегантна и непринужденна. Впервые я узнала об этой австралийской теннисистке в 1960 году. Листая «Международный альманах лаун-тенниса», натолкнулась на внушительную фотографию Маргарет, которая в семнадцать лет стала чемпионкой страны. И уже глядя на эту фотографию, можно было предположить появление в женском теннисе фигуры значительной.

Так и случилось. Маргарет Смит сумела развить тенденции, predeterminedенные знаменитой негритянской спортсменкой. Как и Гибсон, наделенная редкими физическими данными, она уже в школе преуспевала в различных видах спорта, была капитаном баскетбольной команды, быстрее всех бегала, хорошо прыгала и лучше всех играла в теннис. Маргарет жила в Мельбурне, и родители определили ее в школу для тренировок под руководством Ф. Сэджмена (чемпиона Уимблдона 1952 года) и С. Никольса. Как я уже говорила, занятия эти предполагали в первую очередь обязательное развитие физической силы и выносливости. Смит рассказывает:

«Пять раз в неделю после полудня я посещала спортивный зал и проводила там около двух часов. Занималась с гантелями, поднимала укрепленные на блоках тяжести, вообще занималась различными упражнениями, словно выворачивая себя наизнанку. В 1961 году, глубоко приседая, я могла поднять 160 фунтов (64 килограмма), соревновалась с мужчинами-легкоатлетами».

И наступил момент, когда уже ни одна теннисистка не могла сравниться со Смит в быстроте и мощи. И заметьте, при росте 180 сантиметров Смит обладала неожиданной легкостью. Зрелищно теннис ее был впечатляющ, но для истинных ценителей не очень разнообразен. Сидя на трибуне, всегда можно было предугадать направление ее ударов, но, находясь по ту сторону сетки, даже предугадав, успеть к ним, увы, было невозможно. Когда Маргарет в 18 лет впервые приехала в Европу, игра ее была уже столь впечатляющей, что и теннисисты и специалисты, казалось, готовы были заранее присудить ей титул чемпионки Уимблдона. Подавленные уверенной, непривычно мощной и постоянно атакующей игрой Смит, соперницы чаще всего смирялись с поражением уже до выхода на корт.

Но в одной восьмой финала Маргарет встретилась с англичанкой Кристиной Трумэн. В Англии, где очень любят теннис, Кристина была всеобщей любимицей и единственной надеждой. Уже четыре года назад, когда ей было лишь 16, Трумэн вышла в полуфинал Уимблдона, где уступила будущей чемпионке — более атлетичной и, естественно, более опытной — Алтее Гибсон.

Год спустя Кристина сумела взять реванш у самой Гибсон. В розыгрыше Кубка Уитмена — Кубка, учрежденного в 1923 году, который вручается победительнице традиционного матча женских команд Англии и США, Кристина Трумэн выиграла обе одиночные

встречи, в том числе и у Гибсон, парную с Ширли Блумер, и обеспечила победу Англии. Подобного успеха англичанки не знали с 1930 года. Вся Англия ждала, что Кристина принесет стране и Уимблдонскую победу. Но именно на этом турнире ее начали преследовать неудачи. И вот Уимблдон 1961 года, и уже в третьем круге встреча с новой теннисной «звездой» австралийкой Маргарет Смит. Кристина Трумэн сумела предложить своей сопернице не менее мощный теннис, но играла тяжелее и медленнее. При очень высоком росте — 192 сантиметра англичанке нелегко было успевать за быстрой игрой своей соперницы. В этом матче неожиданно для всех впервые проявились те качества Смит, о которых я уже рассказывала. Вспомните финал Уимблдона — игру Смит и Буэно. Да, Маргарет, научившись играть лучше всех, далеко не всегда могла показать свою лучшую игру. Оказалось, что ее мужская атлетичность не исключает типично женского характера, которому свойственны и неуверенность, и порой элементы истерии. Этот первый поединок закончился победой Трумэн. Двадцатилетней англичанке представилась возможность, теперь уже реальная, выиграть Уимблдон. Главная претендентка на победу повергнута, Мария Буэно больна и в турнире не участвует. Но выяснилось, что Кристине легче было завязать захватывающую игру с Гибсон, Буэно, Смит, которые на ее рискованные выходы к сетке отвечали не мешкая рискованной и неожиданной контригрой, и в этой открытой схватке ярчайших игровых темпераментов рождался подлинный теннис.

А в финале Трумэн ждала встреча с ее соотечественницей Анджелой Мортимер — равным средним игроком, которая умела добывать победу, упрощая игру. Мортимер безошибочно рассчитала, как навязать такую игру мощной, но медлительной Кристине. Сочетая укороченные удары с неожиданными свечками, она умело держала инициативу в своих руках, лишая Трумэн главного ее оружия — атаки. Около двух часов длился этот поединок, в котором тонкая тактическая игра едва заметно разбивала талантливую импровизацию. Сердца зрителей, несмотря на то, что борьбу вели соотечественницы, были на стороне Кристины. Но и это не могло вывести Мортимер из состояния спокойствия — после победы она созналась, что плохо слышит и на этот раз, как и всегда, трибуны были для нее безмолвны. Кристина была подавлена поражением, а ее мама воскликнула: «Нет, я не в силах видеть своего ребенка, так страдающего! Кристина должна бросить теннис...» Склонна была к этому и сама Кристина. Матч оказался переломным в ее жизни — после него Трумэн уже не покажет красивой игры. Но уйти из тенниса не смогла и она.

Пытаясь вернуть себе былую славу, она часто появлялась на турнирах. Но в ее поведении озадачивала какая-то внутренняя неподвижность; и даже в ее игровом упорстве, казалось, появилось что-то механическое. Специалисты считали, что проигрыш Мортимер «сломал» Трумэн. А быть может, были и другие причины, которые эта спортивная неудача лишь усугубила...

Ну, а Маргарет Смит сделала очередную попытку выиграть Уимблдон. На следующий год она не имела поражений до встречи на центральном корте старинного лаун-теннисного клуба с малоизвестной теннисисткой Билли-Джин Моффит. Невысокая американка играла азартно, быстро и немножко по-хулигански. Словно дерзкий мальчишка «заводила» она и себя, и свою соперницу. Смит не была готова к тому, что неизвестная американка осмелится оказы-

вать ей сопротивление. Никто еще не знал, что эта девчонка — будущая шестикратная чемпионка Уимблдона, которая будет признана многими величайшей теннисисткой современности. И тогда Билли-Джин Моффит (позднее Кинг) выиграла у Маргарет Смит, казалось, случайно, открыв счет их постоянному соперничеству за право называться сильнейшей в мире.

Но уже через год австралийская теннисистка победит, наконец, в Уимблдоне и на протяжении четырех лет не будет знать поражения, за исключением одного, о котором я уже рассказывала, — во встрече с Буэно. Однако постоянные разезды, некоторая неуверенность в своей внешности, женской привлекательности, постоянное соперничество с сильными игроками — все это вынудит Смит в 1966 году заявить о том, что она уходит из спорта. Это решение, вызванное внутренней депрессией, было необходимо ей, чтобы осознать ценность того, что она теряла. Прошел год, и Маргарет снова появилась на турнирах. Она вышла замуж и выступала уже под фамилией Корт, которой суждено было стать не менее известной в теннисном мире, чем Смит. 1970 год стал годом наивысшего успеха для Маргарет Корт — она выиграла все турниры, завоевав «Большой шлем» и отдав в крупнейших состязаниях лишь три сета, один из них в Париже советской теннисистке Ольге Морозовой.

Оля — единственная пока наша спортсменка, сумевшая войти в теннисную элиту и имеющая на своем счету победы над всеми почти теннисистками экстракласса, включая даже Билли-Джин Моффит-Кинг.

Морозова тоже стремилась продолжить те игровые тенденции, которые оставили ей и всем ее сверстницам великие теннисистки разных эпох. Она никогда не видела Алтею Гибсон, но об игре ее рассказала Оле ее тренер Нина Сергеевна Теплякова. Оля впервые пришла на теннисный корт в 1958 году, когда на Уимблдонском турнире вновь уверенно победила Алтея Гибсон. В ту пору теннисные специалисты только и говорили, что о талантливой негритянке. Не была исключением и Нина Сергеевна — она видела ее на корте два года подряд и, восхищенная красивой, смелой, мощной манерой игры Алтеи Гибсон, была полна решимости научить своих девочек играть так же. Утверждают, что чемпионский характер формируется, возможно, это и так, но у некоторых он от рождения. К таким людям я отношу и Ольгу Морозову. Оля прекрасно сумела освоить современный теннис — быстрый, атлетичный, в этом помогла ей, конечно, Теплякова. Но ничего не получилось бы даже у такого замечательного тренера, каким является Нина Сергеевна, если бы не было у ее ученицы редкого дарования — умения трудиться.

Я убеждена, что это качество, называемое унылым словом «трудолюбие» — редкий талант, без которого гибнет любой росток, наделенный от природы способностями незаурядными. Процесс тренировки для Оли — едва ли не главный в жизни. От него получает она истинное наслаждение, относится к нему по-настоящему творчески, самозабвенно. Самая сильная наша теннисистка последних десяти лет Ольга Морозова добилась и больших успехов на международной арене. Единственная из советских теннисисток она завоевала право выступать в финалах таких крупных турниров, как открытое первенство Франции и Уимблдона. Правда, выиграть их Ольге Морозовой не удалось, но, думаю, нет в этом никакой ее вины. Общий уровень развития тенниса у нас в стране по-прежнему ниже высших мировых стандартов.

Возвращаясь к «Большому шлему», выигранному Маргарет Корт, не могу не вспомнить, что и на этот раз труднее всего ей пришлось в Уимблдоне. Ее финальная битва с Билли-Джин Кинг длилась два часа двадцать семь минут. Корт победила в двух сетах, но растянулись они на сорок шесть геймов!

В период, когда Маргарет Корт решала свои внутренние проблемы, на передний план выдвинулась Билли-Джин Моффит-Кинг. Эта невысокого роста, по-мальчишески задорная теннисистка никогда не казалась мне игроком, равным Гибсон, Буэно или Корт. Но теперь, когда мастерство Кинг подтверждено ее многочисленными победами, мне остается лишь констатировать, что я ошибалась. Да, Кинг, как и многие сильнейшие теннисистки, умела делать на корте практически все — и сильно подавала, и не менее опасно принимала подачу, стабильно «держала мяч на задней линии». Но главное ее оружие, вызывающее восхищение, — нестандартная игра с лёта. Когда она выходила к сетке, — а зная свой «конек», Кинг делала это постоянно, создавалось впечатление, что не теннисистка бросается к мячу, а сам мяч ищет ее ракетку. Умение предугадать удар соперника и сыграть неожиданно и непременно эффектно — вот, пожалуй, главные игровые качества, позволявшие ей добиваться успеха.

Но, согласитесь, этого все же недостаточно для такого количества побед, которые одержала Кинг. Я неплохо была знакома с Билли-Джин и в жизни, и на корте. Веселая, озорная, любящая побалагурить, пошутить, она производила впечатление человека доброжелательного, но немного поверхностного. Как глубоко я заблуждалась!

Но вернемся к разговору о женском теннисе. Каждая выдающаяся теннисистка привнесла в него элементы мужской игры, утверждая при этом новый современный стиль. Так было и с Лотти Дод, и с Сюзанной Ленглен, и с Алтеей Гибсон, и с Марией Буэно, и с Маргарет Корт. Так по крупницам был создан современный женский теннис — атлетичный, мощный, в разнообразии не уступающий эталонам мужского тенниса. Но, овладев всеми элементами современной игры, теннисистки в решающие моменты матча оставались женщинами.

Вспомните рассказы Гибсон о ее выступлениях, финальную встречу между Буэно и Корт. Психологически даже лучшие теннисистки мира не были готовы вести игру в этой современной манере, предложенной ими самими. По иному пути пошла Билли-Джин Кинг. К длительному поединку на корте готовила она себя задолго до его начала. Она научилась воображать предстоящие матчи в мельчайших деталях.

«Я люблю фантазировать, — пишет Билли-Джин в своей книге. — В мечтах заранее я переиграла со всеми возможными противницами. Я представляю себе матч за матчем, анализируя каждую вероятную ситуацию на корте. Часто представляю, как должна среагировать, если сильная противница вдруг сыграет плохо или слабая — неожиданно хорошо. Мысленно представляю себе конкретную теннисистку, вижу ее удары, угол при замахе, перебираю все ее технические возможности в каждом положении...

Иногда, представляя определенную соперницу, я стараюсь угадать, как поведет она себя в предложенных мною ситуациях. Стараюсь вообразить ее реакцию на розыгрыш в те или иные важные моменты матча, даже выражение ее лица».

Билли-Джин рассказывает, что часто заранее решает, как вести себя в неожиданные для нее моменты игры — при неправильном возгласе судьи, порывистом ветре, внезапной судороге в ноге.

«Я столько раз переиграла в голове все варианты встреч, что не смогу удивиться даже, если на центральный корт во время моего Уимблдонского финала вылетит голубь».

Билли-Джин Моффит-Кинг мечтала об Уимблдоне задолго до того, как появилась возможность приехать туда. Билли-Джин было 11 лет, когда родители привели ее на теннисный корт, тогда и узнала она, маленькая калифорнийская девочка, о существовании старинного теннисного турнира в Англии, победа на котором приносит теннисисту звание сильнейшего в мире. Из газетных отчетов и статей она собирала сведения об этом турнире. О том, сколь сильны и реалистичны были мечты Билли-Джин, свидетельствует сочинение, написанное ею в 10-м классе. Будущей чемпионке было 16 лет, но писала она его, как воспоминание 45-летней женщины о своей молодости...

«Там, там, там — стучит мое сердце. Я не могла ошибиться — сегодня в 5 часов утра я улетаю из Нью-Йорка на Уимблдонский турнир в Англию. Мне 18 лет, и через неделю я выступлю на чемпионате мира по теннису», — так начала Моффит свое сочинение.

Затем в подробностях описывает Билли-Джин матчи на первом своем Уимблдоне. День за днем движется он к победной цели, но воображение прерывает эту серию успехов — поражение в четвертьфинале от известной калифорнийской теннисистки Дарлен Хард.

«Мне уже 45 лет, — пишет в заключение Моффит. — Воспоминание об Уимблдоне — самое прекрасное в моей жизни... Моим честолюбивым мечтам не суждено было осуществиться. Я так и не стала чемпионкой...».

Билли-Джин не ошиблась лишь в одном — она впервые приехала в Англию, когда ей было 18 лет. Она утверждает, что именно так представляла себе знаменитый Уимблдон. Но даже в самых романтических, честолюбивых мечтах не могла представить себе юная Моффит, что первое же посещение «теннисной мекки» сразу принесет ей первый титул.

Вместе со своей сверстницей Карен Ханце Билли-Джин стала чемпионкой Уимблдона в парных играх.

От сорокапятiletия отделяют Билли-Джин Кинг десять лет. Но уже сейчас для перечисления ее побед понадобилось бы не одно сочинение. Шестикратная победительница Уимблдона в одиночных состязаниях, она девять раз добивалась успеха на этом турнире в парном разряде и дважды — в смешанном. Популярность Кинг еще больше возросла, когда, приняв вызов одного из лучших теннисистов мира пятидесятых годов американца Бобби Риггса, Билли-Джин сумела поддержать репутацию женского тенниса, буквально разгромив своего соперника. Как и многие ее предшественницы, Кинг хотела уйти из спорта непобежденной. Выиграв Уимблдон в шестой раз, она заявила о том, что покидает теннисный корт. Но это оказалось выше ее сил...

Сегодня к созвездию имен в мировом женском теннисе прибавилось еще несколько. Самые значительные пока — Ивонн Гулагонг — новая чудо-девушка из Австралии и американка Крис Эверт, Их выступления на корте я наблюдала лишь по телевидению.

Утверждают, что по легкости и непринужденности игры Гулагонг напоминает Марию Буэно. С десяти лет она живет и воспитывается в семье известного австралийского тренера Виктора Эдварда, который встретил талантливую девочку во время одного из своих путешествий по стране. Отец Ивонн — австралийский абориген. На языке его соплеменников слово «Ивонн» включает в себе целый пейзаж: «Высокие деревья и тихая вода». Гулагонг уже не раз побеждала на крупных турнирах, однажды добилась она успеха и в Уимбл-доне.

Много, по-видимому, будет рассказано и о загадочной новой «звезде» американского тенниса Крис Эверт. Она предложила своим соперницам игру безошибочную и самобытную. Специалисты называют Крис теннисным автоматом. Но поражает не столько ее игра, по быстроте и темпу не уступающая канонам тенниса современного, с той лишь разницей, что добивается Эверт успеха резкими стремительными ударами с задней линии. Поражает характер теннисистки, уверенность в себе, несмотря на молодость, необыкновенная стойкость в трудных ситуациях, умение скрывать свои чувства в самые критические моменты.

По-видимому, эта спортсменка научилась находить то внутреннее психологическое равновесие, которого не хватало ее предшественницам. Как это ей удастся? Пока это секрет Крис Эверт. Она в расцвете своих сил и, должно быть, расскажет со временем о себе сама. Но это тема будущей книги, которую напишет когда-нибудь новая «королева тенниса».

Анна Дмитриева

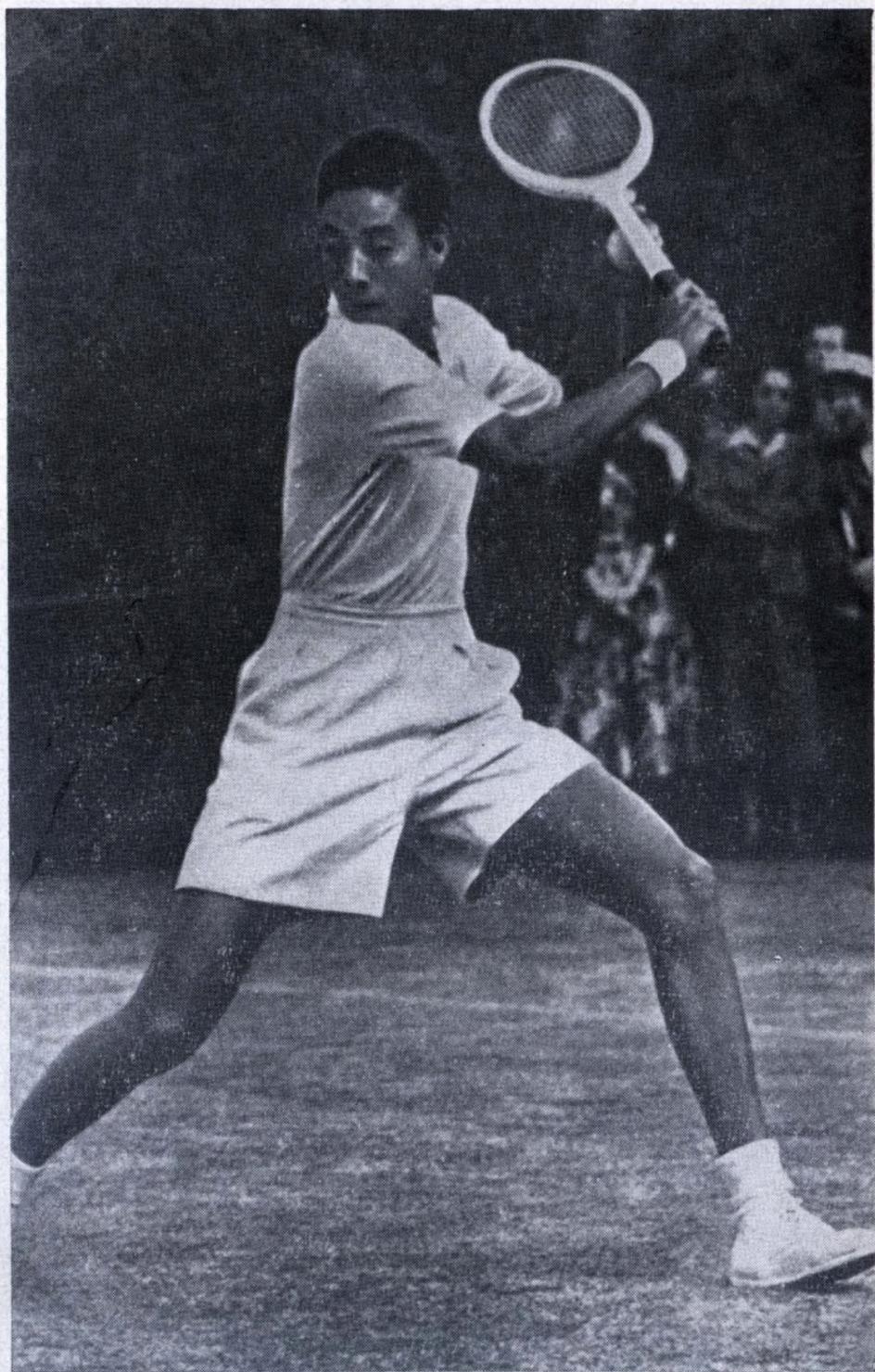
ЧЕМПИОНКИ УИМБЛДОНСКОГО ТУРНИРА НЕОФИЦИАЛЬНОЕ ПЕРВЕНСТВО МИРА

- 1884 М. Ватсон (Великобритания)
1885 М. Ватсон (Великобритания)
1886 В. Бинели (Великобритания)
1887 Л. Дод (Великобритания)
1888 Л. Дод (Великобритания)
1889 Г. В. Хиллярд (Великобритания)
1890 Л. Райс (Великобритания)
1891 Л. Дод (Великобритания)
1892 Л. Дод (Великобритания)
1893 Л. Дод (Великобритания)
1894 Г. В. Хиллярд (Великобритания)
1895 К. Купер (Великобритания)
1896 К. Купер (Великобритания)
1897 Г. В. Хиллярд (Великобритания)
1898 К. Купер (Великобритания)
1899 Г. В. Хиллярд (Великобритания)
1900 Г. В. Хиллярд (Великобритания)
1901 А. Стерри (Великобритания)
1902 М. Е. Робб (Великобритания)
1903 Д. К. Дуглас (Великобритания)
1904 Д. К. Дуглас (Великобритания)
1905 М. Саттон (США)
1906 Д. К. Дуглас (Великобритания)
1907 М. Саттон (США)
1908 А. Стерри (Великобритания)
1909 Д. П. Бусби (США)
1910 Д. Ламберт-Чемберс
(Великобритания)
1911 Д. Ламберт-Чемберс
(Великобритания)
1912 Д. Р. Ларкомб (Великобритания)
1913 Д. Ламберт-Чемберс
(Великобритания)
1914 Д. Ламберт-Чемберс
(Великобритания)
1919 С. Ленглен (Франция)
1920 С. Ленглен (Франция)
1921 С. Ленглен (Франция)
1922 С. Ленглен (Франция)
1923 С. Ленглен (Франция)
1924 К. Мак-Кейн (США)
1925 С. Ленглен (Франция)
1926 Л. А. Годфри (США)
1927 Х. Виллс (США)
1928 Х. Виллс (США)
1929 Х. Виллс (США)
1930 К. Анссем (Германия)
1932 Ф. С. Муди (США)
1933 Ф. С. Муди (США)
1934 Д. Е. Раунд (США)
1935 Ф. С. Муди (США)
1936 Х. Х. Джекобс (США)
1937 Д. Е. Раунд (США)
1938 Ф. С. Муди (США)
1939 А. Мабл (США)
1946 П. Бету (США)
1947 М. Осборн (США)
1948 Л. Бро (США)
1949 Л. Бро (США)
1950 Л. Бро (США)
1951 Д. Харт (США)
1952 М. Коннолли (США)
1953 М. Коннолли (США)
1954 М. Коннолли (США)
1955 Л. Бро (США)
1956 Ш. Фрай (США)
1957 А. Гибсон (США)
1958 А. Гибсон (США)
1959 М. Буэно (Бразилия)
1960 М. Буэно (Бразилия)
1961 А. Мортимер (Великобритания)
1962 И. Сусман (США)
1963 М. Смит (Австралия)
1964 М. Буэно (Бразилия)
1965 М. Смит (Австралия)
1966 Б. Д. Кинг (США)
1967 Б. Д. Кинг (США)
1968 Б. Д. Кинг (США)
1969 П. Ф. Джонс (Великобритания)
1970 Б. М. Корт (Австралия)
1971 И. Гулагонг (Австралия)
1972 Б. Д. Кинг (США)
1973 Б. Д. Кинг (США)
1974 К. Эверт (США)
1975 Б. Д. Кинг (США)
1976 К. Эверт (США)
1977 В. Уэйт (Великобритания)

ЧЕМПИОНКИ УИМБЛДОНСКОГО ТУРНИРА В ЖЕНСКОМ ПАРНОМ РАЗРЯДЕ

- 1913 Р. Мак-Нейр — Д. П. Бутби
1914 Е. Райан — А. М. Мортон
1919 С. Ленглен — Э. Райан
1920 С. Ленглен — Э. Райан
1921 С. Ленглен — Э. Райан
1922 С. Ленглен — Э. Райан
1923 С. Ленглен — Э. Райан
1924 Х. Витмен — Х. Виллс
1925 С. Ленглен — Э. Райан
1926 Э. Райан — М. К. Брауне
1927 Х. Виллс — Э. Райан
1928 Холкрофт-Ватсон — П. Саундерс
1929 Холкрофт-Ватсон — Л. Р. Мишель
1930 Ф. С. Муди — Э. Райан
1931 Шеперд-Баррон — П. Э. Мадфорд
1932 Д. Метакса — Д. Сигарт
1933 Р. Матье — Э. Райан
1934 Р. Матье — Э. Райан
1935 Ф. Джеймс — К. Э. Стеммерс
1936 Ф. Джемс — К. Э. Стеммерс
1937 Р. Матье — А. М. Йорк
1938 С. П. Фабиан — А. Мабл
1939 С. П. Фабиан — А. Мабл
1946 Л. Бро — М. Осборн
1947 Д. Харт — П. С. Тод
1948 Л. Бро — В. дю Пон
1949 Л. Бро — В. дю Пон
1950 Л. Бро — В. дю Пон
1951 Ш. Фрай — Д. Харт
1952 Ш. Фрай — Д. Харт
1953 Ш. Фрай — Д. Харт
1954 Л. Бро — В. дю Пон
1955 А. Мортимер — Д. А. Шилкок
1956 А. Бакстон — А. Гибсон
1957 А. Гибсон — Д. Харт
1958 М. Буэно — А. Гибсон
1959 Д. Арт — Д. Харт
1960 М. Буэно — Д. Харт
1961 К. Ханус — Б. Д. Моффит
1962 Б. Д. Моффит — Д. Р. Сусман
1963 М. Буэно — Д. Харт
1964 М. Смит — Л. Турнер
1965 М. Буэно — Б. Д. Моффит
1966 М. Буэно — Н. Ричи
1967 Р. Казалс — Б. Д. Кинг
1968 Р. Казалс — Б. Д. Кинг
1969 М. Корт — М. Тегарт
1970 Р. Казалс — Б. Д. Кинг
1971 Р. Казалс — Б. Д. Кинг
1972 Б. Д. Кинг — Б. Стове
1973 Р. Казалс — Б. Д. Кинг
1974 И. Гулагонг — М. Майкл
1975 А. К. Киомура — К. Саваматацу
1976 К. Эверт — М. Навратилова
1977 М. Рассел — Р. Коули

Алтея Гибсон
стала
сначала первой
негритянской
теннисисткой,
допущенной
на чемпионат
ее страны
и выигравшей его,
а затем первой
и пока единственной
негритянской
теннисисткой,
ставшей сильнейшей
в мире и открывшей
путь, по которому
должен развиваться
современный теннис.
Фотоглава
продолжает рассказ
об Алтее Гибсон.

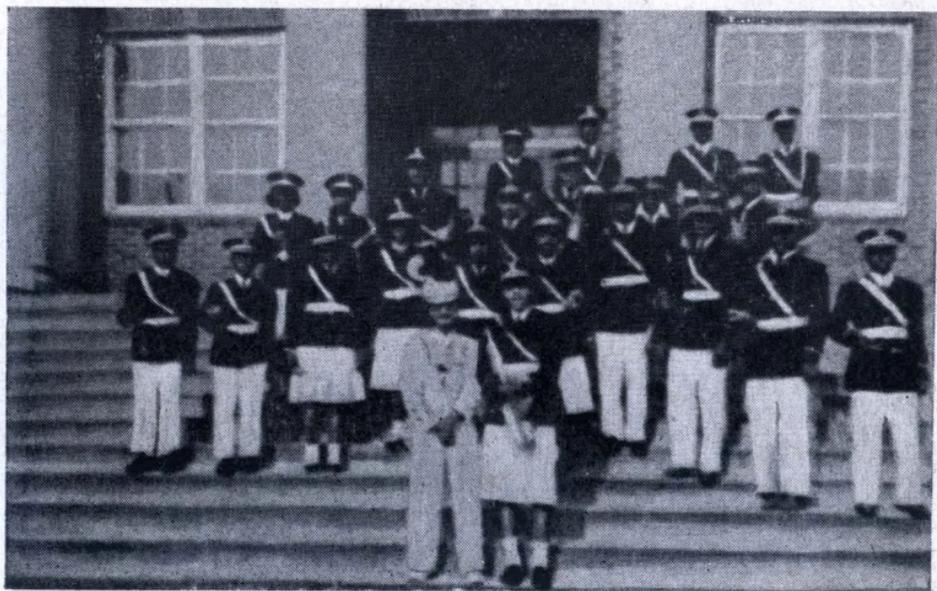

● Асфальтовые джунгли Гарлема

- Двдцатитрехлетняя Алтея — участница чемпионата Нью-Йорка по теннису среди женщин (1939 г.). Мы видим ее на церемонии награждения

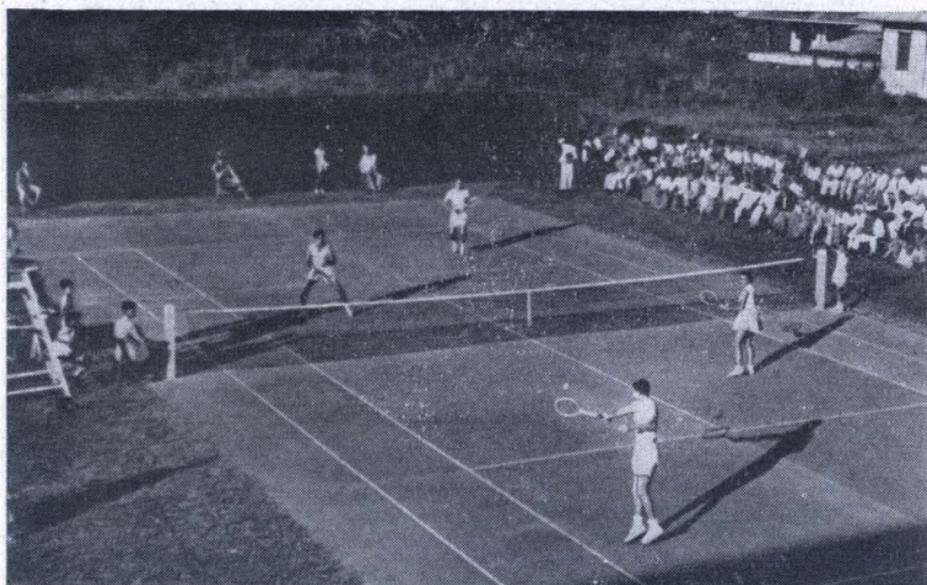
- Алтея (в центре) в униформе школьного оркестра Уиллистонской индустриальной школы

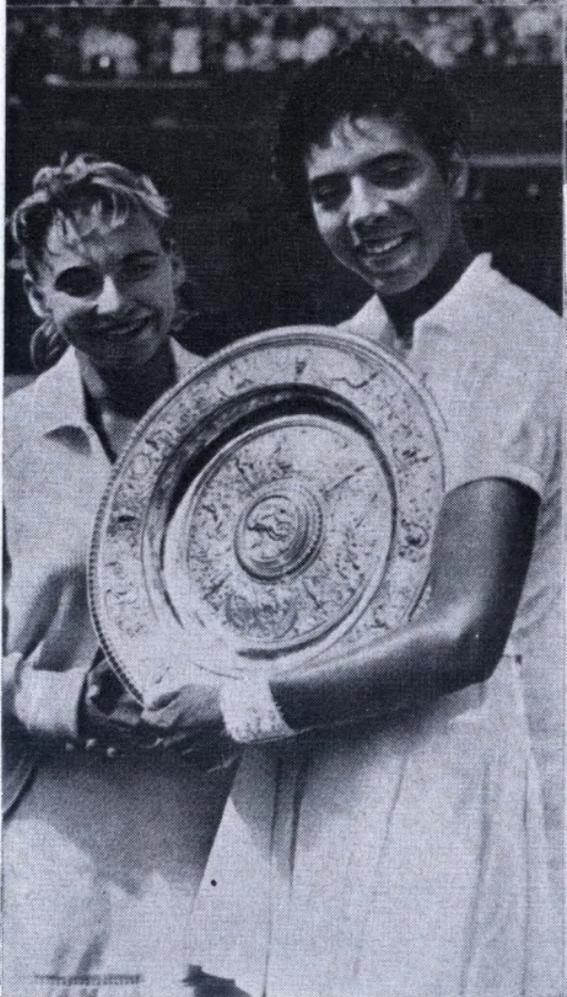
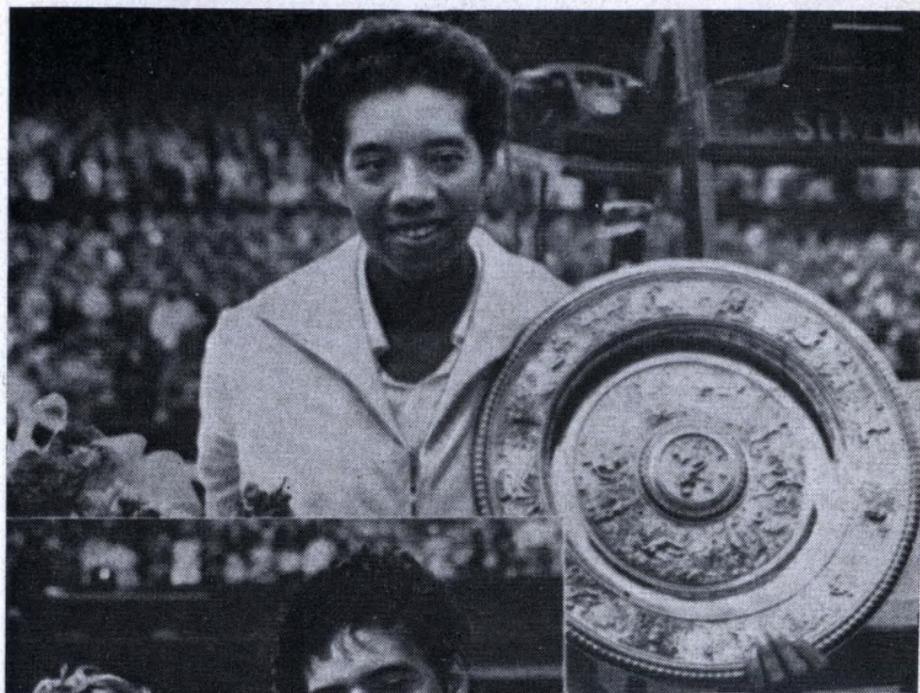

● В платье, купленном для нее мисс Итон, Алтея выглядела совершенно счастливой

● Алтея и Боб Перри (на дальнем конце корта) против Хэма Ричардсона и Кэррол Фагерос в показательном матче в Бирме (1955 г.)

●
После победы в чемпионате Уимблдона в женском одиночном разряде (1958 г.)

●
Алтея и Дарлен Хард — второй призер чемпионата Уимблдона в женском одиночном разряде (1957 г.)

● Гольф — еще одна любимая игра Алтеи. Она и здесь признана сильнейшим игроком мира

● Алтея увенчана короной королевы красоты Гарлема

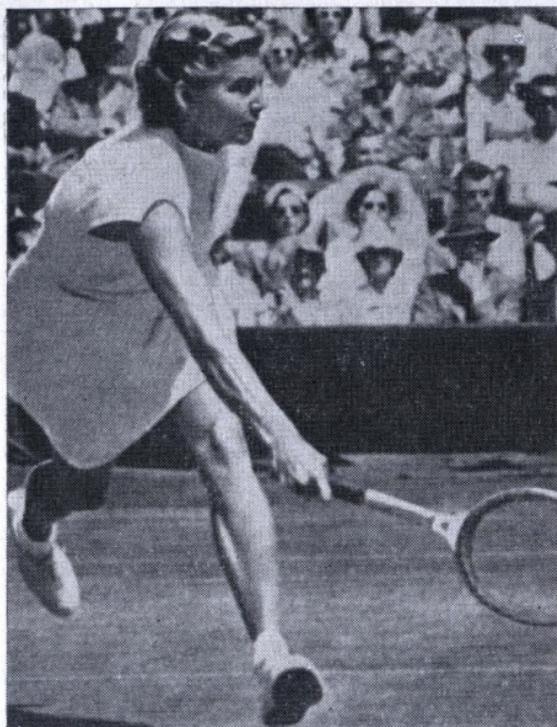
● Алтея решила попробовать свои силы в качестве исполнительницы популярных песен

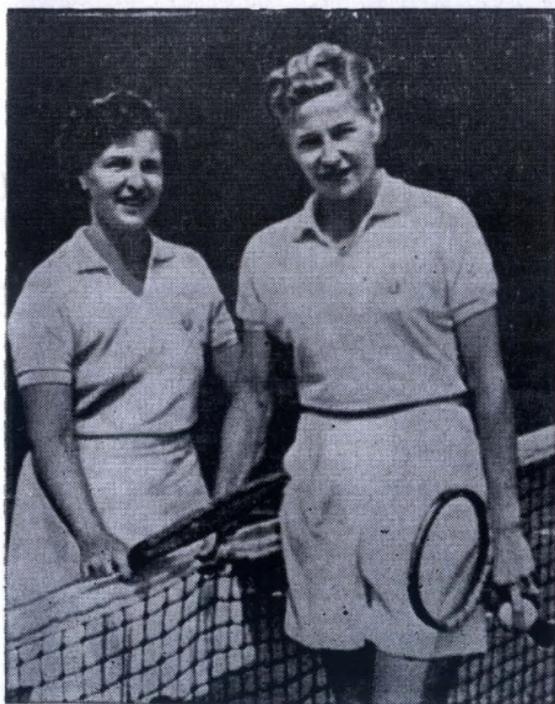
● Ритуал поздравления чемпиона Уимблдонского турнира. Королева Елизавета приветствует победителя

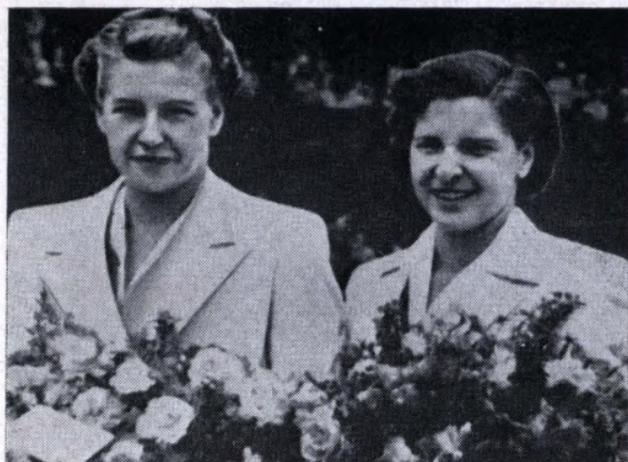
- Маргарет дю Пон (ранее Осборн) — одна из сильнейших теннисисток мира 40—50-х годов. В 1947 г. она завоевала звание чемпионки Уимблдонского турнира в женском одиночном разряде

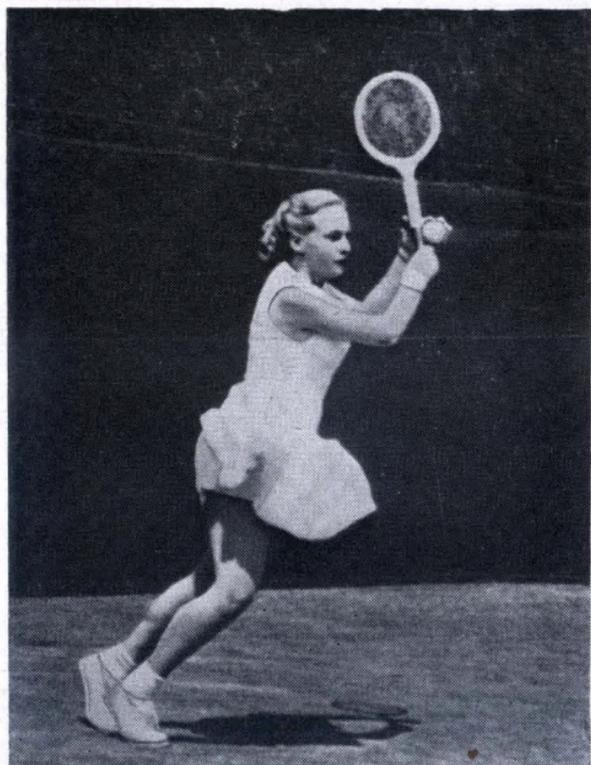
Луиза Бро (позже Клэпп) неоднократно выходила победительницей Уимблдонского турнира в одиночном разряде. Это высокое звание она завоевывала в 1948, 1949, 1950 и 1955 гг. В паре с М. дю Пон она пять раз выходила победительницей Уимблдона в женском парном разряде

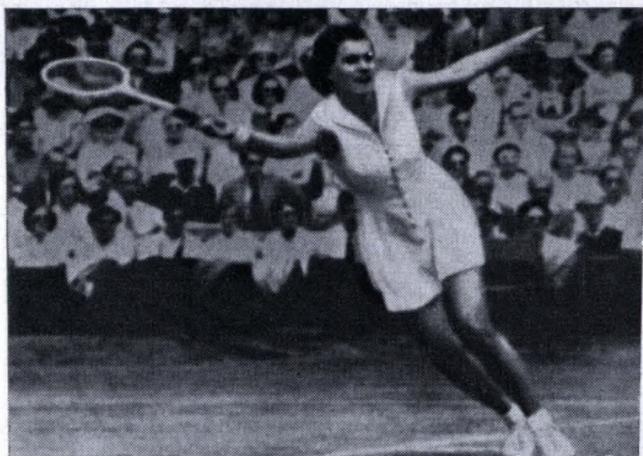
Маргарет дю Пон (слева) и Луиза Бро неоднократно встречались в финалах одиночных соревнований Уимблдонского турнира. В 1947 г. М. дю Пон завоевала чемпионский титул. В 1948 г. этот титул перешел к Л. Бро — его она удерживала в течение трех лет

●
Пара Луиза Бро и Маргарет дю Пон была одной из сильнейших в мире в течение целого ряда лет. Теннисистки завоевывали звание чемпионки Уимблдонского турнира в 1946, 1948, 1949, 1950 и 1954 гг.

●
Дарлен Хард в 1958 г. в финале чемпионата Америки проиграла Алтее Гибсон. В 1957 г. в паре с Гибсон она стала чемпионкой Уимблдона

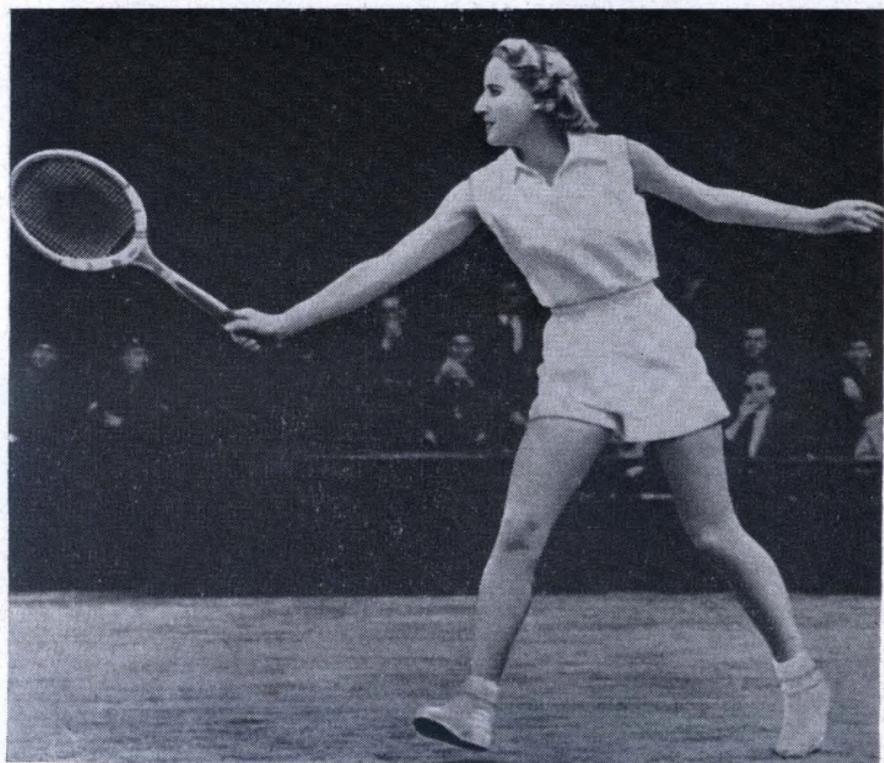

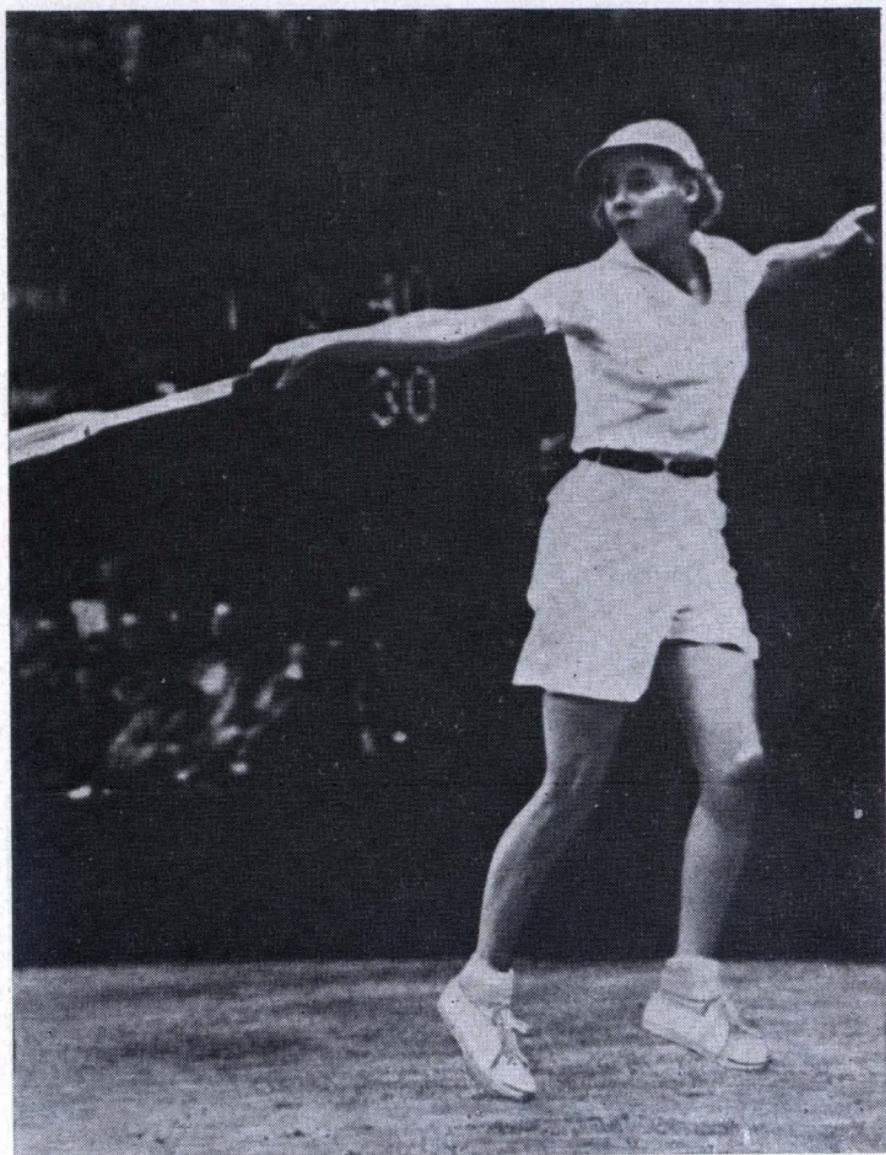
●

Ширли Фрай стала чемпионкой Уимблдонского турнира в 1956 г. В течение нескольких лет в паре с Дорис Харт они завоевывали звание победительниц женских парных соревнований в Уимблдоне (1951, 1952 и 1953 гг.)

●

Анджела Мортимер в паре с Дж. Шилкок стала чемпионкой Уимблдонского турнира в 1955 г. В 1958 г. она завоевала звание чемпионки Австралии в женском одиночном разряде

- В 1939 г. Алиса Мабл выиграла титул чемпионки Уимблдонского турнира во всех трех разрядах программы: одиночном, парном и смешанном. Ее отличала динамичная, темповая игра

- Дорис Харт — чемпионка Уимблдонского турнира 1951 г. в женском одиночном разряде, неоднократная чемпионка в парном (1947, 1951, 1952, 1953 гг.) и смешанном разрядах (1951, 1952, 1953, 1954, 1955 гг.)

●
Мария Буэно (Бразилия) — чемпионка Уимблдонского турнира 1959—1960 гг.

●
Билли-Джин Моффит-Кинг, шестикратная победительница Уимблдонского турнира в одиночных состязаниях, девять раз добивалась успехов в этом турнире в парном разряде и дважды — в смешанном

Цена 75 коп.

АЛТЕЯ ГИБСОН

Неоднократная
чемпионка США
Чемпионка Франции
Чемпионка Италии
Чемпионка Австралии
Двукратная чемпионка
Уимблдонского турнира

